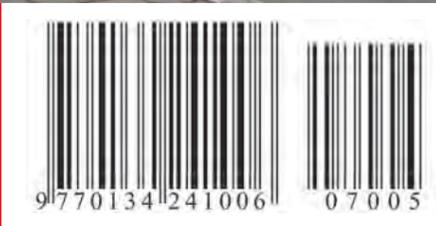

Фото И. Г. Клюева

**Внимание! Редакция журнала
«Уральский следопыт» теперь
находится по адресу: пр. Ленина, 22**

У Р А Л Ь С К И Й
Следопыт

№ 5, 2007

май
2007 (№599)

**Не стареют
душой
ветераны**

«Дорогие друзья! Дорогие мои!

...Я никогда этого не говорил, сегодня мне важно вам это сказать. Боль каждого из вас отзывалась болью во мне, в моем сердце. Бессонные ночи, мучительные переживания: что надо сделать, чтобы людям хотя бы чуточку, хотя бы немного жилось легче и лучше? Не было у меня более важной задачи.

Я ухожу. Я сделал все, что мог. И не по здоровью, а по совокупности всех проблем. Мне на смену приходит новое поколение, поколение тех, кто может сделать больше и лучше.»

Из обращения президента Б. Н. Ельцина к гражданам России 31 декабря 1999 года

Памятник И.М. Малышеву (1889—1918), уральскому большевику и политкомиссару, первому председателю Екатеринбургского комитета РСДРПб установлен на пересечении ул. Малышева и ул. 8 Марта в 1977 году.

Авторы: скульптор В.Е. Егоров, при участии архитекторов Л.Б. Масленникова и В.А. Краснова. В настоящее время памятник демонтирован и установлен на правом берегу Исети по ул. Малышева.

23 апреля на 77-м году жизни скоропостижно скончался первый президент России Борис Ельцин. Врачи констатировали внезапную остановку сердца. Президент России Владимир Путин объявил 25 апреля днем национального траура.

По словам многих ведущих политических деятелей, Ельцин внес существенный вклад в становление демократии в России. «Ельцин был патриотом России, верившим, что демократия — это единственный путь к восстановлению величия России в 21 веке», — говорится в заявлении экс-президента США Билла Клинтона и его супруги. «Борис Ельцин — человек, которого мы никогда не забудем, который олицетворяет собой ключевую политическую фигуру XX века», — заявил Верховный комиссар Евросоюза по внешней политике и безопасности Хавьер Солана.

Поскольку Борис Ельцин — наш земляк, администрация Екатеринбурга планирует создать памятник и переименовать в его честь одну из улиц города.

В эти дни Бориса Ельцина вспоминают те, кто знал его не только как политического лидера, но и как «обыкновенного» человека, с которым случалось общаться в повседневной жизни. Среди таких людей — Аля Ивановна Таначева, директор музея Свердловского областного клинического психоневрологического госпиталя для ветеранов войн. Она в свое время руководила предвыборным штабом Ельцина, была председателем Фонда поддержки первого Президента России. Ей довелось общаться не только с Борисом Ельциным, но и с его семьей.

Он по сути своей был строителем...

— Аля Ивановна, как вы начали работать с Борисом Николаевичем?

— Наша первая встреча состоялась 1 февраля 1989 года, когда он только шел к власти. Конечно, еще до этого все мы были наслышаны о нем: в ту пору начали транслировать заседания партсъездов, Советов народных депутатов, и действия Бориса Николаевича горячо обсуждались. Ведь выйдя из партии, наш земляк выступил в роли бунтаря, против большинства. Его надо было защитить, и его свердловские сторонники объединились в Фонд поддержки Бориса Ельцина. Тогда, в нашу первую встречу, мне запомнилась его манера работать с людьми, в том числе с подчиненными: он не навязывал нам своего мнения. Ситуация была непростая, но он совершенно спокойно рассказывал, предлагая варианты, как выйти из положения... Когда появился штаб, который занимался подготовкой к выборам в Верховный Совет России, меня тоже пригласили участвовать в его работе. И после победы Бориса Николаевича члены штаба продолжали встречаться: поддержка нашему депутату-земляку была необходима постоянно. Позже я начала работать помощником депутата. Поначалу было тяжело. Не всегда открывались двери его кабинета. Но раз в неделю я должна была приехать и отчитаться за работу. Приходили правительственные телеграммы, и я отправлялась в Кремль. Это было очень важно: именно по нашим отчетам, а не по «чистописанию» Кремля Ельцин мог судить о настроении в обществе, получать правдивую информацию.

Его деятельность на посту первого лица страны началась в очень сложной обстановке. А приход к власти был очень драматичным... Когда мы увидели видеозапись съезда, на котором буквально травлили Сахарова, общественного деятеля, замечательного ученого и очень

порядочного человека, никто не знал, что с этого поединка начнется распад страны. С этого съезда уже не было прежнего государства. А Ельцин еще пытался сохранить Россию. Он не дал выйти из состава страны некоторым регионам, находящимся в центре России. И неизвестно, как развивалась бы ситуация, если бы он не пришел к власти.

Претендентом на главный пост страны, которого поддерживала действующая власть, был Казанник, но он уступил место Ельцину. Если бы победил Казанник, возможно, это была бы роковая ошибка. Ведь Казанник был хорошим ученым, но не организатором. Позже я разговаривала с ним и спросила: «Почему вас поддерживали, а Ельцина — нет?». Он ответил: «Потому что я не смог бы ничего сделать против Горбачева».

В пору событий 19 августа 1991 года напряжение было огромное — чувствовали, что зарождается что-то новое, но никто не знал, что это будет. Время было тяжелое — каждый должен был сам себе выбирать дорогу, принимать решение. А привычки такой не было, раньше за всех все решала партия. Кто-то встал на сторону нового, кто-то — старого. На съездах доходило до рукоприкладства, и все боялись друг друга. Что же касается государства, его практически не было.

С этого пришлось строить новое государство. И Борис Николаевич сумел взять на себя ответственность за развалившуюся страну. Прежде всего, он сумел в этом безумии сохранить свою область. Например, еще не будучи Президентом, он организовал постройку птичников и теплиц по городам Свердловской области, которые были необходимы, чтобы поднять хозяйство. По его словам, родина — это главная опора, и надо сказать, слова у него не расходились с делом. Некоторые люди ездят по всему миру, ища лучшей доли. А Борис Николаевич, видя что-то хорошее за рубежом, учился и старался это привнести в свою работу. И еще — он не только понимал, что такое свобода, он знал, как ее добиться.

Надо сказать, что уральцы его поддерживали, надеялись на него. В пору его пути к президентской должности, когда Ельцина дискредитировали, и это дошло до людей, его земляки стали возмущаться, начались митинги в поддержку Ельцина.

— Говорят, Борис Николаевич был властным человеком, и из-за этого с ним было непросто работать. Это как-то проявлялось в вашей работе с ним?

— Это был человек с характером и, что называется, с харизмой. Но у меня никаких проблем из-за характера Бориса Николаевича не возникало. Даже наоборот. Вообще должна сказать, что Борис Николаевич был разным: и жесткий, и мягкий, и настырный, и всепонимающий. Когда вел разговор, мог убедительно доказать свою правоту, но и других выслушивал с пониманием. Он был разным не для разных людей, а для разных моментов и ситуаций.

Был случай, когда секретари и охрана не пустили меня к нему, хотя была назначена встреча, и он меня ждал. Когда, наконец, мне удалось пройти в кабинет Президента, было так досадно за неоправданную задержку, что я швырнула пропуск, сказав, что больше никогда не буду проходить по нему, если охрана меня не пускает. Он медленно нагнулся (уже тогда у него болела спина), поднял его и подал мне со словами: «Вы еще долго по этому пропуску будете проходить в Кремль». Затем вышел, перего-

ворил с людьми, и больше у меня проблем не возникало. Это мелочи, но в них проявляется человек.

Мне было с ним легко работать. А самое главное — был бы он деспотом, не было бы тогда такой хорошей, дружной семьи. Это все — не случайно, семья — это очень важный показатель. Дети, внуки, правнуки, зять — все они прекрасные люди. И Борис Николаевич всегда стремился в трудную минуту поддержать и успокоить их, потому что был главой и этого «государства» — семьи.

— Ваше общение с Борисом Николаевичем не ограничивалось работой?

— Нет, я была принята его семьей, бывала у них дома. Знала его маму, Клавдию Васильевну. Это была превосходная, безграмотная, но обаятельная женщина. В основном она их всех растила, занималась воспитанием детей. Пока дети росли, ей приходилось кочевать вслед за мужем. Отец Бориса был рабочим, из-за специфики своей работы он перебирался из города в город. И жена все время следовала за ним, и всегда при ней была швейная машинка. Она была рукодельница — обшивала всю семью.

И папа его, и дед были строителями. Когда Борис собрался идти в институт, дед сказал: «Нет, дорогой, друг, ты сначала скатай-ка мне баньку, потом пойдешь поступать. Не скатаешь — не пойдешь в строители». И Борис исправно работал, строил баню своими руками. Когда закончил, осталось 3 дня до начала поступления, и дед сказал — ну что ж, сейчас можно и действовать. И Борис поступил на строительный факультет. Только ли потому, что у него в семье были строители, и решил таким образом продолжить традицию? Нет — оттого, что была потребность строить — наш город, государство. Он, по сути, в душе своей оказался строителем (не просто домов, бань, но строителем для области, для страны) и устройтелем. Во многих ситуациях, которые складывались в это время, он находил выход.

— Каким был Борис Николаевич в повседневной жизни, если не говорить о его роли первого лица страны?

— Вся его жизнь была подчинена его работе, поэтому сложно говорить и какой-то неизвестной, частной стороне жизни Ельцина. Он был настоящим тружеником. Но вообще-то он был обыкновенный мужик, который любил все то, что любили все российские мужики. Даже став Президентом, он никогда не забывал своих старых друзей — еще в институте у них был очень дружный курс, и уже после окончания УПИ, на протяжении 50 лет они встречались с однокурсниками. Вместе могли отправиться в поход, на озеро. А еще он был страстным экспериментатором. Сам себя называл хулиганом. Он был готов постоянно пробовать что-то новое. И возможно, пробился на самую вершину власти из-за того, что с детства был очень самостоятельным. Разница в возрасте между ним и Михаилом, младшим братом, была в несколько лет, и она сказывалась буквально во всем. Миша постоянно находился при матери, а старший сын был более независимым. Ни сестра, ни брат не вышли в такие лидеры — это говорит о его незаурядных способностях.

И еще — Ельцин был прекрасный семьянин. Для своей семьи он стал превосходным отцом, мужем, дедом и прадедом. Приходилось постоянно слышать: папа сказал, муж сказал — все прислушивались к его мнению. Внуки, дети и правнуки любят его до безумия. Он был тем, с кого они могли брать пример и учиться добру и вниманию друг к другу в семье.

май 2007

Михаил ТИТОВЕЦ

Мужики работали целый день... количество добытой платины исчислялось пятидесятью пудами. Когда об этом узнало начальство — поезд уже ушел.

Евгений РУСЯЕВ

...Его продолговатые и чуть раскосые глаза смеялись, а уши-лопушки весело топорщились. Два почти прозрачных крылышка чуть поблескивали...

Палатка — это важный атрибут походного снаряжения. И в лесу, и в поле, и на льду она будет служить отличным укрытием от дождя, ветра, снега и града.

РЕКА ВРЕМЕНИПамять

Н. ЧЕЛНОКОВА	Он по сути своей был строителем.....	1
З. ЩИПАНОВА	Аэрофоторазведчицы	4
А. КОЗЫРЕВ	Под сенью готического креста.....	8
Г. ШУЛЬМИН	«Помогла винтовочка-то...».....	10
А. АЛЕКСЕЕВ	Недостреленный.....	14
В. МИХАЙЛОВ	Памятники Свердловска—Екатеринбурга	78

Тропой поиска

Ю. ГОРБУНОВ	Писательницы России	7

День Победы

И. ГЛАДКОВА	Ордена из кованого сундука.....	11

Легенды и были

О. ОЖГИБЕСОВА	Оглянись, Березово... ..	39

Награды субъектов РФ

А. МАКУРИН	Награды Ямало-Ненецкого автономного округа....	50

Заповедные земли

Ю. СЕНТЯБРЕВ, В. САДЫРИН	Бакальский первожитель	58

Юбилей

М. ТИТОВЕЦ	Платиновый век Качканара	63

АЭЛИТАВремя мастера

В. СТАНЦЕВ	Стихи	6
Ю. ЛЕВИН	Повезло мне, повезло	20
В. ДУЛЕПОВ	Стихи.....	44
Е. БУНТОВ	Рассказы	47
Ю. КОНЕЦКИЙ	Стихи.....	68

Фантастика

Д. ДЗЫГОВБРОДСКИЙ	Исповедник	33
Н. БОДРОВ	Новичок	60
Н. РАКИТИНА	Служба безопасности библиотеки	69
Е. РУСЯЕВ	Джризлик.....	72

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕРЗаписки очевидца

Е. РУСЯЕВ	Подснежники.....	24

В объективе — Урал

Е. САВЕНКО	Лики гор и лесов	26

Маршруты «Уральского следопыта»

	Ямантау	28

Путешествие

А. ПОЛЯНСКАЯ	Манящие вершины	52

Советы специалиста

	Палатка	67

Главный редактор — Максим Фирсов.

Редакторы разделов — Юний Горбунов, Борис Долинго, Светлана Надь, Евгений Русяев. **Худ. редактор, верстка** — Юлия Ульянова. **Художник** — Ирина Овсянникова. **Набор** — Валентина Кадочникова. **Корректор** — Татьяна Сергеевко. **Фото 1 и 4-й полос обложки** — И.Г. Ключев.

Учредитель — общественная организация «Трудовой коллектив редакции журнала «Уральский следопыт».

Издатель — ООО «Уральский следопыт».

Редакционный совет — Владислав Крапивин, Сергей Казанцев, Борис Стругацкий, Геннадий Прашкевич, Олег Поскребышев, Юрий Казарин, Станислав Мешавкин, Вадим Осипов.

Наблюдательный совет — Евгений Виноградский, м.с.м.к., «Снежный Барс»; Евгений Савенко, чл. Союза фотохудожников России; Семен Спектор, заслуженный врач России.

Выпуск издания осуществлен при финансовой поддержке **Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям** при поддержке **Министерства физкультуры, спорта и туризма Свердловской области**.

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ».

Внимание! «Уральский следопыт» переехал, новый адрес редакции: г. Екатеринбург, пр. Ленина, 22.

E-mail: info@uralstalker.ru **www.** uralstalker.ru
Регистрационное свидетельство № 441, выдано 13.12.90 г. Министерством печати и массовой информации РСФСР

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на логотипы и название журнала. Рукописи принимаются отпечатанными не менее 12 лт, по 60 знаков в строке, 28–30 строк на странице. Каждая страница рукописи должна быть подписана автором. Обязательно прилагать информацию об авторе; указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте журнала, корректорскую и редакторскую правки. В первую очередь рассматриваются рукописи, дополненные электронной версией (E-mail, дискета, CD). **Рукописи не рецензируются и не возвращаются.** При отправлении электронных сообщений обязательно заполнять поле ТЕМА. Любое использование материалов журнала допускается только с письменного согласия ООО «Уральский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна.

По вопросам приобретения журнала обращаться по тел. (343) 257-36-62.
Вы также можете оформить подписку через агентство альтернативной подписки ООО «ИНТЕР-ПОЧТА-2003», агентство «Урал-Пресс», Почта России
Подписано к печати 30.04.2007 года. Печать офсетная. Тираж 4500. Отпечатано в типографии ООО ПТЦ «ЯСА», г. Красноуральск, ул. Чкалова, 4. Заказ №

Аэрофоторазведчицы

В истории Великой Отечественной советская военная операция между Тиссой и Дунаем в Венгрии носила название «девятого удара». Боевые действия продолжались до середины февраля 1945 года. Войска 2-го и 3-го Украинских фронтов, освободив Бессарабию, Румынию, Чехословакию и Болгарию, вышли к границам Венгрии, окружив в районе Будапешта 188-тысячную немецкую армию. Во избежание материальных и людских потерь советское командование предложило окруженной группировке капитуляцию с сохранением жизней. Предложение было отвергнуто. Офицеры-парламентеры были убиты. Венгрия оставалась последней союзницей Гитлера, еще державшей границы Австрии и Германии.

131-й авиационный бомбардировочный полк стоял на венгерской границе. Его самолеты бомбили оборонительные укрепления на Дунае, скопления вражеских войск в горах Карпат. На вооружении полка, кроме самолетов-бомбардировщиков, были истребители сопровождения и самолеты-разведчики У-2. Взлетной полосой служило широкое поле с остатками необранной кукурузы.

Время вылета самолетов-бомбардировщиков зависело от двух молодых сержантов — Марии Зотовой и Зои Гришиной. Это они в своей секретной лесной лаборатории проявляли, расшифровывали пленку из фотоаппарата «АФА-33» самолета У-2. Затем составляли карту местности для летчика с указанием выявленных целей на уничтожение. Подготовив карту и вооружившись автоматами, девушки бежали через лес к аэродрому с 17-килограммовой кассетой в руках для самолета-разведчика и картой летчику-бомбардировщику. На аэродроме их уже ждали. Позднее у аэрофоторазведчиков появился трофейный мотоцикл с коляской, и девушки значительно сокращали время.

Зоя Гришина и Мария Зотова были подругами. Жили до войны в Уфе, с 4-го класса учились в одной школе. Однажды прочитали в местной газете объявление о наборе девушек в Давлекановское военное училище. Закончив десятилетку, решили туда поступить и сдружились еще больше. Каждую неделю из Уфы в Давлеканово навещать подруг приезжала мама Марии. Она привозила им угощение — трехлитровую бутылку козьего молока и кастрюлю вареной картошки. Вот тогда у девушек был пир горой.

Зоя Гришина (слева) и Мария Зотова на фронте. Болгария, 1944 год

В конце сорок третьего года Мария и Зоя окончили военное училище. Им присвоили специальность аэрофоторазведчиков и воинское звание сержанта. Фронтной офицер подполковник Солоненко, приехавший для набора специалистов, выбрал двух сержантов аэрофоторазведчиками в авиационный бомбардировочный полк и выдал им направление в штаб 4-го авиационного корпуса 2-го Украинского фронта.

Так недавние уфимские школьницы и подруги отправились на войну, не представляя себе, какие их ждут испытания.

В полку под Харьковом были довольны пополнением: в дипломах подруг, листах оценок по всем дисциплинам, в том числе и авиационно-техническим, стояли только высшие оценки.

Так началась их дружба. Автобус, начиненный фотоаппаратурой, оказался трофейной немецкой лабораторией. Все приборы — увеличители разных размеров,

Зинаида Александровна Шипанова — давний автор нашего журнала. Читатель 70-х годов может помнить ее повесть «Я люблю вас», рассказы «Коляска» и «слово о брате». Молодые читатели вспомнят очерк «Здравствуй, милая Маруся!» («УС» №5, 2002).

Ныне она — член республиканского комитета ветеранов войны и военной службы, председатель клуба «Фронтовые подруги». Живет в Уфе.

Мария Суворова (Зотова). Утро 9 мая 2005 года

фотоаппараты, знакомые им по учебе, были в исправном состоянии. Видно, у немцев не хватило времени, чтобы уничтожить этот секретный объект. Цели были и откидные, как в вагонах, полки для отдыха лаборантов. Секретный объект охранял часовой с винтовкой.

Работать приходилось круглосуточно. Наземная разведка следила за действиями и продвижением войск противника. Разведданные сообщали штабу авиационного полка. Для точного определения цели с аэродрома в любое время дня и ночи вылетал самолет-разведчик У-2. При мгновенной вспышке магния огромный, как глаз циклопа, объектив вмонтированного в фюзеляж фотоаппарата выхватывал из темноты плотную колонну немецкой пехоты — головы в касках, серые кузова огромных машин, танковые башни. По карте, составленной девушками-аэрофоторазведчицами, бомбардировщик в сопровождении истребителей вылетал на бомбежку. И У-2 тоже делал повторный вылет к месту бомбежки. Когда на фотобумаге проявлялись картинки разбитой колонны — горящие машины, танки — девушки ликовали и тут же докладывали по радиации дежурному по аэродрому: «Цель накрыта!». Им отвечали восторженные голоса летчиков: «Девчата, вы молодцы!». Полк обожал славных девушек из фотолаборатории.

Сражение под Будапештом не утихло. Окруженные немецкие войска выходили на прорыв. Небо над аэродромом гудело взлетающими на бомбежку самолетами. Зоя и Мария без отдыха сновали на своем мотоцикле по лесной дороге с кассетами и картами для летчиков.

Как-то в штабе полка получили сигнал о прорыве обороны пехоты немецкими танками. Они горной дорогой спускались в лощину. Самолет-разведчик засек место продвижения колонны. Зоя и Мария получили кассету и быстро подготовили все документы. С аэродрома по радиации их торопили: «Девчата, скорей, скорей!». И тогда девушки решили сократить путь — ехать не лесной дорогой, а напрямую по полю, по кромке взлетной полосы. Стоял январь. Но снегу почти не было. Дул сырой, пронзительный ветер. Зоя села в коляску, положив тяжелую кассету себе на колени, карту летчика держала в руках.

Мария повесила себе на грудь радию на кожаном ремешке и села за руль. Взревел мотор, и они понеслись под свист холодного ветра.

Были уже на полпути, когда прогремел взрыв. Марию выбросило с сиденья на землю. Еще не осознав, что произошло, она вскочила на ноги и тут же снова упала от резкой боли. Огляделась: ватные штаны разорваны, испачканы кровью. В голове мелькнуло: «Налетели на мину! Где же Зоя? Что с ней?» Она поползла. Зоя сидела в коляске. Ее голова была откинута назад. Шею, как бритвой, перерезал осколок мины. Зоя была мертва. Секретные документы, кассета и карта невредимыми лежали на ее коленях. Мария машинально нашла рукой радию на груди, нажала на кнопку вызова:

— «Соколы», я «Незабудка». Мы налети

тели на мину, обе ранены.

Она почему-то не могла сказать, что Зоя убита. Видимо, и сама в это еще не верила.

Машина с аэродрома подъехала быстро. Все происходящее Мария видела, как во сне. Приехавшая медсестра сделала ей перевязку, остановила кровь.

Солдаты тут же в неглубокой воронке похоронили Зою, завернув ее тело в плащ-палатку, как в библейскую плащаницу. Положили на дно воронки, сверху насыпали бугорок. В него воткнули белый колышек, на котором написали химическим карандашом: «Старшина Гришина». Этот колышек был знаком для похоронной команды, которая собирала убитых и хоронила их в братской могиле. Только, наверное, еще не скоро нашли тот колышек у аэродрома: за четыре неполных месяца войны в Венгрии было убито двести тысяч советских солдат и офицеров, таких же молодых и отважных, как Зоя Гришина.

Полкам и дивизиям фронта, участвовавшим в той битве, было присвоено наименование «Будапештские» — в память о грандиозном сражении.

Старшине Зотовой не пришлось долго лечиться в полевом госпитале. Кроме нее, аэрофоторазведчиков в полку больше не было, и ей пришлось работать одной, без Зои...

Осенью 1945 года Мария Зотова вернулась домой, в Уфу, с медалью «За боевые заслуги». Потом к ней прибавились и другие награды: медаль «За взятие Будапешта», «За освобождение Вены», «За победу над Германией». А в честь 55-й годовщины Победы советского народа в Великой Отечественной войне все фронтовики были награждены орденом Отечественной войны.

Вскоре Мария вышла замуж за своего одноклассника Василия Суворова. У них родились две дочери — Татьяна и Ольга. Теперь уже и внуки взрослые. Мария и Василий работали на моторостроительном заводе.

Военная специальность пригодилась Марии и на гражданке. Теперь она искала дефекты в двигателях самолетов, поступающих на ремонт. Заведующей фотолабораторией она работала 35 лет, прихватив несколько лет пенсионного возраста.

22 июня 1941

Вставал на цыпочки рассвет
с улыбкой ясною спросонок,
как не хлебнувший еще бед
в объятых матери ребенок.
А день уже наотмашь бил,
ослепло солнце в дымном гуле,
и души падали без сил,
как на последнем вздохе пули.
Померк испуганный закат:
огонь всё сущее увечил...
И только русский жил солдат,
судьбу страны взвалив на плечи.

9 мая 1945

Мир опустился на кроваво поле,
расправив опаленные крыла,
и тишина пугливая легла
на душу мне, пронизанную болью.
Я слышу робкий голосок синицы,
как колокольчик полевой звенит...
И смотрят с удивлением в зенит
пустые орудийные глазницы.

В дзоте

Вспомнил дзот я —
хрупкие накаты...
Сорок первый —
многосмертный год.
Спят в углу уставшие ребята,
дремлет в амбразуре пулемет.

Только я не сплю у пулемета
с юностью своей наедине.
Чуть видны мне
в амбразуру дзота
срезанные немцы на стерне.

Я к другой готовился работе,
зная сто премудростей из книг,
но тогда,
у амбразур дзота,
я не вспомнил ни одной из них.

Вот заговорили пушки вражьи,
взвод у нас,
у них в атаке — полк!
Перла цепь
пунктиром тусклых пряжек,
чуть повыше я направил ствол.

Не было тогда важнее дела —
мысль одна владела мной опять:
посредине прорези прицела
только бы мне мушку удержать!..

Утро

Провода гудят,
как нервы перед боем,
натянутые, как провода...
Мы устало окопы роём:
скоро танки придут сюда.
Звон лопат,
не слышать разговоров,
не лезет в горло никакая еда:
танки скоро, танки скоро,
скоро танки придут сюда.
Мало толку
от длинноствольных ружей,
еще меньше от хвалёного штыка.
Глубже в землю, глубже, глубже:
слышен грохот издалика.
Дрожат от нетерпения
дула орудий,
слезинкой скатилась по небу звезда,
что ж вы не молитесь, люди,
скоро танки придут сюда.

Венедикт Станцев родился 22 апреля 1922 года. Закончил Учительский институт. Воевал в 1941–1945 гг. на Западном, Ленинградском, Волховском, Сталинградском, Степном, 4-м Украинском, 1-м Прибалтийском, 2-м Прибалтийском фронтах. Закончил войну в Кенигсберге в Восточной Пруссии.

Издано 15 книг прозы и поэзии. Лауреат премии имени П. П. Бажова, Губернаторской премии, премии имени Н. И. Кузнецова. Член Союза писателей России с 1965 года.

22 апреля 2007 года Венедикту Тимофеевичу Станцеву исполнилось 85 лет. Коллектив сотрудников журнала «Уральский Следопыт» от всей души поздравляет юбиляра с Днем рождения!

Творческих успехов, здоровья, бодрости и всего самого наилучшего, дорогой Венедикт Тимофеевич!

Полмоста

Убить человека не просто,
если даже приказ...
У немцев в руках полмоста,
и, ясно, чуть меньше у нас.
От ухарства — шаг до погоста.
Надо прямо сказать:
они боялись сдать полмоста,
а мы, естественно, взять.
Атака не любит осечки,
но не о том сейчас.
У них кровь стекала в речку,
и, само собою, у нас.
Убить человека не просто,
если даже война.
Кровь — двумя струйками — с моста
тихо смешивала волна.

Пехоте

Непреложны войны законы:
когда разгорается бой,
на вес смерти ты ценишь патроны,
на вес жизни самой.
С поля битвы — одна дорога,
и участь ты знаешь свою:
тебя столько у Господа Бога —
душам тесно в раю.

Весь из грома и молний,
бой идет на рассвете.
За спиной — город стольный —
самый свой на планете...
Наши раны пресвяты,
свята верность сыновья.
И заря, как солдаты,
обливается кровью.

На войне что утро, что вечер стылый —
гибли бойцы рядами.
Не я: нечем было,
и чист я перед богами.

Перебивая станковую жилу
у войны многоствольной,
мы сами теряли силу,
а с нею и сердоболье.

Юний ГОРБУНОВ

ПИСАТЕЛЬНИЦЫ РОССИИ

(Материалы
для библиографического словаря)

В

ВАРЛАМОВА Раида (Раиса), дет. писательница.

Авт. произв. «Семейный магазин современных усовершенствований к распространению между всеми классами людей изящного вкуса, порядка и удобств в домашней и общественной жизни, тысячи тех незначительных и значительных материальных предметов, которые благоприятствуют удобствам и мирному, невозмущаемому наслаждению домашней жизнью, согласно потребностям каждого человека». М., 1856, 4 части. — рец. «Отч. зап.». 1856. № 8. Авт. «Ласточки-думки: 12 легоньких повестей для маленьких детей». М., 1860; 2-е изд. М., 1865.

Слов. рус. писательниц; Венгеров. Источ.

ВАРОПАЕВА А., беллетристка 1900 г.

Венгеров. Источ.

ВАРРЕЙН Мария Максимовна (псевд. Неплю), поэтесса 1900-х гг. (Вильна).

Масанов; Венгеров. Источ.

ВАРСОНОФЬЕВА Вера Александровна (1890 — 1976), авт. воспоминаний.

Геолог. Авт. кн. «Происхождение и строение земли». «Вдохновенный пропагандист науки» — В кн. «Александр Евгеньевич Ферсман: Жизнь и деятельность». М., 1965. С. 175-185; «Из воспоминаний о А.Е.Ферсмане». — «Записки Всероссийского минералогич. об-ва», 1914, сер.2. Ч.75. № 1. С.83-88.

ИДРДВ. Т.4. Ч.3. № 519. Личн. арх. фонды. З.

ВАРСТ Ф.

(См. Степанова В.Ф.).

ВАРТАНЯН(Ц) Елизавета Мартыновна (псевд. Люси), писательница.

Авт. кн. «Из дней минувших» (Баку, 1909).

Масанов.

ВАРФОЛОМЕЕВА Анна Трофимовна (урожд. Трофимова; 1895 —), авт. воспоминаний.

Воспитанница Симбирской чувашской учительской школы (1909-1914). Написала воспоминания о чувашском просветителе Яковлеве (хранятся в архиве Чувашского пединститута), вошедшие в кн. «И.Я.Яковлев в воспоминаниях современников». Чебоксары, 1968. С.71-77.

ИДРДВ. Т.4. Ч.3. № 6373.

ВАРШАВСКАЯ Клара Ильинична (1892 — 1960), писательница.

О ней: Писатели Ленинграда. Л., 1964.

Мацев.

ВАРШЕР Татьяна Сергеевна (1880 — 1960), историк, журналист, авт. воспоминаний.

Археолог. В 1923 в Берлине вышла ее кн. «Виденное и пережитое: В советской России». В газ. «Сегодня» (1937. 20 апр.) не печ. ее восп. «Красавица Е.П.Леткова: (Из воспоминаний о встречах с ней)»; а также «Встречи с А.С. и П.Н.Милюковыми» (Сегодня. 1935. 23 февр.); «Графине Софье Владимировне Паниной» \\ Рус. мысль. 1956. 3 июля; «Встречи с ген. В.И.Гурко в Риме» \\ Сегодня. 1937. 21 февр.; «Заметки горестного сердца: Памяти граф. Софьи Александровны Ферзен» \\ Русская мысль. 1958. 17 апр.; в этой же газ. «Заметки...» продолжены другими сюжетами (1956. 6 сент., 1958. 6 нояб.; 1957. 2 мая); «Последние годы Н.И.Кареева при большевиках» \\ Сегодня. 1931. 15 марта; там же «Мои встречи с Плевичкой и Скоблиным» (1939. 7 мая); «Две жены Максима Горького» \\ Сегодня. 1921. 8 нояб.; «Встречи с Короленко» \\ Сегодня. 1922. 1 янв.

Кн. рус. зарубежья. Амфитеатров; РРЭВД. 1- 4.

(Продолжение на стр. 13)

Под сенью готического креста

Шахтерский поселок Левиха, что в Свердловской области, не изобилует древностями, точнее сказать, их там совсем нет. Почти полностью деревянный поселок основан в конце двадцатых годов прошлого века на месторождении медной руды — как придаток Кировградского медеплавильного комбината. Какие-то значительные сооружения в нем никогда не возводились, кроме Дворца культуры сталинской эпохи. А когда основные запасы руды иссякли, то и поселок захирел.

Впрочем, изредка в Левиху приезжают журналисты и даже гости из дальнего зарубежья. Дело в том, что здесь находится одно из немногих, сохранившихся в Свердловской области, кладбищ немецких военнопленных прошлой войны. Оно — в горном распадке, рядом с территорией, на которой стояли лагерные постройки. Конечно, кладбищем, в привычном нам понимании, это назвать трудно, но все же сохранились контуры отдельных могил...

Никогда не предполагал командир взвода танкового десанта лейтенант Манохин, что, вернувшись домой после Победы, он увидит в родном поселке людей, одетых во вражеские мундиры, услышит вновь чужую речь.

Военная судьба Владимира Александровича похожа на сотни и тысячи других. Однако лейтенанту пришлось видеть неприятеля не только на поле боя — его подразделение еще освобождало и фашистские концентрационные лагеря. К немцам в армейской форме ненависти не было, понимал, что не по своей воле пришли на чужую землю, а вот эсэсовцев ненавидел за их зверства. Терпеть не мог и карателей-бендеровцев. Однажды ему пришлось сопровождать эшелон с пленными, которых везли на Урал.

Оседали пленные обычно в уральских лагерях, каковых существовало великое множество.

Демобилизовался Владимир Александрович в 1947 году, вернулся в Левиху. Увидел до боли знакомые места, шахтные копры и понял, что он вновь дома. Отдыхать пришлось недолго, в военкомате дали направление на работу — в лагерь военнопленных.

Лейтенанта Манохина поставили на должность старшего офицера по выводу пленных на работы. Заняты они были не только в горном производстве, строили дома в поселке, работали на лесоповале. Сам лагерь состоял из 15 жилых бараков, блока питания, медсанчасти. Непосредственная охрана осуществлялась подразделением НКВД. Удивляло то, что на кителях офицеров охраны висели боевые ордена и медали, хотя никто из этих людей не бывал даже в прифронтовой полосе. Впрочем, и в войну штабных офицеров награждали гораздо чаще и больше, чем фронтовиков.

Вначале в Левиху привезли военнопленных из числа сателлитов Германии — венгров, румын, авс-

трийцев. Когда начали прибывать солдаты вермахта и эсэсовцы, то между бывшими союзниками возникла открытая вражда. Бунтов, правда, не было, но немцы в черных мундирах даже за колючей проволокой занимали главенствующее положение среди остальных. Общее количество пленных превышало все нынешнее население поселка.

Были на памяти Владимира Александровича и побеги, хотя невозможно представить, как мог решиться бежать человек, зная, что до своей родины ему не добраться даже при самом благоприятном стечении обстоятельств. Железнодорожного сообщения у Левихи со Свердловском не было и нет, а пешком по бескрайней, болотистой тайге не добраться даже и местному жителю при наличии карты и компаса, что же говорить о немцах. Обычно беглецов задерживали на вокзалах в Невьянске и Нейво-Рудянке. Правда, одному удалось, говорят, добраться до Германии...

На лагерной службе познакомился с улыбчивой девушкой, которая работала в зоне начальником медсанчасти. Рядом с молодостью всегда ходит любовь — поженились.

Анна по долгу своей работы напрямую контактировала с пленными. Научилась даже обиходным выражениям румынского и венгерского языков, на которых с удивительной легкостью говорит и до сих пор.

Проводя медицинские осмотры, обратила внимание, что некоторые немцы нехотя поднимают вверх левую руку. Оказалось, что у эсэсовцев подмышкой нанесена татуировка группы крови, показать которую они боялись. Однако ордена и медали не страшились носить на своих потрепанных мундирах. Высокомерия им было не занимать. Этим ей запомнился Отто Губерт: ниже своего достоинства считал бывший немецкий летчик ухаживать в санчасти за своими соплеменниками.

Были среди пленных и врачи самой высокой квалификации. В обход существующих жестких правил, в экстренных случаях, приходилось обращаться к ним за помощью, поскольку в поселке не было в то время медиков, способных делать сложные операции. Анна Николаевна вспоминает, как на свой страх и риск лагерного начальства врач-эсэовец спас жизнь ребенку местного жителя, сделав ему квалифицированную операцию.

Лагерь расформировали в конце 1948 года. Сначала отправили домой венгров и румын, затем отпустили на родину и расу «господ». Но история есть история, бесследно не исчезает никто. На окраине Левихи, в распадке, среди сосен осталось кладбище военнопленных. По именным спискам, находящимся в местной администрации поселка, здесь 57 одиночных захоронений.

В 1995 году представительство российской стороны по делам сохранности мест погребений немецких военнопленных оформило официальные документы на левихинское кладбище. Через три месяца приехала германская делегация. Произвели планировку и оконтуривание захоронения. В центре силами местных жителей на немецкие деньги был установлен пятиметровый готический крест в металлическом исполнении, в основание которого положена мраморная плита с

поминальной надписью на немецком языке.

Словно в насмешку судьбе, брат Владимира Александровича тоже побывал в лагере, но в немецком. Неминуемо побывал бы и в советском, но погиб на войне. Брат ушел служить в 1940 году, и долго не было от него никаких известий. Только в 1944-м матери пришло письмо, написанное красными чернилами. Сын писал, что в боях за Севастополь, будучи без сознания, попал в плен, и его освободили наши войска: «Теперь я, братишка, полноправный гражданин страны и солдат, ухожу в штрафбат. Бей немцев, не жалея сил, возможно, и свидимся после Победы».

Однако встретиться братьям не довелось. Уже после войны пришла похоронка — пал смертью храбрых. Из штрафных батальонов живыми не возвращались. Места его гибели и захоронения родные не знают до сих пор. Но так уж у нас повелось, что заботимся больше о чужом, чем о своем.

Следы немецких военнопленных остались даже в старинном, патриархальном Верхотурье. В 50—60-е годы прошлого века в местной больнице работал стоматологом врач из бывших пленный специалист. Своим пациентам он ставил серебряные пломбы, непонятно из чего их делая. Но люди были благодарны. Неизвестно и то, по какой причине его не отпускали домой, и, видимо, смирившись со своей участью вечного пленения, Шмерлинг (фамилия врача) женился на местной малограмотной женщине. Нарожали они кучу детишек и жили тем, что отпускал им Господь. Однако то ли от тоски по родине, то ли от безысходности врач покончил с собой, бросившись с высокого каменного утеса над рекой.

Второй «вечный пленный» работал в Верхотурье ассенизатором, чистил выгребные ямы, ездил на лошадке с бочкой нечистот и постоянно напевал какую-то немецкую песенку. Жил он в одной половине двухквартирного деревянного дома, во второй с семьей прожи-

вал майор интендантской службы лагеря. У майора был сынишка моего возраста, с которым мы дружили, поэтому и вспомнилась мне эта история. Франц, как звали немца, был очень чистоплотным человеком, несмотря на свою профессию, в то же время и культурным, образованным. Часто читал стихи Гейне, рассказывал народные немецкие сказки. Почему его не отпустили домой — тоже загадка для всех.

Третий «вечный пленный», здоровый рыжий мужик, работал кочегаром на «кукушке», маленьком паровозике, возившем древесину по узкоколейке от одного лагпункта к другому. Рассказывали, что у него тоже была татуировка группы крови. Каждый год этот человек ждал разрешения выехать на родину и, не дождавшись, повесился на березе.

— Война наделала много бед, принесла много несчастий обоим народам, исковеркала множество русских и немецких судеб, — рассуждает бывший старший офицер лагерной службы Манохин. Сейчас он и жена его Анна Николаевна копаются в огороде, выращивают картошку, капусту, огурчики. На пенсию надеяться нечего, старики всегда были обузой государству, даже те, которые спасли отечество в минувшей, но еще помнящейся страшной войне.

Левихинский погост военнопленных не остается без внимания, за ним присматривает местный житель, бывший шахтер: видимо, немецкая делегация оставила какие-то деньги на эти цели, а с работой в поселке плохо, вот и присматривает. Надо сказать, ненависти в душах русских людей к немцам нет даже у бывших фронтовиков, время лечит. Правда, мой отец, воевавший в годы войны в морской пехоте, так и не мог принять гуманитарную посылку с продуктами из Германии, какие выдавались малоимущим гражданам в голодное горбачевское время: «Лучше буду солтому есть, стыдно победителю что-то брать из рук побежденного». Здесь уж ничего не поделаешь, у стариков свои взгляды на жизнь, свои убеждения.

«Помогла винтовочка-то...»

(Из тетради фронтовика)

Живет в нашем городе удивительный человек. Деловой, смекалистый и отзывчивый. Это Иван Васильевич Двоеглазов, бывший фронтовик, командир пулеметного и стрелкового взводов. Великую Отечественную он прошел фронтами: Центральным, Волховским и Украинским.

Познакомились мы на шестой фабрике, оказавшись в одной бригаде по ремонту штабелеформирующих машин. Это было в семидесятых.

Недавно совершенно случайно вновь встретил Ивана Васильевича. Более подходящего повода рассказать о земляке не придумаешь.

— Подвигов я не совершал, — сказал Иван Васильевич, — просто выполнял долг перед Родиной. Чего тут расписывать-то...

Потом, немного поразмыслив, заключил:

— Ладно, так и быть. Есть у меня тетрадь с записями о фронтовых похождениях, почитай ее, выбери, что поглянется.

Вот эпизод из тетради ветерана.

В начале декабря 1942 года 379-я мотострелковая дивизия прибыла на передовые позиции. Наш полк расположился между Ржевом и Вязьмой. Во время формирования, которое проходило в районе Волоколамска, нас одели по-зимнему: телогрейки под шинель, валенки, ватные брюки, шапки-ушанки, варежки. И тут случилось непредвиденное. Когда мы подходили к передовой линии, хлынул дождь, да такой сильный, что весь личный состав промок до нитки. А ночью, как назло, ударил мороз, который не щадил ни солдат, ни офицеров, ни технику. Местность открытая, спрятаться негде, стали замерзать. Одежда покрылась ледяным панцирем, солдаты были, как статуи, еле передвигали руками и ногами. Многие обморозились и, еще не приняв боя, оказались в санчасти. Так прошла ночь.

А утром поступил приказ: атаковать деревню Подосиновку и овладеть ею. Тут и началось.

Два своих пулемета я поставил по флангам, себе выбрал место на правом краю, словно чуял, что здесь будет жарко. Впереди нас на открытой местности стояли подбитые советские танки, а в них (о, ужас) сидели автоматчики противника и строчили с такой яростью, что головы поднять было невозможно. Какое уж тут продвижение. И пулеметное гнездо они быстро засекли, начали шпарить из миномета.

«Ребята, быстрее меняйте позицию, пока не накрыло», — кричу помощнику и наводчику.

И вот оружие установлено, расчет занял свои места. Я лег за пулемет и стал окапываться. Сняв слой обледеневшего снега, начал углубляться и вдруг наткнулся на нательное белье. Потом показалась винтовка. Проверил — заряжена, и положил на бруствер, авось пригодится. Копаю дальше — человеческая рука...

Глянул в бинокль и заметил силуэт вражеского пулемета. В этот миг вжикнула пуля, сразив бойца второго номера расчета.

Машинально взяв винтовку, лежащую перед собой, прицелился в силуэт пулемета — будь что будет — и нажал на спусковой крючок. Вижу — вспышка. Опять глянул в бинокль. Ага, пулеметчик ползет в сторону ДЗОТа. «Ну, сейчас палить будет», — понял я и кричу бойцам: «Давай на новое место!» Только убрались с насиженного «пяточка», как на него посыпались минометные снаряды.

В общем, атака не удалась, и мы отошли на старые рубежи. На другой день повторилось то же самое. И опять рота понесла большие потери. Попробуй без артподготовки, с одним пулеметом, на открытой местности, которая простреливается вдоль и поперек из разных калибров, двигаться вперед. Такое лишь в сказках бывает.

Так я остался один. Кого убило, кого ранило. Надо отходить, а как быть с пулеметом? И оставить нельзя, и одному не осилить. Взял его за «хобот», сдвинул с места, потянул. Вроде поддается. Ползу задом, карабкаюсь, упираюсь, цепляюсь за каждый бугорок, за каждую ямку. И откуда только силы брались. А ведь снег, поле неровное, и немец бьет — головы не поднимать. Ох и намаялся! Только вытащил пулемет в безопасное место, и подмога пришла.

После двух безуспешных атак стою, опустив голову, и думаю: «Что же дальше будет?»

Тут подошел командир роты и говорит: «Чего пригорюнился? Иди в полк, начальник штаба найдет место...»

На правом плече у меня висела винтовка, которую я выкопал из-под снега во время боя. И хотел было уже идти, как поблизости разорвался снаряд. Осколок попал прямо в приклад и разнес его в щепки, а вот ногу даже не задел. Помогла винтовочка-то. «Повезло тебе, товарищ младший лейтенант, — сказал командир роты. — Ноги мог лишиться».

В висках стучало, а я шел в штаб полка по ложбинке, которая была усеяна окровавленными телами. Это лежали мои погибшие товарищи, мои бойцы...

г. Асбест

Инна ГЛАДКОВА

Ордена из кованого сундука

(Документальная повесть)

Горький вкус награды

Мои старые записные книжки дают бесценный материал. Без них не восстановить бы сейчас событий многолетней эпопеи-поиска живых и мертвых. Повторюсь: поводом поиска стали оставшиеся неврученными боевые награды военного времени.

Листаю одну, с событиями самыми кричащими. На странице, датированной 15-м апреля 1990 года, у меня записано: «Орден Ленина за крупную саперную операцию по минированию дорог до сих пор не вручен одному из его участников Никифорову Ивану Ивановичу, рядовому, 1925 года рождения, призванному на войну из Свердловска». В очередной программе я прочла эту длинную фразу, и вскоре последовал звонок — от Ивана Ивановича Никифорова, солдата Великой Отечественной. Но он сразу засомневался:

— Вы назвали — орден Ленина? Нет, это не мой, это орден другого человека!

Отложив все редакционные дела, я все-таки поехала на улицу Техническую, в дом № 23, в гости к Ивану Ивановичу. И он поведал свою недолгую, но трагическую военную биографию: «Родился на Смоленщине, которая в войну почти

два года была в оккупации. А когда фашистов гнали на запад, они много деревень и хлебных полей пожгли. Молодых угнали в Германию. Нас, подростков, матери прятали по лесам. 1 августа 1943 года нас освободили. Вскоре в село приехал ротный старшина и спросил: есть у вас пацаны?

— Есть.
— Можно их позвать?
— Можно.

Мы прибежали, ребята 1925, 26, 27, 28-го годов рождения.

Он говорит:
— Воевать пойдете?
— Пойдем!

Вот и собрались, и пошли. Война к концу шла, но нам тоже хотелось на фронт.

Немного побыли в учебном батальоне, а потом сразу на передовую».

Ивана, 18-летнего парня, почти сразу же ранило. Первая рана была легкая, зато вторая... К тому времени Иван уже знал, что два его старших брата — Николай и Виктор, погибли. А его судьба пощадила, но оставила на всю жизнь страшную отметину. Я, каюсь, почему-то не сразу это заметила.

— У вас со зрением плохо?
— Совсем не вижу. У меня было ранение в висок, а вылетела пуля в

глаз. Там все перебило. Теперь глаза стеклянные, искусственные.

— Ну, хоть сколько-то видите?
— Нет, абсолютно ничего!

Воевал Иван Никифоров в матушке-пехоте, в «чине» рядового. Место, где получил тяжелое ранение, не помнил: «Да кто его знает — где, шли в основном по полям, по болотам. Если деревни попадались, так они были сожжены, и спросить не у кого. Одно ясно: свою землю освобождали».

С тяжелым ранением санитарный поезд доставил его в Свердловск, в госпиталь № 1709. Здесь начинается самая трудная часть биографии Ивана Никифорова. Абсолютно слепой человек нашел в себе волю, силы жить. Поступил в школу для инвалидов войны и начал учиться играть на баяне. И вот баян, да еще Клава, Клавдия Михайловна, его жена, ходившая за ним, как за малым дитем, стали его главной опорой. Только русские женщины способны на такой христианский подвиг. Клавдия Михайловна не побоялась завести трех малышей. Четвертый «ребенок» — ее слепой муж. Те, кто в послевоенные годы регулярно бывал в ЦПКО, должны помнить этого незрячего музыканта: он там играл на танцах. Каждый раз его приводила и уводила домой невысокая симпатичная женщина.

Гладкова Инна Марковна, тележурналист, автор публицистических рассказов и эссе об истории Урала. Лауреат премии губернатора Свердловской области 2001 года за телесериал «Екатеринбургские тайны». Ныне живет в Германии.

Окончание. Начало в № 5, 6, 9, 11, 2006 г., № 1, 3, 2007 г.

К тому времени, когда мы встретились, Иван Иванович отпраздновал большую дату — 65 лет со дня своего рождения. Из них 42 он прожил с Клавой. Поздравляла старого солдата вся его большая семья — сыновья с женами, пятеро внуков. Он расчихлил старый баян и, сам себе подпевая, заиграл «Ой, туманы мои, растуманы!..», потом посетовал, что пальцы уже не те. Весь день звонил телефон. Друзья, услышав по радио с моей подачи его фамилию в числе награжденных, за него радовались. Шутка ли — нашелся орден Ленина! А Иван Иванович им в ответ: «Это ошибка! Свою награду за храбрость — орден Боевого Красного Знамени, я получил. Тогда же на фронте! А от ордена Ленина отказываюсь! Это про другого Никифорова». И меня убедительно просил исправить ошибку, другого героя искать.

И вот почта принесла новую подсказку, еще один адрес: поселок Шувакиш, улица Свердлова, 31. Мне сообщили, что по этому адресу живет тот, кого я ищу: еще один Иван Иванович Никифоров, ветеран войны. Все как будто сходилась, за исключением года рождения. Неточность могла быть и на моей совести: неверно из архива выписала данные. Еду в Шувакиш.

Небольшой деревянный домик с огородом. Конец августа. Ровные аккуратные грядки со всякими овощами. У забора краснеет рябина. Под окном цветет золотой шар. Встречают нас умная овчарка и хозяин: в годах, невысокий худой мужчина. Разговариваем.

Да, он фронтовик. Но на войну ушел в 1944-м. До этого была «бронь», потому что имел очень дефицитную профессию: огнеупорщик. Обслуживал с бригадой таких же специалистов все мартевские печи — в Череповце, в Челябинске, в Нижнем Тагиле — везде, где были и должны были бесперебойно работать нагревательные печи.

На фронт он прибыл в завершающий период войны, наши войска были уже на территории Латвии. Уральца прикомандировали к 28-й, так называемой «бригаде прорыва». Должно быть, эта бригада

подбиралась из особых храбрецов. У них была задача: резко прорываться вперед, в расположение врага, и успевать закрепиться до прихода основной части. А когда та подходила, снова делать рывок вперед.

У бойца Никифорова на фронте была и еще одна обязанность — спасать раненых, выносить их из-под обстрела. Санинструктор от пуль тоже не заговорен. Они — пули — его дважды догоняли.

Вернувшись с войны, И.И. Никифоров снова работал по старой профессии — огнеупорщиком в «Союзтеплострое». Жил трудно, голодно. Мыкались они с женой по частным квартирам, пока не купили домик в Шувакише. Детей Господь не дал, зато прожили они в любви и согласии долго, готовились отметить «золотую свадьбу».

В июле отметили бы 50. А 18 февраля Мария умерла...

Вот какая тяжелая история. Вынес с поля боя Иван Иванович Никифоров много раненых. Сколько? Счета уже не помнит. А вот жену свою Марию Степановну спасти не мог.

Но вернемся к награде. Я спросила Ивана Ивановича, не тот ли он Никифоров, которого так долго ищет орден Ленина? А он мне в ответ: «Нет, зачем чужую славу себе присваивать. Это я сейчас, может, никудашный. Горе меня сломило: смерть Марии. У меня своих фронтовых наград много. Приходили ко мне как-то ребятки, я им подарил для школьного музея свои два ордена и пригоршню медалей. А чужая слава — не для меня».

Вот и второй Иван Иванович Никифоров сказал, что надо искать еще одного двойника-однофамильца, рядового, сапера, специалиста по минам-ловушкам, которыми было уничтожено много вражеской техники. Но поиск мой на этом и закончился. Сам он, герой наш, не написал, не позвонил. Скорее всего, где-то спит в братской могиле. И родственники его на нашу радиопрограмму «Героев ищут ордена» тоже не откликнулись.

Распечатываю новое письмо. Оно от тагильчанина Константина

Анатольевича Рябкова. «Вы, слышал по радио, разыскиваете Николая Дмитриевича Маслеева, 1925 года рождения, награжденного и не получившего высокую награду — орден Ленина. Дослужился он только до гвардии старшего сержанта. Я этого человека знаю, жили соседями. Правильный рос пацан, работающий, хорошо учился, любил стихи. Но — война. Сначала ушел на фронт его отец — Маслеев Дмитрий Андреевич — и в первых боях под Москвой погиб. Потом призвали Николая, он вернулся, но инвалидом, не по годам постаревшим. Пришел солдат домой на деревянной ноге и большой туберкулезом. Работать не мог. К этому времени братик Борис и сестра Клара умерли от недоедания. Мать вышла замуж, поэтому, когда Коля вернулся с фронта, жил с бабушкой и дедушкой в Висимо-Уткинске. И умер (не знаю, удобно ли об этом говорить) от голода. В Висимо-Уткинске он родился, здесь на местном кладбище и похоронен. На обелиске, что в центре поселка, в длинном списке погибших за Родину есть фамилия и Николая Дмитриевича Маслеева. Храбрый был уралец, не щадил себя в бою, лет ему было только 20!»

До боли короткая жизнь. Письмо кончалось словами: «А вот орден его сегодня вручать просто некому».

Таких трагических, раздирающих душу писем к каждой очередной годовщине Победы на моем столе собиралось все больше и больше. Я распечатывала и волновалась. Время отдаляло пылающие годы, а слова сочлились, как раны: болью, горем, надеждой на чудо.

«Случайно услышала по радио фамилию Мельникова Георгия Филипповича, капитана, призывался Верхотурским военкоматом. Динамик был приглушен, кинулась, добавила звук, но вы уже говорили о других. — Из письма учительницы из Асбеста Валентины Георгиевны Кобяковой. — Я долго колебалась и вот решила написать. Может, я не ослышалась и это о моем отце говорили по радио. Простите, если ошиб-

лась. Горе у меня: схоронила дочь, остался у меня внук Георгий двух с половиной лет. Это правнук Георгия Филипповича Мельникова, погибшего в 1944 году. О нем есть очерк в книге «Кушва» за 1969 год».

«В войне 1941–45 годов нас участвовало четверо: три брата и сестра. Все мы родились в деревне Корнилово Петрокаменского (ныне Пригородный) района (под Нижним Тагилом). Родители наши Палкины Домна Гавриловна и Прокопий Трофимович, — читаю в другом письме, его автор — Анатолий Прокопьевич Палкин. — Старший брат Николай, 1912 года рождения, был летчиком, служил в Полтаве и погиб в начале войны (не стало писем). На мой запрос в ВВС пришел ответ: «Капитан Палкин Николай Прокопьевич считается пропавшим без вести». А жена Николая получила письмо от его сослуживца, они вместе были в плену. В этом письме было сказано, что уралец Николай Палкин и еще трое попытались из концлагеря бежать (на Колю это похоже!), но были пойманы фашистами и расстреляны. Николай был и остается гордостью нашего рода. Но как восстановить его честное имя?»

Вопрос этот мне не под силу, он ко всей прошлой советской системе. Сгинули без всяких вроде бы свидетельств сотни тысяч людей. Палкины — еще одна семья, из которой война до сих пор не ушла. Она и сегодня с ними...

И в заключение расскажу еще об одном, о самом, пожалуй, долгом и трудном поиске. Снова в центре — орден Ленина и еще одна, с ним связанная, юная жизнь. Несколькими раз я называла по радио это имя: Плотников Сергей Иванович, 1924 года рождения. В документах значилось, что он в момент награждения служил рядовым, в армию был призван из Туринского района. Вот и вся скудная информация о парне, который, по-видимому, на миру совершил какой-то беспримерный подвиг.

Первую весть о нем принесло письмо из Каменского района. Письмо большое, на пяти страни-

цах. Я его перескажу. Учитель Петр Иванович Кордюков поведал, что его родня с семьей Плотниковых жила в одном селе. Дед и прадед промышляли плотницким ремеслом — фамилию оправдывали. Себе добрый дом построили; сюда их старший сын Иван привел Аннушку, и она ему родила восьмерых ребятшек.

В это время в России происходили бурные революции, и по Уралу прокатилась Гражданская война. Потом, когда крестьян насильно стали сгонять в колхозы, а у зажиточных и кулаков отбирали все и ссылали на поселение, жестоко пострадали и Плотниковы. Ивана и Анну с детьми, отобрав двух коров, поросенка и десяток куриц, холодной осенью в чем есть угнали на север — на лесоразработки.

В ту же зиму Ивана на лесоповале придавило упавшее дерево. Анна от тяжелой работы и недоедания тоже погибла. Остались восемь сирот мал-мала меньше. Трое умерли с голоду, четверо попали в детский дом. Старший из детей, «сын врага народа» — Сергей — ушел воевать с фашистами, чтобы «кровью смыть семейный позор».

Вот этого бойца Великой Отечественной нам теперь предстояло найти, чтобы вручить ему за храбрость в бою кусок благородного металла с ликом «вождя мирового пролетариата». Но... И здесь наград, как оказалось, вручать уже было некому. Во втором письме Петра Ивановича Кордюкова — бывшего соседа Плотниковых — говорилось, что двадцатилетний Сергей Плотников «с войны домой все-таки вернулся, но... без обеих ног. Никто его тут не ждал. Сестер и братьев в детдоме не нашел, жить было негде и не на что. С горя герой-солдат запил и зимой победного 1945-го на окраине Туринска под чужим забором замерз»...

Да, много было пышных торжеств в честь юбилеев Великой Победы, и все-таки не всем героям того времени мы в ноги поклонились. Не всем.

ВАСИЛЕВИЧ Глафира Макаровна (1895 —), языковед, этнограф, фотоклорист.

Работала в области этнографии и языков тунгусо-манчжурских народов, гл. обр. эвенков (тунгусов). Осуществила 13 экспедиций на Север. Словари, составленные В., охватывают не только лексику лит. эвенкийского яз., но и лексику его 26 диалектов и говоров, а также лексику 17 родственных языков народов, живущих вместе с эвенками. В. составлены первые буквари и учебники на эвенкийском, ранее бесписьменном, языке.

КЛЭ.

ВАСИЛЕВСКАЯ Е.

(См. Безобразова, Е.Д.)

ВАСИЛЕВСКАЯ Л. (псевд. Дніпрова Чайка; 1861 — 1927), укр. писательница.

Сотр. в «Киев. старине» (1904). Авт. кн. «Чудный. Оповіданне». Киев, 1905; пер. на укр. яз. «Королева Півночі. Оповіданне». Сельми Лягерлеф. Киев, 1911. «Твори», кн. 1 и 2.

Масанов.

ВАСИЛЕВСКАЯ Л.А.

Врач. Пер. с нем. со своим предисловием книгу д-ра Дрейва «Сексуальная революция». Л., 1924.

ВАСИЛЕВСКАЯ М.

Сотр. «Рус. биогр. словаря»; авт. ст. о Драцусовой Е.Л., Дребуше-фон, А.Ф., Дубакаре И.М. — М.В.

Масанов.

ВАСИЛЕВСКАЯ Нина Александровна.

(См. Изонги Нина).

ВАСИЛЕВСКАЯ-ЖЕБРОВСКАЯ Мария Ипполитовна, авт. воспоминаний.

Служащая. «Всеобщая стачка железнодорожников в Вильнюсе». \ \ «Коммунист» Вильнюс, 1955. № 12. С. 24-27.

ИДРДВ. Т.4. Ч.2. № 3576.

ВАСИЛЕНКО-СУХА(О)РСКАЯ В., драматург, поэтесса.

Авт. кн. «Стихотворения». Кн. 11. Пг., 1915.

Венгеров. Источ.

ВАСИЛЬЕВА

Авт. кн. «Подарок хозяйкам: Приходо-расходная книга и расписание обедов на круглый год». СПб., 1875.

Слов. рус. писателей.

ВАСИЛЬЕВА

Сотр. «Звезды» (1913) — В-ва.

Масанов.

ВАСИЛЬЕВА А., поэтесса.

Сотр. «Рус. бог.» (1880).

Венгеров. Источ.

(Продолжение на стр. 19)

Недостреленный

(Дело бойца Суслопарова)

Это было в Великую Отечественную войну, в разгар самых тяжелых дней сорок второго года, после выхода в действие знаменитого приказа Наркома обороны товарища И.В. Сталина № 227 от 28 июля, больше известного на фронте среди солдат под названием «Ни шагу назад».

Этим приказом тогда впервые вводились штрафные батальоны. Вот как свидетельствует маршал А.М. Василевский, представитель ставки на Сталинградском фронте: «Я был очевидцем, как заслушивали его воины в частях и подразделениях, изучали офицеры и генералы. Приказ № 227 один из самых сильных документов военных лет по глубине патриотического содержания, по степени эмоциональной напряженности».

Как в таких случаях бывает, были и перегибы в претворении в жизнь буквы этого приказа. Сразу же соответствующие службы: особые отделы, трибуналы, политорганы армии, обгоняя друг друга, старались проявить себя в исполнении приказа в подведомственных им подразделениях.

Так, в первых числах августа комиссией военного полевого трибунала был приговорен к расстрелу боец Суслопаров.

* * *

Дело обстояло так.

Боец Суслопаров прибыл из своей далекой Тамбовщины в составе нового пополнения в сильно поредевшую стрелковую роту. Пополнение прибыло ночью. А наутро рота пошла в атаку. Попытки атаковать противника были и до этого, но безуспешно, с ощутимыми потерями для нас. Противник был цел и невредим в своих добротнo оборудованных окопах, траншеях полного профиля.

После сигнальной красной ракеты, означавшей «в атаку», и общей команды младший политрук ско-

мандовал, сделав особое обращение к членам партии: «Коммунисты, вперед!».

Боец Суслопаров, услышавший впервые в своей жизни живую команду идти в бой, поднялся из окопа не вместе с другими коммунистами взвода, а чуть задержавшись на несколько секунд, т.е. поднялся с другими рядовыми беспартийными бойцами своего отделения. Он еще оглядывался на них, считая их опытными, обстрелянными, во всяком случае, воевавшими до него.

Из-за плотного ружейно-пулеметного огня противника атака опять захлебнулась, была прижата к земле. Взвод и весь батальон откатились на прежние позиции, в свои окопы, понеся ощутимые потери.

Настроение бойцов было крайне подавленное.

Поведение Суслопарова было замечено глазастым молодым младшим политруком Тюриным. Он был зол и беспощаден. Неудача с атакой подхлестнула его еще больше.

Срочно, на скорую руку, было собрано малочисленное собрание партийной группы взвода, еще более поредевшего. На обсуждение был вынесен один вопрос: о поведении коммуниста Суслопарова во время атаки в свете приказа № 227 Наркома обороны И.В. Сталина.

Первым выступил сам младший политрук и заклеил бойца Суслопарова всеми немислимыми обвинениями.

Суслопаров был так подавлен всем услышанным, что на вопрос: «Почему он не поднялся вместе с остальными коммунистами в атаку на врага?», честно признался, что, мол, он «малость сробел». (Как потом выяснилось, он в отделении оказался единственным коммунистом). «Не сподручно было одному», и потому «поднялся со всеми остальными, беспартийными», — ответил он.

Анатолий Петрович Алексеев прошел нелегкую военную службу. По специальности — геофизик. Долго работал в сибирях. Ныне — агрегатчик на нефтяном промысле в Башкирии.

В «Уральском следопыте» были напечатаны его очерки: «Побег» (№12, 2005), «На Невском пяточке» (№5, 2006).

Младший политрук с пылу с жару высказал в адрес бойца Сулопарова крайне тяжкое обвинение:

— Вы проявили трусость, подвели своих товарищей по партии, можно сказать, предали их. Такое поведение бойца в свете приказа № 227 Наркома обороны товарища Сталина подлежит самому суровому наказанию.

Больше не о чем было говорить. Как водилось, других мнений не было. Все согласились со словами младшего политрука.

Собрание было коротким, и родилось соответствующее решение из двух пунктов: бойца Сулопарова за проявленную трусость и предательство своих товарищей по партии исключить из рядов партии и подвергнуть суровому наказанию; решение партийного собрания направить в политуправление с приложением соответствующего рапорта в комиссию полевого военного трибунала.

* * *

В комиссии сидели трое: сам председатель, лейтенант, перебирающий кипу донесений с мест, и сержант, записывающий решение комиссии, собственно, решение походного военного трибунала.

В спешке и в непростой боевой ситуации, какая была в начале 1942 года, решались судьбы людей.

— Дальше, что там? — спросил капитан — председатель комиссии.

Лейтенант мельком глянул на текст рапорта, выхватил взглядом, что бросилось в глаза: «предательство своих товарищей по партии», и бесстрастным монотонным голосом сказал:

— Предательство...

— За предательство расстрел, — заключил председательствующий.

И тут же стали листать очередные представления.

Одним бойцом больше, одним — меньше, особой роли не играло. В скоротечных боях бойцы из строя выводятся косяками.

Выдерживалось главное: надо было быстрее включиться в работу по претворению в жизнь нового сурового приказа: «ни шагу назад». А это как раз было по их части.

Решение комиссии, собственно трибунала, оперативно вернули на место, откуда пришла бумага — для приведения в исполнение приговора.

Когда бойцу Сулопарову об этом объявили, он даже не успел осознать, что же такое с ним произошло? Только спросил нелепо:

— Сейчас али когда? В бою-то не побывал... — добавил как бы про себя.

— Ты уже отвоевался, — сказали ему. — Ты в расходе.

Его взяли под арест, забрали винтовку, остальное снаряжение.

Младший политрук Тюрин и сам, похоже, удивился произошедшему. Он ожидал, что бойца Сулопарова в самом худшем случае ожидала отправка в дисциплинарный батальон — действующих бойцов и без того катастрофически недоставало.

Сулопаров между тем терялся в мыслях: «Что сказано будет семье, сыновьям, младшему Демьяну, который больше всех переживал, что отца его не берут на фронт».

Как больно от этих мыслей ему, Авдею, честному человеку!

В таких случаях приговоренного к смерти прощтрафившегося бойца положено было расстрелять перед строем. Оказалось, строй собирать почти не из кого да и некогда.

Отставили исполнение приговора на позже, когда придет новое пополнение — показать им в назидание на будущее, чтобы «не робели».

А тут круто развернулись события. Короткая артподготовка, и новая атака. Сулопаров очень мечтал участвовать в ней. А о нем вроде как забыли. Теперь он никому уже не нужен. Его не отправляют куда-либо и не расстреливают. А пополнения все нет. Да и что решит пополнение необстрелянной молодежью?

Ближе к концу дня положение совсем ухудшилось. Неприятель, почувствовав слабость противника, сам предпринял контратаку, чуть было не добрался до наших траншей.

Ввиду такой обстановки пришло решение: арестованного Суслопарова никуда не вести, а расстрелять прямо на месте. Далее оставлять было нельзя. Надо же было докладывать.

* * *

Вечером уже в наступивших плотных сумерках Суслопарова повели на расстрел в одиночку, к бывшей второй линии окопов. Исполнить приговор поручили двум бойцам из его же подразделения: Юрошко, второму номеру от «дегтяря», и рядовому бойцу, сыну солнечного Узбекистана Аурсыеву – коммунистам.

Шли молча, каждый думая про свое. Они, зная суть обвинения, приговоренного не осуждали, да и не оценивали как-то его вину.

Суслопаров, обращаясь к Юрошко, заговорил первыми:

– Послушай-ка, сослуживец, будешь стрелять, постарайся угодить в голову, чтобы мне не сильно мучиться. А так прощевай.

Потом он продолжил тихо, про себя:

– Не думал я так кончить свою жизнь в нелепицу, без толку. Не осуждайте меня, товарищи-сослуживцы. Неправедное это дело, – заключил он.

– Никто тебя и не осуждает. И главное, никто толком не знает – за что, – робко сказал Юрошко.

– Не предатель я. Вообще никого я в жизни не предавал...

– Сам откуда будешь? – спросил Юрошко, чтобы сменить тягостную тему разговора.

– С тамбовщины буду. Деревенский я, – сказал Авдей и потом, глубоко вздохнув, снова обратился к нему же: – Ежели бы ты мне удружил, написал бы моим в двух словах, коль жив останешься сам.

И начал рассказывать, куда написать. Для простоты запоминания стал пояснять свой адрес. Значит, так: деревня Чикаревка. Просто запомнить: дети играют в чикю. Детская игра. Чика-ревка, значит. Жердевского района – жердь, значит, в лесу, где волк тамбовский. А фамилию еще проще запомнить: Сусло-паров. Из сусла пар идет. А звать меня Авдей. Значит, Авдей Суслопаров – чика – жердь – Тамбов. Там нас немного, всего три семьи Суслопаровых. Удмурты мы... – закончил он свою предсмертную речь посланием.

И не стал ни о чем думать. Последние шаги, последние минуты... Какие могут быть тут думы?

Суслопарова расстреляли уже впотымах. Прикопали слегка землей малой саперной лопатой. Расстрельщики вернулись на позиции, заполнили протокол.

Наверх пошел рапорт-донесение об исполнении...

* * *

Ночью, под самое утро, в блиндаж к новому младшему политруку Субботину, что назначен был вместо выбывшего из строя раненого во вчерашнем бою Тю-

рина, зашел вестовой и, разбудив его, доложил, что задержаны двое: боец с внешнего боевого охранения и раненый боец. Сказал, что из нашего взвода.

– Кто такие? – спросил спросонок, не понимая в чем дело, новый младший политрук Субботин. Проснулся и прежний младший политрук Тюрин, раненый в плечо (его сегодня с утра должны были отвезти в медсанбат).

– Боец внешнего охранения Сироткин и боец недостреленый.

– Почему недостреленый?

– Не могу знать. Видать, так вышло. Он сам перевязал ножной обмотку рану в шею...

– Это Суслопаров, – вмешался в разговор младший политрук Тюрин. – Зови их, пусть войдут.

Зажгли коптилку из гильзы от сорокапятки.

– Ну что, Суслопаров, ожил, говоришь? – начал младший политрук так, будто Суслопаров хворал каким-то легким недугом. – Как так вышло-то? – не то спросил, не то сказал он с досадой для себя.

– Под утро пошел дождь... Я и очухался. Вот обмоткой перевязался... Пришел узнать, как мне теперь дальше-то?

– Ну, дела, – протянул младший политрук. – А где гимнастерка? (Суслопаров был в исподней рубашке и в ботинках на босу ногу).

– Не могу знать, видать, кто-то стянул ее с меня, новая же была гимнастерка-то, только выдали перед отправкой.

Наступило тягостное молчание.

– Куда меня теперь, в строй или как? – растерянно спросил Суслопаров, как бы чувствуя свою вину, что оказался недостреленным.

И тут как-то вдруг взвинулся младший политрук.

– Какой тебе строй? Ты же в расходе, ты даже с довольствия снят. Ты не числишься в составе. Понимаешь ты это, ну? Расстрелянный ты!

– Понимаю, конечно, понимаю. Но ведь вот так вышло, что теперь я живой, – виновато выговаривал боец.

– Вернулся. Но вернулся-то не из санбата, не из госпиталя, а из-под расстрела, вот в чем разница, – чуть ли не с возмущением разъяснял Тюрин своему непонятливому солдату, – ты просто не-до-стре-ле-ный, понимаешь ты это? – спрашивал он, глядя на старого солдата, который ему годился в отцы.

– Так. Выходит, так, – уныло согласился солдат. – Кто же я теперь: и не боец, и не мертвяк. А кто?

– Лопух ты, Суслопаров, вот ты кто... Пал же ты на мою голову, – с досадой высказывал Тюрин. Он сейчас это говорил, оправдывая себя, и сам в это время лихорадочно думал: как быть в самом-то деле?

– Это верно, товарищ младший политрук, лопух я, но что же делать мне сейчас все-таки? – спрашивал солдат. – Становите меня в строй, дайте оружие, и докажу, что солдат я надежный. И совсем не трус я и не предатель никакой. Увидите сами. Может, погибну я в бою как солдат, а не сгину позорной смертью как предатель... Бригадиром я работал в колхозе. И

моя бригада была всегда лучшей, всегда была в передовых... — задыхаясь и хватаясь за обмотку на шее, говорил Суслопаров.

— А ежели не убьют тебя в атаке, ежели опять-таки живой останешься, тогда как? — задавал сам в растерянности нелепый вопрос младший политрук. И сам тут же смутился.

— Тогда... — закашлялся боец. И из-под обмотки заструилась кровь. И обмотка вся, и исподняя рубашка были пропитаны кровью.

— Позвать санинструктора Кошкину, — распорядился Тюрин и, встав с нар, снова тяжело сел на них, свесив до пола ноги.

— Ну, дела-а, — протянул он, озадаченный тем, что выпало ему решить необычное, неприятное дело, связанное со злополучным бойцом.

Младший политрук, неглупый человек, понимал всю натянутость сложившейся ситуации и не мог не видеть в этом свою вольную или невольную вину. Не родился на свет того поспешного протокола собрания партийной группы, не было бы и приговора, трибунального дела.

Тюрин вполне еще и не осознал, а только догадывался, что это он подсказал им страшное слово «предатель».

И вот он, боец Суслопаров Авдей, воскресший из мертвых, стоит перед двумя молодыми младшими политруками.

Тюрин морщит свой молодой, в обычное время гладкий лоб. Ему хочется до боли в душе вернуть все на начало событий, на самое начало, до этой злополучной смертельной атаки. Даже на пораньше: к прибытию нового пополнения еще. Ведь в том пополнении Авдей Суслопаров оказался единственным коммунистом, да вдобавок к тому же человеком в возрасте, постарше почти в два раза каждого. Тюрин не говорил с ним, не нашел времени. А надо было! Надо было бы узнать, кто он, откуда, почему до сих пор не призывался? С какого времени в рядах партии? Был ли до этого на фронте?

Задаёт он себе безысходные вопросы.

Младший политрук даже мельком подумал, что, мол, лучше бы уж тем и кончилось: расстреляли и дело с концом. Мало ли их, солдат, каждый день погибает, не успев даже во второй раз передернуть затвор своей винтовки. Выскочили из траншеи, тут же и полегли. И всем им место в одной безымянной братской могиле. Молчат. Похоже, и вправду, «нет человека — нет проблем».

А тут живой солдат, сумевший выкарабкаться из мертвых, перевязавший себя ножной, ботиночной обмоткой и... пришедший снова в свой взвод, в свое отделение, с единственной мыслью идти в бой. И требует именно только этого.

И все это теперь на совести его, младшего политрука.

«Дострелить его, ссылаясь на приговор трибунала? — вдруг подумал он, и испугался этой мысли. —

Да ведь сам приговор далеко не из справедливых. Считаю, приговор юридически неверный».

И думал он: уж если на то пошло, боец не совершил никакого преступления, никакого предательства, в конце концов. Это факт. И сейчас он настойчиво просится в бой, мечтает, можно сказать, погибнуть в бою, в честном бою. Такого дождешься не от всякого бойца. Это так.

В блиндаж вошла санинструктор Кошкина, не повоенному совсем юная, красивая девушка с большой санитарной сумкой через плечо. Доложилась.

Тюрин, не дослушав санинструктора, мотнул головой в сторону Суслопарова: «Перевязать бойца... Ранение в шею», — и снова занялся своими думами: что же с ним делать? Он сейчас, будь его воля, с удовольствием вернул бы его в строй. Выдал бы оружие — и вперед.

«Хорошо бы в его в бронебойщики ПТР-овцем или в минометную группу. Таскать опорные плиты и стволы почти некому».

Потом вдруг пришла душещипательная мысль и зрелое решение: послать запрос в политотдел полка и объяснение в особый отдел. Может, командиру полка позвонить? Его, конечно, не похвалят за это, но зато будет достойным его решение. Это будет и его спасение.

Санинструктор тем временем, размотав с шеи бойца ножные обмотки, обследовав рану, сказала, что бойца надо отправить в медсанбат.

Тут подал голос сам раненый:

— Никуда я не пойду. Перевяжите меня здесь. Незачем на меня тратить медикаменты, — почти зло заявил он.

Санинструктор стала обрабатывать рану.

— Вам повезло, товарищ боец, — сказала она. — Пуля не задела артерию и позвоночник. Как по случаю — навывлет и сбоку. Хирургического вмешательства не требуется. Но надо бы все равно в медсанбат. Потом быстрее бы и вернулись обратно. Что же вы так-то, — с укоризной сказала она. — Вам же лучше будет...

Но ее никто не слушал.

Младший политрук распорядился, чтобы Суслопарова отвели на временный отдых, пока суть да дело. В свободный блиндаж разведчиков.

* * *

Когда за Суслопаровым опустилась брезентовая занавеска из плащ-палатки, часовой, приставленный к входу, спросил его: не нужно ли ему зажечь фитиль из гильзы от сорокапятки. Суслопаров промолчал; ему не хотелось, чтобы о нем проявляли какую-то заботу. Зачем? Никто ему ничем не обязан. Он — «не наш».

Уже все в отделении, да и во взводе знали о нем как о недостреленном. Жалели и старались чем-то помочь, облегчить его участь. Принесли в блиндаж не положенный ему офицерский паек и махорку. Еще неизвестно было о его дальнейшей судьбе. Думали,

что, возможно, его вернут дострелять, т.е. учинить повторный расстрел. Было жутко думать о таком. Но на войне, когда почти каждый день связан со смертью, люди быстро привыкают к смерти человека или, вернее сказать, перестают думать о жизни как о само собой разумеющемся естественном состоянии.

Еще прошлой зимой это было, всем памятной. Солдаты, не желая глубоко окапываться (невозможно было отколотнуть смерзшийся грунт, превратившийся в бетон), стали складывать бруствер из тел погибших своих боевых товарищей. А пулеметчик Хасанов расположившись за этим необычным бруствером, где одним из составляющих «блоков» был его земляк, его второй номер, Зилялетдинов, выговаривал: «Ладно, илдеш¹, ты извини меня и помоги, а я за тебя отомщу им по полной мерке, по ведомости. Вот пойдут только эти проклятые душманы² на нас, тогда попомнят они и тебя, илдеш Зиля».

* * *

Младший политрук стал вызывать в политотделе полка майора Семина. Он коротко доложил о бойце Суслопарове. Майор оказался в курсе дела, но однако, строго спросил младшего политрука.

— Что, не привели, что ли, еще приговор в исполнение?

— Привели. Но он оказался недостреленным.

— Как это «недостреленным»?

— Он явился к нам во взвод сегодня под утро сам, на своих ногах. Живой. Сам же и перевязался обмотками ножными. Ранение в шею.

— Ну, дела, — потянул майор. — И что теперь? — не к месту спросил он у Тюрина.

— Не знаю. И приговор-то, он ведь не совсем правильный, не уместный... Его за предательство. Он, собственно, никого и не предавал. Выходит, преступления никакого и не совершил, — начал в свое оправдание младший политрук.

— Так вы же сами написали...

— Написали одно, а там прочитали — другое.

— Что же ты предлагаешь, Тюрин? — с явным недовольством в голосе спросил майор.

— Надо бы вернуть дело по нему. И боец он нужный, пулеметчик 1-й номер «дегтярю».

— В таких делах надо бы думать на минуту пораньше, за метр вперед, а не строчить то, что потом потребует исправлять...

Наступило тягостное молчание.

— А он, Суслопаров, давно у тебя? — спросил снова майор.

— Новичок он, со свежего пополнения. Второй день. Человек он, по всему видно, серьезный.

— Сколько ему лет? — осведомился майор.

— За сорок — сорок один, сорок два.

После короткого молчания майор сказал:

— Пока оставьте его в отделении. Я займусь его делом. Ну, заварил ты кашу напоследок, Тюрин... Во сне не приснится. — И связь прервалась.

Может, и несдобровать бы солдату Суслопарову, не миновать бы повторного расстрела. Но младший политрук позвал к себе нового командира сержанта Мустафина, что заступил на должность вместо вышедшего во вчерашнем бою старшего сержанта.

— Мустафин, у тебя вчера выбыл пулеметчик с «дегтяря», первый номер? Так?

— Так точно. Выбыл, остался второй номер из новых. Никого больше нет. Пока он осваивает дело.

— Ну, вот я тебе нашел первого номера. Пока он у разведчиков в себя приходит. После с ним познакомишься. Похоже, пулеметчик он будет толковый. Суслопаров его фамилия. Человек он обстрелянный. Можно сказать, на том свете побывал. Ну, все, Мустафин, желаю тебе боевых успехов.

* * *

В блиндаж к Суслопарову явился молодой посылный от отделенного.

— Ну, дядька, кажется, тебе повезло. Тебе разрешено выдать боевое оружие.

Отделенный не стал вдаваться в какие-либо объяснения и расспросы. Коротко сказал: после артподготовки — в бой. Оправдай доверие. И выдал ему винтовку с обоймой патронов и две противопехотные гранаты РПГ.

Затем повел его в траншею, в отделение, откуда виден был передний край противника.

— Нашему взводу поставлена задача: погасить пулеметную огневую точку противника, — стал пояснять солдатам командир отделения. — В нашем секторе обзора их три. Одна, крайняя слева от нас, — «наша».

* * *

Бой начался в необычное для противника время, на рассвете. После непродолжительной артподготовки батальон в стремительном броске и жаркой рукопашной схватке занял первую линию траншей неприятеля.

В этом сильно помогло действие одного рядового, который с фланга сумел добраться и подавить огневую точку.

Воспользовавшись встречной контратакой, когда точка замолчала, чтобы не задеть своих, боец необычными маневрами сумел добраться почти до самой польхающей крупнокалиберным огнем амбразуры. С наблюдательного пункта уже заметили солдата с белой повязкой на шее. Он то мелькал короткими бросками, то исчезал вовсе и появлялся в другом месте, как бы сбоку от основного направления, все приближаясь к огневой точке, которая продолжала вести свой губительный огонь, делая только короткие перерывы в связи с контратакой своих. Боец воспользовался этим. И двумя взрывами подавилась

¹ Илдеш — земляк (татарское).

² Душманы — враги (татарское).

огневая точка. Она больше не ожила. Это было четко зафиксировано с наблюдательного пункта батальона.

— Это чей, интересно, — спросил комбат, не отрываясь от стереотрубы, у рядом находившегося политрука. — И что у него белое на шее? Шарф, что ли? Запроси командира взвода, а солдата установить личность, представить к награде. После боя — ко мне.

После коротких переговоров по полевому телефону политрук доложил комбату:

— Это не достреленый.

— Какой такой не достреленый. Это что — фамилия?

— Сейчас фамилию уточняют. Его вчера расстреляли. А оказалось, что не дострелили и он ночью вернулся к своим с ранением в шею.

— Вот так вот, — выговорил комбат, — ну с вами не соскучишься. Уточните, что за расстрелы были в отделении. Установите личность солдата. Представить его в штаб.

В прорыв ввели соседей и завладели всей первой линией обороны противника. Это было серьезным успехом местного значения.

* * *

Дело Суслопарова пересмотрели. За ним не оставили и тени той вины — недоразумение. Пересмотрели и дело по его партийной принадлежности. Восстановили.

Вручили ему высокую боевую награду — орден солдатской Славы.

В последний раз он проявил себя в большом ответственном деле ближе к концу Великой Отечественной войны, на Дуклинском перевале, во главе танкового десанта группы прорыва, идущего на подмогу восставшим словакам.

Благодаря его мужеству, удалось ликвидировать засаду, предпринятую отчаянно сопротивлявшейся группой противника против танковой бригады.

Закончил войну Авдей Суслопаров в звании старшего лейтенанта — при четырех боевых наградах и трех ранениях, не считая того памятного расстрельного. Среди солдат ранение считалось особо высокой наградой. Были специальные нашивки для ношения рядом с орденами на правой стороне груди по степеням: тяжелое, среднее, легкое. Жаль, что потом эти нашивки почему-то отменили.

А начало было, когда чаши весов еще колебались, когда со всей серьезностью стоял вопрос: быть или не быть, несмотря на то, что «наше дело правое, враг будет разбит, и победа будет за нами».

«Быть», — сказал тогда рядовой Авдей Суслопаров, один из миллионов бойцов, благодаря которым свершилась наша великая Победа.

ВАСИЛЬЕВА Агафья Васильевна (1884 –), авт. воспоминаний.

Воспитанница Симбирской чувашской учительской школы (1897-1904). Земская учительница. Была учителем и в советские годы. Награждена орденом Лепнина. Для книги о чувашском просветителе И.Я.Яковлева написала воспоминания (хранятся в архиве Чувашского пединститута), которые вошли в кн. «И.Я.Яковлев в воспоминаниях современников». Чебоксары, 1968. С. 61-62. ИДРДВ. Т.4. Ч.3. № 6373.

ВАСИЛЬЕВА Александра, поэтесса и переводчица.

Пер. стихотв. отрывок под назв. «Увядшая роза» в «Дамском журн.» 1823. № 23; авт. стихотв. «Таков-то ныне свет...» — там же. 1830. Ч. 29. № 4.

Слов. рус. писательниц; Венгеров. Сл.

ВАСИЛЬЕВА Александра Феофилактовна.

Препоод. Химии на Высших женских курсах, 1913 г.

Венгеров. Источ.

ВАСИЛЬЕВА Анна, авт. воспоминаний.

Воспитанница Московского николаевского сиротского института. «Дома и в институте. (Из воспоминаний конца 50-х и начала 60-х гг)». — «Рус. школа», 1903. № 7\8. Отд.1. С.144-178; № 9. Отд.1. С.61-88 — N.

ИДРДВ. Т. 3. Ч. 2. № 4239.

ВАСИЛЬЕВА Анна Емельяновна (псевд. Русских, Анна), писательница.

Авт. кн. «Надюша-серебряшка» М.-Л., 1929; «Пассажир в корзине». М.-Л., 1930.

Масанов.

ВАСИЛЬЕВА Вера, писательница для народа 1870-х гг.

Венгеров. Источ.

ВАСИЛЬЕВА Вера Николаевна (псевд. Небиэри), журналистка, 1910-е гг.

Смотр. в изд.: «Ран. Утро», «Р. Молва», «Нов. Русь», «Аргус».

Масанов.

ВАСИЛЬЕВА Е.

Авт. кн. «Учредительное собрание во Франции». Спб., 1906.

ВАСИЛЬЕВА Е.

В соавт. с О.Артамоновой (см) и Ю.Гауш (см) написала «Театр Петрушки», пьесы. М.-Л., 1928.

РНБ.

ВАСИЛЬЕВА Е.А., авт. воспоминаний.

Ее воспоминания «Все началось с 1905 г.» [Воронеж] напечатаны в сб. «Революционерки России: Воспоминания и очерки о революционной деятельности рос. большевичек». М., 1983. С. 76-81.

ИДРДВ. Т. 5. Ч. 2. № 778.

(Продолжение в следующем номере)

Повезло мне, повезло

1. Было 3 мая...

На календаре было 3 мая. Год — одна тысяча девятьсот сорок пятый. Мы — в Берлине.

Рано-раненько встал, умылся, побрился, начистился, как водится, позавтракал почти на ходу и — за руль трофейного «Мерседеса». Покатил по разбитым, порушенным войной улицам. Со мной в автомобиле боевой фотокорреспондент 3-й ударной армии «Фронтвик» Владимир Гребнев, старший лейтенант.

— Глянь-ка, Володя, что сотворилось за ночь! — удивляюсь я. — Вся улица Унтер-ден-Линден белофлагая.

— Дисциплина! — басовито произнес Гребнев и с открытого окна щелкает «лейкой». Есть кадр!

Это точно — дисциплина! Немцы с пеленок приучены к исполнительности. Был приказ их коменданта города капитулировать, и каждая домохозяйка из окна «выбрасывала» белое полотенце или какую-либо иную белоснежную материю. А как же, она верна приказу и тоже капитулирует.

Выезжаем на Александерплац — площадь, которую немцы нежно называют «Алекс». Между прочим, в честь русского царя названа. Так вот, на этой площади нашими щами запахло. Что такое?

— Наша кухня дымит! — возвещает фотокор. — В самой середине площади. Прямо на колесах.

Вижу: с разных сторон к кухне семят немцы и немки с посудинами, сплошь пожилые.

Торможу «Мерседес», и мы подходим вплотную к кухне.

— Как это понимать? — спрашиваю усатого и краснощекого повара.

— Комдив приказал кормить население, товарищ майор.

Вот оно как! И сразу в моей памяти мелькают мои боевые дороги: какое зверство вытворяли сыновья этих стариков и старушек на нашей земле, а мы кормим население...

И еще кадр в «лейке» Гребнева.

Едем дальше. Но вскоре тормозим. Красавица-девица в форме сержанта стоит на перекрестке улиц и картинно дирижирует движением. Подходим к ней.

Удивляемся отточенностью движений девушки-сержанта, взмаха руки, в которой черно-белый жезл, поворотами, влево, вправо, кругом. И всем проезжим — улыбка.

Представляем красавице: мы — корреспонденты «Фронтвика». Хотим, мол, побеседовать.

— Видите я на посту, — говорит. — Приходите вечером в «хозяйство» Негоды, в автороту. Спросите Надю Клочко.

Гребнев не зеваает: щелчок, и есть еще берлинский кадр.

А дальше рейхстаг. Военная братия на полуторках, бронетранспортерах, мотоциклах и даже на велосипедах катит туда. Идут и пешим строем. И мы туда же...

Площадь, которая перед рейхстагом, Кёнигсплац, а по-нашему — Королевская, издолбана воронками и изрыта каналами, кажется, заполнена до отказа. Кое-как пробиваемся к центральному входу в рейхстаг. Здесь тоже толчея. Каждый норовит пробиться к его израненным стенам, чтобы оставить свой автограф. Пишут мелом, белилами, углем, царапают штыками, ножами. По этим надписям можно изучать географию нашего Союза. Все национальности здесь. Слышу громкий возглас: «И узбек здесь. Пропустите Самарканд!».

Снова возглас: «Маршал Жуков тут!..» Поворачиваюсь и вижу: действительно он, наш командующий. С ним большая группа генералов. И наш командарм генерал-полковник Кузнецов рядом с маршалом.

Я впервые так близко вижу Георгия Константиновича. Не свожу с него глаз. Идет он медленно вдоль рейхстага. Поступь твердая, лицо чуть-чуть озарено улыбкой. Внимательно разглядывает искореженные снарядами да пулями стены германского парламента, заглядывает в проломы, в амбразуры, из которых еще совсем недавно торчали пулеметные и орудийные стволы. Маршал что-то говорит идущему рядом члену Военного совета фронта генерал-лейтенанту Телегину. Затем поднимается по ступенькам главного входа и приближается к колоннам, исписанным до самого верха, медленно читает надписи. Я заметил, что лицо маршала обветрено, покрыто смуглостью. Все улыба-

автор

Юрий Левин родился в 1917 году в Белорусской деревне Поречье. Полковник в отставке. Участник Великой Отечественной войны. Его рубежи Ржев, Сталинград, Донские степи, Украина, Прибалтика, Варшава, Берлин. Пишет о войне, о воинском подвиге, о солдатах-победителях. В военной печати 70 лет. Лауреат литературной премии имени Н. И. Кузнецова, Губернаторской премии.

Член Союза журналистов России и Союза российских писателей.

ется, видно, настенное творчество понравилось командующему фронтом.

— А вы, капитан, и ваш батальон, — обращается к Неустроеву маршал, — надеюсь, тоже оставили свои автографы на этих стенах?

— Никак нет, товарищ маршал. Не успели. В рейхстаге пожар тушили да порядок там наводили. А теперь, поди, и свободного места на этих стенах не найти.

Маршал кивнул головой и сказал:

— Ну, это не беда. Свои имена вы и без того вписали в историю на веки вечные!

Маршал пожал руку Неустроеву и, обращаясь к своим спутникам, произнес:

— А мы все-таки постараемся найти свободное место и распишемся.

Маршал первым размашисто начертал: «Жуков». За ним поставили свои автографы и другие военачальники.

Георгий Константинович снова спускается вниз, отходит от рейхстага метров на пятьдесят и, поддерживая рукой фуражку, устремляет взор на купол — там наше Знамя. Наверное, доволен.

Бойцы окружают командующего. Возникает разговор. Маршал просит всех смелее задавать вопросы, высказаться. Разное спрашивают: пойман ли Гитлер, куда повели пленных, которых взяли в рейхстаге, когда домой? Маршал отвечал обстоятельно, спокойно, глядя в лица бойцов, советовал всем, кто перебинтован, отправляться в медсанбат. На прощание очень тепло отозвался о действиях 150-й стрелковой

дивизии, ее 756-го полка, их командиров генерала Шатилова и полковника Зинченко. Особую благодарность выразил неустроевскому батальону. Знамя Победы — это их дело. Обратился к первому коменданту рейхстага полковнику Зинченко с просьбой быстрее навести порядок в рейхстаге, всех раненых отправить на излечение.

Фотокор Гребнев весь в работе. Будут снимки для истории. И я их нынче вижу во многих книгах о Великой Отечественной войне.

2. И полетело Знамя в Москву

На предстоящий Парад Победы потребовалось Знамя Победы. Аккуратно сняли его с рейхстага, зачехлили и в путь-дорожку. Но и рейхстаг не «осиротел». Дубликат Знамени на куполе укрепили.

Со Знаменем в Москву направились и герои штурма рейхстага: комбаты Степан Неустроев и Константин Самсонов, ротный командир Илья Сьянов, знаменосцы Михаил Егоров и Мелитон Кантария. Неустроеву предстояло пройти со Знаменем на параде во главе фронтовых колонн.

— В самолете летел беспокойно, — говорил мне Неустроев уже после войны, находясь у меня в гостях. — Сверлила мысль: как пройду по Красной площади? Никогда на парадах не приходилось шагать сто двадцать шагов в минуту. На войне — ползком да перебежками полусогнутым... Даже хотелось повернуть назад, но самолет не подчинен моей воле. Так и долетел до Москвы. Незаметно...

И вот Центральный аэродром Москвы. Илья Сьянов из самолета пошел первым со Знаменем Победы. Его и встретил почетный караул Московского гарнизона — три сержанта — все Герои Советского Союза. Парни ладные, как на подбор, рослые, плечистые и шаг по-строевому печатают, аж асфальт звенит. Неустроев подумал: «Им бы и нести Знамя на параде...» Тихонько высказал эту мысль Сьянову. Ротный возразил: «Знамя — наше, и отдавать его никому не положено».

Успокоился Неустроев только в Ворошиловских казармах, куда на постой прибыли герои из Берлина, в уютной комнате. Степан сразу принял душ. Насладился бьющей струей горячей воды. «Не поверишь, — говорил он мне, — никак не отмывалась копоть и гарь, которую я принял на себя в рейхстаговском каземате».

Выйдя из ванной комнаты, грохнулся в мягкое кресло. В похожем сживал, кажется, во время стихшего боя в «доме Гимлера» в Берлине. И громко произнес «Благодать!». Только в этот момент он, прогнав от себя мысли сомнения о ненужности на предстоящем параде, утвердился в решении, что именно он должен пройти в строю со Знаменем Победы.

Наступило утро 23 июня сорок пятого — канун Парада Победы. Генеральная репетиция. Войска построены. Капитан Неустроев со Знаменем Победы впереди. Фанфаристы возвещают: «Слушайте все!». Водно мгновение заиграли многотрубные оркестры. Все вокруг наполнилось маршевой музыкой: «Славься, русский народ» Глинки. Звучно раздалась команда, и фронты

начали торжественное шествие. Неустроев, подняв высоко Знамя Победы, пошел строевым шагом, да таким четким, будто он длительно тренировался такому ходу. Долго, как ему показалось, шел.

И вдруг искрой пронеслась мысль: а до каких пор надо идти? Ну, конечно, будет команда...

А команды никакой не было, или, может, он не услышал ее? На свой риск чуть-чуть повернул голову и скосил глаза... Ужаснулся: парадные полки стоят, а он и ассистенты все шагают. Остановился. Посмотрел назад: полк Карельского фронта, что шел за ним, метров сто от него...

— Оплошал, — много раз слышал я от Неустроева.

Почему оплошал? С высоты многих лет я утверждаю, что Степан Неустроев нисколько не оплошал. Оплошали те, кто готовил парад. Человека впервые поставили в парадный строй и толком не объяснили, до какой отметины двигаться, где остановиться? А он, капитан Неустроев, старался изо всех сил. Ныла раненая нога, покалеченная на войне, рука тоже напоминала об этом же. Но он браво шел со Знаменем Победы. Выходит, перестарался на целых сто метров.

К нему на машине подъехал чинный полковник. «Сейчас будет выволочка...» — подумал.

— Маршал Советского Союза Жуков Георгий Константинович, — строго произнес полковник...

Заколотилось сердце у Неустроева. И ноги ватными стали.

— ...благодарит вас, капитан Неустроев, — продолжал полковник, — за участие в генеральной репетиции... Я готов вас отвезти в Ворошиловские казармы.

Неустроев не знал, как реагировать на благодарность маршала, но все-таки произнес: «Служу Советскому Союзу!».

Полковник тут же вручил капитану Неустроеву пропуск на трибуну Красной площади. Вот как обернулось.

Окончательно успокоился Степан Андреевич 24 июня, когда оказался на парадной трибуне у Мавзолея. Место досталось ему почетное. Подумал, видимо, сам маршал Жуков распорядился посадить его, командира батальона Неустроева, поудобнее. Ведь маршал должен его помнить: у рейхстага 3 мая поздравлял его со взятием здания германского парламента, руку жал.

Больше Неустроев не огорчался. И не смущался, сидя на трибуне рядом с генералами. Правда, один уж очень пожилой генерал спросил-таки: «А вы кто будете?». Представился генералу как полагается. Генерал громко, чтобы соседи тоже узнали, с кем разговаривает, произнес: «Слышал ваше имя, товарищ капитан Неустроев, рад сидеть по соседству с таким героем!».

Ну, а он восторгался парадом. Громко аплодировал, когда из ворот Спасской башни выехал на коне Георгий Константинович Жуков, принимавший парад. Аплодировал и командующему парадом маршалу Рокоссовскому.

Еще сильнее захлопали неустроевские ладони, когда увидел во главе парадного расчета Знамя Победы. Оно двигалось в автомобиле. «Вот это толково!» — сор-

валось с уст у Неустроева. Одобрил автомобильный вариант движения Знамени.

— Ваше Знамя? — спросил генерал-сосед.

— Нашей 150-й Идрицко-Берлинской дивизии...

Всегда с восторгом рассказывал мне Степан о Параде Победы.

— Красиво и четко шли сводные полки всех фронтов. Я смотрел на гордые и счастливые лица воинов-богатырей. Шел дождь, а мне он был нипочем, видел, что маршу героев ливень не в тягость. Два часа парада были часами моего восторга и счастья...

Был я рад за моего друга — героя многих битв. Прошел он сквозь всю Отечественную достойно. И остался в моей памяти живым навсегда. И маршал Жуков, посадивший капитана Неустроева на почетную трибуну, запомнился мне благородным военачальником.

3. Рядом с маршалом

Повезло мне, повезло. После службы в Группе советских войск в Германии военная судьба привела меня в Свердловск, в Уральский военный округ. И снова встреча с Маршалом Советского Союза Жуковым. Он — командующий войсками округа. Видел и слушал его речи на партийных активах, на разборах учений в Чебаркуле, Челябинске, с трепетом наблюдал его на парадах войск Свердловского гарнизона по случаю Первомая и праздника 7 Ноября. А в одну из новогодних ночей видел в Окружном Доме офицеров. Но потом, когда маршал убыл в Москву и приехал на Урал в качестве кандидата в депутаты Верховного Совета СССР, меня редактор газеты «Красный боец» просто осчастливил: приказал ехать в Нижний Тагил и там быть «в команде маршала», чтобы освещать его предвыборные встречи с избирателями. Со мной был и художник редакции Юрий Купцов, выполнявший обязанности фотокорреспондента. В журналистскую команду пригнул и корреспондент «Красной звезды» подполковник Николай Мыльников.

В Нижнем Тагиле на вокзале у маршальского вагона мы все представились Георгию Константиновичу. Он с каждым из нас поздоровался рукопожатием.

— Действуйте по своему плану, — сказал. — Если нужна будет моя помощь, смело обращайтесь ко мне.

С той минуты мы неотступно следовали за маршалом. Куда он, туда и мы. Но в одной точке нас, газетчиков, все-таки тормознули. Случилось такое у входа в танковый цех вагонки. Жуков прошел, а нам преградили путь. Маршал, видимо, услышав голоса охранников, оглянулся и резко произнес: «Они со мной!». И мы последовали за Георгием Константиновичем.

— Надеюсь, — сказал он, — вы об этом цехе писать не будете.

— Никак нет, — ответил Мыльников.

Фотоаппарат Юрий Купцов оставил на проходной: снимать нельзя.

В танковом цехе фотографировать нельзя было, но в заводском клубе — надо. Мы собрали группу девушек, которым предстояло впервые участвовать в выборах, и предложили им сфотографироваться с Георгием

Константиновичем. Обрадовались. А мы обратились к маршалу с такой же просьбой.

— С девушками, — сказал, — я готов.

Маршал встал посередине стайки красавиц и повел с ними тихую беседу. Купцов не нацелил фотокамеру и как-то странно застыл. Я подошел к нему. Он шепчет: «Пленка кончилась. Надо перезарядиться».

— Какой «перезарядиться», — шепчу. — С маршалом такие шуточки! Ты щелкай, продолжай «снимать»...

Оглянулся я и вижу: несколько человек позади меня фотографируют. Быстро подошел к одному и попросил снимать для нас. Тот парень, кажется, понял ситуацию и постарался запечатлеть Жукова с девушками. Купцова я попросил следовать за фотографом и добыть у него пленку, ибо знал, что когда приедем в Свердловск, явится порученец маршала и попросит снимки. Так оно и произошло. Снимки были готовы в срок. Уж Юрий Купцов постарался.

4. Случай с протезом

На площади 1905 года в Свердловске был первомайский парад войск. Мы, ветераны-фронтовики, разместились на левом крыле трибуны. Маршал Жуков верхом на коне принял рапорт командующего парадом и, объехав воинские «коробки», поздравил каждую с праздником, поднялся на трибуну. Произнес речь — четко, внятно. Торжественная речь катилась по площади.

И пошли войска — колонна за колонной. Маршал одобрительно приветствовал каждую.

Окончился парад. Те, которые были на трибуне, прошли мимо нас, ветеранов. Каждый кивком головы, не останавливаясь, издали поздоровался с нами. А маршал Жуков при парадном мундире с множеством орденов подошел к нам и с каждым в рукопожатии поздоровался и поздравил с Первомаем. Георгий Константинович заметил в нашем ряду человека на костылях.

— Где потеряли ногу? — спросил маршал.

— В Польше, под Познанью, товарищ Маршал Советского Союза!

— Крепитесь, солдат... А протез имеется?

— Путевого не имею...

— Постараемся достать путевой, — сказал маршал и велел подполковнику-порученцу записать координаты инвалида.

Таким он был: в бою — строгим полководцем, а в быту, вне строя — душевным и внимательным.

5. Письма, письма...

В год 60-летия Победы свердловское издательство «Пакрус» выпустило том «Живые строки войны». Я был его составителем-редактором и автором текстов-комментариев.

Готовил я эту книгу с добрым настроением. Читая изрядно поблекшие строки писем из окопов войны, я снова как бы очутился на фронте — в траншеях, блиндажах, в медсанбатах и госпиталях с моими погодками, с теми, кто, не жалея себя, оборонялся и наступал.

Солдаты воевали и писали. Они знали, что их окопные треугольники трепетно ждут матери, жены, дети, сестры и братья — вся родня. Пишут — значит, живы.

Этот четырехсотстраничный том лежит нынче передо мной. И открывается письмами Георгия Константиновича Жукова. Читаю их и ощущаю душевное сердце мужа и отца.

24.05.39

Милый Шурик!

Сегодня был у наркома... Еду в продолжительную командировку. Нарком сказал: заряжаться надо примерно на 3 месяца. К тебе у меня просьба такая: во-первых, не поддавайся хныканью, держись стойко и с достоинством, постарайся с честью перенести неприятную разлуку... Ты же меня знаешь, что я плохо выполнять службу не приучен, но для этого мне нужно быть спокойным за тебя и дочурок...

Ваш Жорж.

Письмо из Монголии

1.09.39

Здравствуй, милый мой Шурик!

Шлю тебе привет и крепко всех целую. Получил от тебя массу писем и телеграмм, но, извини, ответить не мог, т.к. был занят боями. Сегодня закончил полный разгром японских самураев... Сегодня получил сообщение — о присвоении мне звания Героя Советского Союза... Такая оценка правительства, партии и т. Ворошилова обязывает меня еще больше стараться выполнять свой долг перед Родиной.

Крепко, крепко всех вас целую.

Жорж.

Письмо из Ленинграда

Здравствуйте, Элочка и Эллочка!

Шлю вам привет с фронта. По вашему заказу бью немцев под Ленинградом. Немцы несут очень большие потери, но стараются взять Ленинград, а я думаю не только удержать его, но и гнать немцев до Берлина.

Ну как вы там живете? Крепко вас целую.

Ваш папа.

8.01.43

Милый мой Шурик!

Как твое самочувствие? Я пока ничего. Здоров. Кроме проклятого сустава. Он все-таки меня угнетает. По возможности стараюсь лечить соляными ваннами и тепловыми лучами. Ну вот пока и все...

Таким он был: строгим и добрым, сердечным и требовательным, стратегом-полководцем и автором мудрой книги «Воспоминания и размышления». И всегда будет помнить и гордиться Урал, что именно в нашем богатом краю несколько лет жил и трудился великий и славный сын Отечества, четырежды Герой Советского Союза, Маршал Советского Союза Жуков Георгий Константинович. Мне же повезло служить в его войсках на Первом Белорусском фронте и в Уральском военном округе.

Подснежники

Весна — это одно из самых оптимистичных времен года, когда все оживает и радостно стремится к солнцу. Каждый месяц примечателен по-своему, но май мне симпатичен больше остальных.

Именно тогда снег, превратившийся в грязь, не хватает за ноги. Именно тогда, после короткой борьбы, зима уже окончательно покидает нас до поры. В такие солнечные и теплые деньки особенно хочется жить и радоваться жизни. В один из первых дней мая меня позвали в лес... собирать подснежники.

Для меня это было совершенно новое занятие, и я, из любопытства, согласился. Погода была солнечная и ясная, дул теплый ветерок. Наша группа из четырех человек с утрачка налегке отправилась в лес (а было это под Пермью в небольшом поселке). Окружающий нас мир виделся в новом свете — более чис-

тым и мудрым. Деревья качались на ветру, шевеля своими свежими листочками. Наша подружка, местная девушка, стала проводником. Она уверенно вела нас за собой, но мы не спешили. Мы наслаждались каждым моментом тепла и умиротворенности.

Небольшой собачонок увязался за нами от самого поселка. Он звонко лаял и весело скакал вокруг нас. Ему, как и нам, было весело. Мы, не задерживаясь, угостили его овсяным печеньем и свернули к небольшому пруду.

В воде кое-где еще присутствовал лед, но природа оживала и здесь. Какая-то неопределенная живность шевелилась около дна.

— Мы почти пришли, — объявила наша проводница. Слегка зайдя в лес, мы вышли на поляну, усыпанную чем-то светлым, похожим на снег. Целый ковер белых цветов радостно тянулся к солнцу.

— Неужели это подснежники?

— Это подснежники, характерные для этой местности, — объяснила Марина. — В разных областях они несколько различны. Обычно в краях потеплее они распускаются в апреле. Ну а мы можем наблюдать последние из этих весенних цветов.

Их было так много, что мы невольно засмотрелись на такое весеннее чудо. Девушки стали собирать цветы в букеты, мне же было как-то неудобно уносить из леса такую красоту.

Конечно, ходить в лес за грибами или ягодами интереснее. Улов, который ты соберешь, потом будет оценен твоими домашними за столом. Что-то можно будет даже законсервировано до зимы. Но ходить в весенний лес за подснежниками тоже недурно. Это мероприятие можно назвать бескорыстным посещением природы.

фото Марины Братчиковой

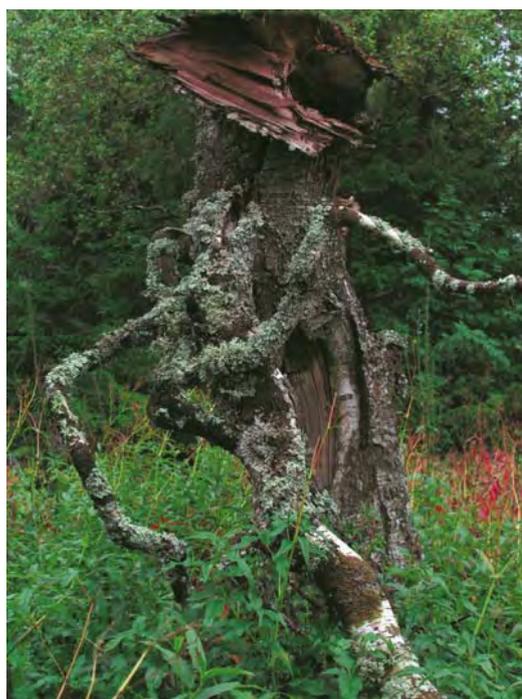

фото Владимира САДЫРИНА

Евгений САВЕНКО

Лики гор и лесов

Лесные и горные лики — это природные «лица», созданные особыми условиями нашей планеты — на скалах, деревьях, в горах и лесах, и даже в облаках.

(Начало в №3, 2007)

ЯМАНТАУ

Маршруты «Уральского следопыта»

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

фото Евгения САВЕНКО

Характеристика района.

Выбор маршрута

Район горы Ямантау был выбран не случайно – вершина горы Ямантау является главной вершиной всего Южного Урала, при этом, по неизвестным причинам, она была закрыта приблизительно в 1980 году, а попытки попасть на вершину заканчивались безрадостным знакомством с представителями Вооруженных Сил СССР. И вот начиная с 2000 года поползли слухи: «вояки ушли с Ямантау». При этом говорилось, что попасть на вершину кратчайшим путем, т.е. через поселок Солнечный, невозможно – запретная зона, а зайти с северо-востока не представляет никаких трудностей, с точки зрения препятствий, чинимых властями, поэтому началом маршрута был выбран поселок Тирлянский (местное официальное название Тирлян – на дорожном знаке именно так).

Дорога, идущая из поселка на северо-запад и пересекающая реку Тирлян, нами была забракована, т.к. на разных картах (одного года выпуска – 1979) показаны и брод, и мост, в разговорах с людьми, посещавшими район, уточнили: моста нет, необходимо плавсредство – речка весной бурная, брод только летом. Выбираем заброшенную узкоколейку, идущую из поселка на север. Затем, в 11 км от поселка, должны найти просеку, выводящую нас к горе Машак (восточный), затем, не теряя набранной высоты – чтобы не переправляться многократно через ручьи, ставшие весной реками, аккуратно обходим хребет Кумардак, подходим к подножью горы Ямантау и делаем на неё «радиалку», правда смущают многочисленные россыпи скал у подножья хребта Кумардак, показанные на карте.

Наиболее логичное продолжение маршрута после посещения горы Ямантау – траверс хребта Машак и выход к горе Большой Шелом, при этом все речки, вздувшиеся весной, обходятся верхами, а река Большой Катав – по мосту, оставшемуся от узкоколейки. Далее, сделав «радиалку» на вершину Большой Шелом, переваливаем хребет Зигальга и, спустившись с перевала хребта, выходим в деревню Большой Катав. Опыт майского похода 2004 г. показал, что в сложных снеговых условиях в районе хребтов Нургуш – Сука дневные переходы по 25 и более км вполне нам по силам.

В рецензии на маршрут, данной Н.Н. Устиновским, было сказано, что отсутствие второй вершины, т.е. Большого Шелома, на категоричность маршрута не повлияет, однако вершина в заявке была оставлена.

В качестве страховочного варианта был выбран выход через поселок Солнечный.

Транспортное сообщение

Как показал опыт майского похода 2004 г. и январского 2005 г., наиболее удобный и, главное, наименее затратный, в смысле времени, способ выезда из района Ю. Урала – наём Газели. На этот

раз решено было опробовать этот способ и для заброски.

В Екатеринбурге наём Газели дело дорогостоящее, другое дело – маленькие города Ю. Урала: Сатка, Белорецк, Трехгорный. Стоимость проезда 1 км колеблется от 4,6 до 6 рублей. При этом можно нанять Газель с условием ночной перевозки: днем вы на работе, возвращаетесь, ужинаете, переодеваетесь, берёте рюкзак, садитесь в мягкое кресло, дремлете ночь, просыпаетесь в 6 утра в точке начала маршрута. Плохой сон (сон на вокзалах или в поезде с необходимостью выхода посреди ночи не многим лучше) и удорожание по сравнению с проездом в поезде с лихвой компенсируются отсутствием пересадок, ожиданий поездов, нервотрепки с билетами, нецивильного питания на вокзалах, а также контактов с местным празднующим населением.

Хочется подчеркнуть еще одно обстоятельство: местные водители отлично знают свои дороги и населённые пункты. Достаточно в телефонном разговоре назвать место, куда нужно ехать. При ночных переездах знание дороги особенно важно, т.к. разузнать дорогу глубокой ночью бывает затруднительно – попросту не у кого.

Описание пройденного маршрута

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Маршрут начинается в большом южноуральском поселке, через который протекает река Тирлян. В середине поселка сделана плотина с проложенной по ней автодорогой. Переезжаем на левый берег реки, проезжаем поселок до края и застреваем в жидкой грязи. Вытолкнув Газель на твердое место, выгружаемся, упаковываем рюкзаки и, спустившись ближе к реке, идем в северном направлении по заброшенной и разобранной узкоколейке. При встрече с первыми же дровами останавливаемся и делаем завтрак с крепчайшим чаем – все-таки ощущаем недосып. Во время завтрака начинается мелкий дождь.

Отдохнув и напившись крепкого чая, продолжаем движение по узкоколейке. Ямки из под сгнивших шпал немного мешают движению. Низкая облачность не позволяет видеть окрестные вершины – они лишь изредка проглядывают из тумана.

К концу перехода выходим к бетонному мосту через бурный ручей. Мост крепкий, надежный. Через 50 минут сворачиваем с узкоколейки и карабкаемся в горку – отрог г. Репная. Идя разными азимутами: 220–250, пытаемся найти обозначенную на карте просеку, делаем привал с чаем, двое участников с GPS-ом уходят на поиски просеки, тщетно. Далее движемся по азимуту 270 и к вечеру подходим к реке Миселя. Нужна переправа. Находим березу на нашей стороне, удачно заваливаем ее верхушкой между деревьев на том берегу. Ствол оказывается чуть под водой – решаем делать переправу с утра в надежде, что уровень воды в реке за ночь может упасть, если не будет большого плюса и таяние приостановится.

ДЕНЬ ВТОРОЙ

Утром видим еще худшую картину с водой и нашей березой — таяние лишь увеличилось. Делаем переправу, причем веревка оказалась коротковатой, поэтому и навешивать, и снимать перила пришлось маятником.

После переправы движемся азимутом 270—290 с небольшим набором высоты, появился нарастающий снег, туман приподнялся — видим справа вершину г. Машак, находим просеку, кончившуюся через час пути по ней, идем азимутом 220—230, обходя хр. Кумардак, останавливаемся на ночевку.

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

Утром небо лежит прямо на верхушках деревьев. Сразу же упираемся в россыпь скал, начинается череда обходов. Идем так два перехода, снег по пояс, видимость «0», влево очень круто вниз, справа вертикальные скалы, впереди россыпи камней и скалы. Останавливаемся на обед на курумнике и прикручиваем крепления к снегоступам. После обеда и новой череды обходов и перелазов скал отступаем, сворачиваем на юг, чтобы обойти скалы.

Осваиваем снегоступы и убеждаемся — жить можно, хотя и идти приходится медленно, но все-таки идем, а не барахтаемся в снегу.

Идем три перехода. Сплошной густой туман, временами дождь. Идем вниз, куда позволяет рельеф, выходим на бесснежную поляну и останавливаемся на ночевку.

Вечер сухой и даже теплый. Палатки поставили на два сухих пяточка.

ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

Ночью и утром ливень. По всей поляне текут ручьи. Завтракаем под накидками. Необходим ремонт снегоступов. Ремонтируем и модернизируем снегоступы. К обеду ливень кончается, выглядывает яркое горячее солнце, настроение резко улучшается. Успеваем сориентироваться — GPS не врет — мы отклонились вниз и назад. Все начинает сильно парить, и видимость вновь уменьшается.

Выходим. Азимут 220—230, один переход, затем 320 — еще два перехода, попадаем на большую поляну, ориентируемся, находим квартальный столб, затем дорогу и избу охотников. Останавливаемся рано — впереди через один переход разлившаяся река — будет ли где поставить палатки. Двое участников уходят топтать нам на утро дорогу. Ставим палатки возле избы.

ДЕНЬ ПЯТЫЙ

Утром быстро добираемся до реки Б. Инзер, она сильно разлилась. Удастся выйти на середину реки по островкам. Приносим из леса бревно, делаем обед, навешиваем перила, переправляемся и попадаем в болото из воды и снега.

Кружим в поисках прохода. Проход находится возле кромки реки — азимут 220, затем уходим впра-

во в гору, азимут 270, и, через два перехода, встаем на ночлег на живописном курумнике.

ДЕНЬ ШЕСТОЙ

Наутро, поднявшись на взгорок, видим прямо перед собой Ямантау. Идем по лесу три перехода в сторону Ямантау — гора открывается на каждом безлесном участке. Часто ломаются снегоступы, останавливаемся, ремонтируемся, останавливаемся на обед — пьем чай для скорости.

После «обеда» идем по направлению Ямантау и сразу же попадаем на отличную сухую широкую ЛЭП. Пулей летим по ЛЭП до места, где на карте обозначена просека — просеки нет. Останавливаемся на ночевку — двое участников идут топтать дорогу на утро. Возвращаются через 2 часа — дошли до хр. Караульного — очень много снега и крутой взлет.

ДЕНЬ СЕДЬМОЙ

Утром долго собираемся, выходим в 10 — солнце, на хр. Караульном мы в 11 — солнце, через 1,5 часа попадаем в седло г. Ямантау — все затянуло, пошел, но вскоре кончился дождь, поднимаемся два часа в очень густом тумане — видимость 5—10 м, вершину находим буквально на ощупь. На вершине следы бегства военных — именно бегства и именно военных: кровати, вертолетная площадка, огрызки кабелей, остатки строений и машин. За час на вершине туман приподнимался дважды — видимость увеличивалась до 100 — 150 м, оставляем записку, возвращаемся в лагерь — помог GPS — по своим следам.

ДЕНЬ ВОСЬМОЙ

Утром Ямантау как на ладони. Идем по ЛЭП в сторону п. Солнечный в надежде, что на КПП дадут позвонить и вызвать машину или как-то выбраться на транспорте поселка — масса вариантов. До обеда делаем три перехода, в конце второго делаем каменную кладку и переправляемся по ней через один приток М. Инзера, подходим ко второму, более широкому притоку. Находим отличное бревно, лежащее через реку, навешиваем перила и переправляемся с соблюдением всех правил техники безопасности.

Дорога с каждым километром все натоптаннее. После обеда идем три перехода по жесткой каменной наезженной дороге и попадаем на асфальтовую дорогу. Здесь заканчивается наше путешествие.

Наши контакты с МВД и ФСБ

Наша дорога вливается в хорошее асфальтовое шоссе. Слева от перекрестка КПП. Переполошили солдат, те вызвали на подмогу милицейский наряд — мы вели себя спокойно и вежливо.

На милицейском УАЗе — «буханке» добираемся до середины поселка, не встретив ни одного КПП. В милиции нас, каждого по отдельности, допросили о цели нашего «проникновения» в охраняемую зону закрытого поселка, выясняли, кто и зачем послал, кто конкретно дал задание проникнуть на «объект», при-

чем они сильно зауважали нас, увидев и изъязв нашу маршрутку. На наши попытки объяснить, что мы не перелезали через заборы, не обходили шлагбаумов и не видели ни одной таблички о запрете входа в зону, нам ответили в том духе, что: «Незнание закона не освобождает от ответственности». Появился ФСБ-шник, увидел карту, вырезанную из атласа, цветную, типографскую двухкилометровку, объяснил, что она секретная. Побеседовав с руководителем похода, примерно час сказал: «Это не мои» и исчез. Милиция сразу подобрела, позволила позвонить со своего телефона в Белорецк для того, чтобы нанять Газель, однако предупредив, что передадут наши документы в правление заповедника — мы не поставили заповедник в известность о своем путешествии по их территории (а если бы поставили, то не побывали бы на Ямантау).

Закупив свежего хлеба, колбасы, молока и прочих продуктов в ближайшем к милиции магазинчике, мы с почетом были препровождены до КПП — очень солидного сооружения с бетонными блоками, поставленными змейкой, на площадке перед воротами — чтобы никто с разгона не прорвался внутрь.

Когда за нами пришла Газель и мы погрузились в нее, нам, на прощанье, помахало из-за ворот примерно десять рук — все ждали: уедем — не уедем.

Снаряжение

Район г. Ямантау расположен на высотах 800–1000 м. Известно, что с подъемом на 100 м средняя годовая температура уменьшается на 1°C, т.е. по сравнению с 200 м над уровнем мирового океана имеем уменьшение температуры на 6–8°C, в межсезонье это означает более позднее таяние снегов, поэтому в списке нашего снаряжения оказались снегоступы.

Грузоподъемность снегоступов была рассчитана из следующей посылки: 1 кг веса участника — 0,2 кв. дм (лыжи: 2 м при ширине 10 см имеют площадь 20 кв. дм). Для более тяжелых участников необходимы более крепкие материалы и более тщательное крепление деталей. В качестве креплений оптимальными оказались армейские ремешковые лыжные крепления.

Для увеличения прочности снегоступов их необходимо тщательно прогрунтовать и прокрасить — на-

мокшее дерево хуже держит шурупы — отскакивают палки поперечин и детали лыжных креплений.

Для наведения переправ нами взяты две веревки: основная — 25 м и вспомогательная (репшнур 06) — 25 м, карабины — 4 шт, две системы и концы репиков — самостраховка. Все взятое снаряжение пришлось очень кстати.

Навигация

В настоящее время появились устройства GPS навигации — портативные компьютерные приборы, позволяющие с помощью спутников определять точку своего стояния и прокладывать маршрут.

Беда в том, что требуется заранее тщательно подготавливаться самому и подготовить карты в расчете на свой навигатор.

В течение трех дней мы были лишены возможности ориентироваться на местности — шли в тумане. Наличие навигатора в группе значительно упростило наше положение: мы, хотя и не совсем точно, могли привязать нашу точку стояния к карте. Движение по маршруту было затруднено почти полным отсутствием просек и дорог, показанных на наших картах. Огромное удобство давал навигатор при необходимости вернуться в исходную точку, например при поиске просеки в первый день пути.

С появлением видимости нужда в GPS почти отпала. В настоящее время появилась возможность приобретения практически любых карт на любые районы бывшего СССР. Есть лишь одно «но» — ошибки, вносимые в карты картографами умышленно. Как уже сказано: на двух картах одного года выпуска показаны: мост — на одной, брод — на другой. Наибольшее количество ошибок, как ни странно, в свежих типографских атласах. Лучшее решение в данном случае, конечно, интервью с человеком, побывавшем в интересующем районе.

Питание

С некоторых пор рацион питания в турпоходе претерпел существенные организационные изменения: если в 70–80 годах каждый грамм продуктов, забираемых в поход, состоял на учете у завхоза и, в течение всего похода, приходилось вести строгий учёт оставшихся продуктов и степень загрузки участников, то с середины 90-х появились тенденции «жлобских» рационов: сахар, колбаса, конфеты, сухари — принадлежность личного рациона, а каши, супы, макароны, тушенка — общественные продукты. Логическим продолжением этой тенденции явилось развешивание общественных продуктов по разовым порциям. При этом завхоз лишь обозначает количество продуктов на варку и количество варок, требуемое от каждого участника. Появление в продаже каш, расфасованных в пакетики, упростило задачу развешивания продуктов дома, причем оказалось возможным варить в одном котле разные каши, а по готовности каждый получает то, что сдал дежурным.

Относительным неудобством можно считать лишь необходимость разогрева открытой банки тушенки

и равномерной раскладки последней по тарелкам в дополнение к каше, вместо перемешивания ее в общем котле — но и тут плюс: нет потерь тушенки при недоедании каши из котла, да к тому же мытье котла сводится к его ополаскиванию.

Итак, примерно половина рациона — каши, супы, макароны и тушенка, т.е. продукты для варки. Вторая половина — это конфеты, печенье, сахар, колбаса, изюм, курага и прочие вкусности — причем появляется приятная возможность угощать друг друга чем-то таким.

Немаловажно и то, что разгрузка происходит автоматически — дежурные с вечера обходят участников и собирают каши на ужин и на завтрак, а обеденные продукты берут свои.

Очевиден выигрыш и с точки зрения состава участников: как правило, из первоначальной заявки группы 1–2 человека отсеиваются, при этом приходится либо лихорадочно отсыпать часть продуктов, либо мириться с их излишками. При коротких походах на 6–8 дней излишки не страшны, при более длительных, 20–25 дней, это становится проблемой. При «жлобском» подходе общественными неделимыми продуктами становятся лишь: масло, чай, соль, мука, специи и какие-нибудь «праздничные» деликатесы.

Итоги похода

Пройденный маршрут для спортивного летнего туристского путешествия, безусловно, недостаточен по протяженности. Главным препятствием на маршруте оказались: глубокий снег — к нему мы были готовы, сильное таяние снега — под полуметровым снегом полуметровый слой воды — сапоги с фонариками спасают лишь отчасти, рыхлый снег на закрытом крупном курумнике — частые проваливания в пустоты между камнями и последующее вытаскивание снегоступов и их ремонт отнимают много сил и, главное, времени.

Еще одним сдерживающим движение фактором явился сильный туман, преследовавший нас несколько дней. Доходило до того, что приходилось договариваться в группе: кто кого держит в поле зрения.

Также немного затрудняло движение отсутствие дорог и просек, обозначенных на картах, которые удалось скачать из Интернета. Выпущенные в 1979 г. по материалам 1956 г., они оказались далекими от истины, хотя нужно признать, что именно слабая населенность района из-за его былой закрытости приятно порадовала: за всё время путешествия нами не был встречен ни один человек, а изба, возле которой прошла одна из ночевок, явно давно не используется. Единственный след человека, виденный нами — сильно подтаявшая лыжня на склоне хр. Кумардак. Еще одним свидетельством появления людей возле Ямантау явилась обратная связь: в записке, оставленной нами на горе, нами был указан адрес в Интернете. По возвращении домой было получено письмо и фотография нашей записки — безумно приятно.

По материалам городского турклуба

Дмитрий ДЗЫГОВБРОДСКИЙ, Украина, г. Днепрпетровск

Исповедник

— Отче, я убил человека.

От человека несло едким потом — запах пробивался даже через матерчатую ширму исповедальни. Голос срывался на хрип, как будто человек только что пробежал длинную дистанцию.

— Расскажи об этом, Эд, — спокойно отвечив священник.

— Вы узнали меня?! — в ужасе воскликнул человек.

— Конечно, Эд, по голосу... Рассказывай...

— Отче, только вы ведь никому не скажете? Я знаю, что это смертный грех, но у меня жена и дети... Я не могу попасть в тюрьму. Что с ними тогда будет?

— Не бойся, Эд, я никому не расскажу. Тайна исповеди нерушима. Да ты и сам знаешь, что я забуду всё, как только отпущу тебе грехи. Не бойся, сын мой, рассказывай...

Человек замолчал. Священник терпеливо ждал, не нарушая установившейся тишины. Умение слушать — главная из добродетелей.

Наконец Эд собрался с духом и, запинаясь, начал рассказ.

Тротуар клонится под ногами... То влево, то вправо... Но это вызывает только смех. Надрывный, искусственный. Хочется гулять... весело, отвязно, не обращая внимания ни на что.

Друзья отправились домой. Слабаки! Но он не такой...

Так просто этот вечер не закончится. Слишком скучно, слишком обыденно... Хочется приключений, борьбы, свободы...

Хорошо посидели...

Если бы ещё Джо не был таким подкаблучником. Ну и сказала жена быть дома в десять? Ну и что? Всем они так говорят, но не все на это внимания обращают... А так за этим слабаком Джо все потянулись. И вечер обещавший быть эдаким... испортился напрочь.

Эх, ещё бы бутылочку пива... И как назло, ни одного магазинчика вокруг. Слишком приличный район. Даже полиции нет...

Надо бы немного постоять, отдохнуть. А то что-то спать клонит, даже ноги заплетаются. Сколько же мы выпили сегодня? Даже не получается сосчитать. Хех! Но могли и больше. Если бы не Джо.

Кто-то стоит около фонаря. Девушка...

Подойти познакомиться, что ли?

Ай, какая холёная! Жена даже перед свадьбой такой не была, а после рождения детей и подавно... Туфельки на каблукках, колготки с узорчиком, юбочка с разрезом эдаким скромненьким, блузка подчёркивает, что надо...

Точно подойду, познакомлюсь...

— Эй, милашка, можно с тобой...

Отскочила? Брезгует?

Обида расплескалась холодными брызгами.

— Что же ты, шлюха, клиентов тут ждёшь?

Отнекивается, говорит, что ждёт подругу. Ага, сейчас... в такое-то время... Точно вышла подзаработать.

Ворох денег скомкан в руке... Нет?! Да как она смеет?!

Схватил за рукав, притянул к себе.

Хлёсткая пощёчина обожгла лицо.

И ярость закрыла дымкой взор.

Удар...

Девушка отлетает к фонарю. Глухо бьётся головой, медленно сползает на землю. Вот так-то! А то нет, не хочу. Ничего, потом заплачу сполна...

Блузка легко рвётся, и грудь отдаётся жадным рукам...

Но почему она не отбивается, не кричит, не шепчет? Почему её тело так безвольно?

Нет...

Нет!

Нет!!!

Ужас полыхнул багровым костром, и в этом пламени сторело всё: жизнь, свобода, будущее...

Бежать... Бежать... Бежать...

Дмитрий Дзыговбродский родился 25 декабря 1981 года в Днепрпетровске, Украина. Окончил Днепрпетровский национальный университет, факультет «Прикладная экономика» в 2004 году. В настоящий момент — финансовый управляющий в фирме по добыче титана.

Публиковался в нескольких журналах («Меридиан», «Порог», «Юный техник», «Магия ПК», «Я», «Вселенная. Пространство. Время», «Реальность фантастики», «Дарьял» и т. д.), участвовал во многих сетевых конкурсах, выиграл некоторые из них, опубликовался в трёх сборниках («Эвиал», издательство ЭКСМО, «Хищные вещи», издательство ПринТерра, «Аэлига-2006», издательство «У-фактория»). В настоящее время работает над несколькими рассказами и романом.

Священник пытался справиться с голосом минуты две, прежде чем смог говорить спокойно, без тени эмоций.

— Ты поступил очень плохо, Эд, — святой отец с трудом подбирает слова. — Ты должен покаяться... и понести наказание. Но сделать это должен добровольно!

— Нет! — воскликнул Эд. — Ни за что! Я не сдамся... Меня никто не видел...

— Так ли это? Разве нет над всеми нами Того, кто видит всё? Разве скроется что-то от Него? Ты заблудился, Эд, в неверии и страхе...

— Отче, мне нужен совет...

— Я уже дал тебе его!

— Отче... Отче... — в голосе Эда явственно слышалось отчаяние.

— Покайся, сын мой...

— Я... каюсь, отче. Истинно говорю... всем сердцем и душой. Я каюсь! — последнее Эд почти прокричал.

— Тогда я отпускаю тебе грехи, сын мой, — священник печально покачал головой. — Помолись за погубленного тобой человека, помолись за свою душу... Всё, что мог, я для тебя уже сделал.

Человек за ширмой часто задышал. Священнику даже послышалось сдавленное рыдание.

— Иди и не грехи больше. Аминь.

Отреагировав на код-фразу, включился механизм ликвидации кратковременной памяти. Щёлк — и святой отец забыл всё, о чём рассказывал сидящий за тонкой деревянной стенкой человек.

— Спасибо, отче, — прошептал Эд и выскочил из кабинки. Дробно простучали каблучки по звонкому мрамору пола, хлопнула дверь...

И в церкви не осталось более ни одной живой души.

За тридцать с лишним лет много людей прошло через исповедальню. Священник многих повидал, но не помнил ничего, что ему рассказывали. Да это и к лучшему, как ему казалось. Так было проще общаться с милыми, добрыми прихожанами, не зная, не помня их прегрешения.

Священник вышел во дворик церкви. Проводил взглядом Эда — хороший человек, добрый. Наверное, пересидел с друзьями в пивной и поругался с женой дома — вот и пришёл исповедаться. Как-то Эд рассказал, что ещё мать его приучила каждую неделю ходить в церковь на исповедь. Много согрешил или мало — неважно. Приди и помолись, очисти душу.

Добрая традиция...

Добрый человек...

Святой отец, прихрамывая, направился в свой любимый садик. Колено барахлило — механические части оказались не так долговечны, как электроника. А для такой старой модели, как он, почти уже не осталось запасных деталей. Шутка ли — тридцать с лишком лет служит он Господу, принимает исповеди, утешает и благословляет людей.

Да и что его страдания, по сравнению с муками Господа нашего Иисуса Христа...

Господь терпел и нам велел...

Но колено порой отзывалось на каждое движение почти что человеческой болью. Неизвестно отчего старые детали начинали барахлить. На погоду, наверное — повысилась влажность или температура резко понизилась. Кто знает?

Склонился к цветам. В садике нашли пристанище и заботу растения со всех уголков человеческого Универсума. Алые теневики с Марса, огнецветки с Капеллы, дикие тюльпаны из Средней Азии, асфодели с Харона...

Священник взрыхлил землю вокруг сирианской мандрагоры чуткими пальцами. За долгие десятилетия он привык к этой земле, чувствовал её. Нет, не обонянием, которого у него не было, не зрением или слухом, которые превосходили человеческие во много раз...

Он понимал эту землю. Он любил её, верил ей.

И земля, и растения отвечали взаимностью.

Тихо прозвенел колокольчик на калитке.

Кто-то пришёл?

Священник тяжело поднялся с ложементы — глухо взвыли сервомоторы. С каждым годом всё труднее и труднее исполнять обязанности. Он не успел полностью восполнить заряд. Но ничего... Потом, потом. Главное — люди. Если кто-то нуждается в утешении, то негоже священнику думать о себе.

Звонко и весело зацокали каблучки по полу — такая знакомая лёгкая походка.

Священник улыбнулся...

Магди.

Непослушное золото волос, огромные зелёные глаза, насмешливые ямочки на щеках. Самая искренняя, самая светлая, самая верная из прихожан. Каждый раз, когда она приходила в гости, священнику казалось, что в полумраке церкви восходит маленькое ласковое солнце. Он никогда не испытывал настоящих человеческих чувств, кроме сострадания, симпатии, негодования и радости — большего не позволял контур. Но священнику казалось, что его отношение к Магди можно обозначить столь сложными понятиями, как дружба и привязанность. И может, ещё применилось чуть-чуть восхищения таким прекрасным творением Господа.

Скрипнула дверь...

— Добрый день, отче.

Священник уловил признаки слёз в её голосе...

— Добрый день, Магди. Что-то случилось?

— Да, отче. Мне нужно исповедаться...

— Конечно, Магди. Проходи.

Лёгкий шелест шёлковых занавесей, тихий, на грани слышимости, гул установки «белого шума».

Привычно скрипнуло дерево сиденья...

— Я слушаю тебя, дочь моя.

— Отче, я согрешила. Я призналась в любви двум мужчинам. У меня связь и с одним, и с другим... Я запуталась, святой отец!

— Почему же ты не сделаешь выбор?

— Не знаю, отче. Мне трудно понять саму себя...

— Просто расскажи мне. А я постараюсь дать нужный совет.

Губы распухли после ночи. Всё тело заполнено сладкой истомой. Нет сил встать... Как хорошо, что сегодня воскресенье — не надо рано просыпаться, идти на работу, пробиваться сквозь толчею метро.

Рядом пошевелился Влад. Соня... А сам говорил, что ему надо встать пораньше.

Его рука гладит спину, пробегает по бёдрам. Чуткие пальцы ласкают, напоминают о безумной ночи.

Улыбка скользит по губам. Люблю ли его? Да, наверное... Он необычный. Такой нежный, такой страстный, такой сильный...

Через полчаса наконец-то выбираемся из постели. Он поддерживает сильной рукой — так хочется прижаться к его плечу. Он такой надёжный...

Чудесная идея — приготовить завтрак вместе. Когда на кухне готовят любовники — это почти что ритуал, продолжение ночной игры. Намёки, касания, слова, взгляды...

Так приятно чувствовать себя желанной. Когда мужчина сходит с ума от каждого твоего движения, двусмысленного взгляда. Так приятно, когда он снимает капельку апельсинового сока с твоих губ нежным поцелуем.

Но вот... пора расставаться...

Последний поцелуй...

— До завтра, любимая?

— До завтра, любимый!

А через два часа должен приехать Диего. Он, наверное, останется на ночь. Да и как я смогу ему отказать? Он такой настойчивый, такой уверенный, такой сильный...

Люблю ли его? Да, наверное...

Влад, Диего... Кого же из вас я люблю сильнее? Кого же я люблю?

Совсем запуталась!!!

Но тело ждёт ночи, губы предвкушают поцелуй... Нежные Влада, настойчивые Диего...

Так трудно выбрать.

И надо ли выбирать?

Магди заплакала:

— Святой отец, я не знаю, что мне делать. Я не хочу их обманывать! Я люблю обоих. Но понимаю, что так не может долго продолжаться...

— Как выбрать? — задумчиво повторил священник. — Магди, просто скажи каждому, что у тебя очень серьёзная проблема, что тебе нужна помощь — придумай что-нибудь. И тот, кто не испугается сложностей и защитит тебя, тот и достоин твоей любви.

— Но это же обман!

— Да, это грех. Но большой грех — дарить любовь двоим мужчинам. Не бойся, Магди!

— Я не боюсь, отче. Спасибо! — в голосе девушки проснулись ещё робкие, но уже заметные нотки спокойствия и уверенности.

— Помолись... И Господь не оставит тебя.

— Конечно, отче. Я так и сделаю, как вы посоветовали... И помолюсь тоже. Спасибо.

— Иди и не греши больше. Аминь.

Электрический разряд пробежал по ячейкам памяти — и священник забыл всё, что Магди рассказала на исповеди. В голове на миг поселилась пронзительная пустота — так всегда бывало после удаления кратковременной памяти. Священник подождал несколько секунд, и неприятное ощущение пропало.

На скамейках уже сидели Петер, Якоб и Марк, ждали, когда он освободится. Видимо, сегодня многим пришла в голову мысль облегчить душу. Добрая традиция, добрые люди...

— Иди, Магди, — священник ласково улыбнулся, — я уверен, что всё у тебя будет хорошо.

— До свидания, святой отец, — Магди коснулась его ладони и смущённо улыбнулась.

Священник погладил её по голове, задержал ладонь на шелковистой прядке. Добрая, красивая девушка... Она часто заходила в гости, беседовала с ним, скрашивала одинокое ожидание.

Чудесная девушка...

Честная, искренняя...

Священник легко повернулся — даже колено перестало беспокоить.

— Петер, ты на исповедь?

— Да, падре.

— Ты не заходил уже две недели. Что-то случилось?

Утро ворвалось в узорчатые окна церквушки птичьим гомоном, вихрем из белых лепестков вишни.

В этом году весна чудо как хороша...

Священник вышел в садик и протянул ладонь с хлебными крошками — сразу же к нему на руку присели две синицы. Тин и Тан... Так священник их называл. Старые знакомцы — вот уже третью весну прилетают они к старой церкви, ждут, когда выйдет священник и накормит их с руки вкусными сдобными крошками.

Другие птицы стайкой летали вокруг, завистливо поглядывая на угощение. Святой отец знал — как только Тин и Тан улетят, остальные тут же набросятся на угощение, убедившись, что с товарищами ничего не случилось. Вроде бы и не боятся, и привыкли к нему, но всё равно каждый раз проверяют. Как люди...

Да, как люди...

Что ни говори, Святой Престол поступила мудро, издав буллу «Об исповедниках и современной исповеди» от двенадцатого марта три тысячи первого года. Заменяя людей-исповедников роботами со стираемой кратковременной памятью, церковь сразу же привлекла новых прихожан новизной и необычностью. Одно дело рассказывать человеку о своих довольно-таки неприглядных поступках, и совсем другое — роботу, который после фразы «Иди и не греши больше. Аминь» забудёт всё... даже эмоции, которые он испытал, слушая исповедь.

Ничего не слышу, ничего не знаю, ничего никому не скажу...

Это тоже извечный страх людей — а вдруг священник расскажет о преступлениях, изменах, обманах. Вдруг? Он же человек, всего лишь человек. Его можно заставить... Болью, шантажом. Священник может сам осудить преступника и поступить по закону совести, не по закону

церкви. И сколько веков священники ни убеждали, что тайна исповеди нерушима, всё равно люди боялись...

После буллы исповедь даже стала модной. Молодёжь так вообще забегала по несколько раз на неделе. Знаменитости, политики, звёзды кино и музыки демонстративно посещали церкви, афишируя чистоту помыслов, незапятнанную совесть и веру в Бога. Мода... Что уж тут поделаешь?

Конечно, со временем страсти поутихли. Но постоянный контингент посещающих церкви сохранился. Многие люди привыкли и находили в исповеди успокоение. Иногда человеку надо всего лишь выговориться, выплеснуть боль, обиду, сомнение, неуверенность, чтобы всё вернулось на круги своя и мир заиграл яркими радостными красками.

С-контур... Великое изобретение. Превременинное, необычное... Оно позволило человеку на мгновение встать вровень с Творцом, дало роботам жизнь и мечты, наполнило бездушное железо человеческими эмоциями. На треть технология, на треть принцип, на треть слово. И ещё на четверть волшебство...

С-контур позволял сострадать, жалеть, верить, прощать, негодовать. Но основные человеческие эмоции: ненависть, страх, гнев, любовь — блокировались раз и навсегда. Так же как и способность помнить то, что рассказал человек на исповеди.

Может, и к лучшему?

Чья-то ладошка робко коснулась плеча священника. Он так задумался, что просто не заметил посетителя.

— Добрый день, святой отец.

— Добрый день, Магди, — улыбнулся священник. — Как у тебя дела?

— Хорошо... Теперь хорошо... Святой отец, спасибо вам за совет. Ваши слова мне очень помогли. Я выбрала Влада...

— Я рад, что ты счастлива. Но ты же знаешь, Магди, я совсем ничего не помню.

Девушка жалостливо вздохнула:

— Наверное, трудно, когда ничего не знаешь о том, что произошло?

— Наоборот. Во многих мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь, — усмехнулся священник.

Магди застенчиво посмотрела на него:

— Святой отец... Я бы хотела пригласить вас на свой день рождения. Сегодня в семь часов у меня дома. Вы придёте?

— Конечно же, дочь моя, — светло улыбнулся священник. — Я не покидаю своих прихожан в беде. Так как же я могу оставить в праздник?

Святой отец пришёл первым. В руке сбрасывали оземь маленькие фиолетовые искорки цветы — сегодня в саду зацвели асфодели, как будто специально на день рождения Магди.

Дверной звонок отыграл популярную мелодию, и дверь открыл высокий темноволосый мужчина.

— Добрый день, — вежливо кивнул священник. — Вы Влад?

— Да... Как вы догадались? Прошу вас, святой отец, проходите...

— Магди много рассказывала о вас.

— На исповеди? — удивился мужчина. — Но вы же не помните...

— Нет, не на исповеди. Просто в разговоре.

Из комнаты выбежала Магди. Счастливая, влюблённая, сияющая внутренним радостным светом...

— Святой отец, здравствуйте! Я так рада вас видеть. Вы уже познакомились с Владом? Правда, он чудо?

— Конечно, — ответил сразу на все вопросы священник.

— Ой! Какие цветы! — восхищенно воскликнула Магди. — Это... Это...

— Асфодели, — улыбнулся священник.

— Но они же ужас какие дорогие. А правда, что они целый год могу простоять и не завянуть?

— Правда. А ещё говорят, что они не подвластны времени. Говорят, что они зацветают только в день рождения человека, который умеет по-настоящему любить... Говорят, что рядом с ними забывается всё плохое... да много что про них говорят, — усмехнулся священник.

Магди прижалась к плечу Влада и счастливо засмеялась.

— Чудесный подарок, — согласился Влад. — Где вы их купили, святой отец?

— Вырастил в своём саду, — гордо ответил священник. Пусть гордыня — грех, но если что-то хорошо получилось, почему бы не испытать заслуженное чувство.

Проиграл мелодию звонок — гости начали подходить.

Через полчаса, когда все расселись за столом, когда были произнесены первые тосты, священник вдруг ощутил странное тепло и светлую радость. Он понял, что сделал давно ожидаемый шаг, встретил тех, кто для него, как семья.

За столом собрались двенадцать человек — его самые преданные прихожане, самые близкие друзья Магди. И он.

Но считать ли себя человеком?

— Я мыслю, следовательно, существую. Я верую, значит, живу... — прошептал священник, и на него снизошёл покой. Когда окружают друзья, в мыслях нет места сомнениям и горечи.

С другого конца стола донёлся голос Петера:

— В соседнем районе нашли тело шестнадцатилетней девушки... Какая-то сволочь убила её, ещё и одежду порвала. Встретить бы этого гада...

Застарелый шрам от ожога вспыхнул на щеке Петера. В пронзительно синих глазах искрилась ярость.

— Петер, — промолвил священник, — не суди. Для этого есть земной суд и есть Господь.

— А если его не найдут? — зло ответил Петер. — Такое встречается сплошь и рядом. И уповать на небесный суд, по меньшей мере, наивно.

— Петер, ты не прав. Кара всё равно постигнет убийцу, — твёрдо заявил священник. — Это неотвратимо!

Эд дёрнулся, как ужаленный.

— Что с тобой, Эд, — поинтересовался священник. — Всё ли в порядке?

— Да, отче, — пробормотал Эд. Щёки его запыхали лихорадочным румянцем, липкая полоска протянулась от виска по щеке.

— Так успокойся и наслаждайся яствами и беседой. Здесь собрались друзья, и негоже думать о чём-то постороннем в праздничный час.

— Конечно, отче, — вымученно улыбнулся Эд.

Марк заметил:

— Может, не будем за праздничным столом касаться столь печальных тем?

— И правильно. — Матвей налил себе бокал вина, — Я предлагаю тост. Как работник Налогового управления предлагаю выпить, за большие доходы и малые налоги.

— Тьфу на тебя, — проворчал Марк, — всё ты про деньги!

— А куда без них...

— Нет, Матвей, давай лучше святой отец скажет тост. У него это лучше получится...

Все взоры обратились на священника.

Он чуть ли не впервые в жизни смутился:

— Но я никогда...

— Всё в жизни бывает в первый раз, — оборвал Якоб.

— Ну, пожалуйста, святой отец, — попросила Магди.

— Хорошо, — улыбнулся священник. — Однажды душа попросила Господа: «Господь, покажи мою жизнь». И он не отказал ей в этой просьбе: «Смотри. Вот видишь цепочка следов. Это ты. А видишь рядом ещё одна. Это я. Теперь ты знаешь, что я всегда рядом с тобой». Но душа прошла по пути немного дальше и робко спросила: «Господи, но вот здесь только одна цепочка следов. Неужели ты всё же покинул меня?». «Нет, — ответил Господь, — здесь ты устала, и я нёс тебя на руках», — священник немного помолчал и завершил тост, — так давайте поднимем бокалы за

то, чтобы дорогих нам людей Господь всегда нёс на руках.

Все потрясённо замолчали.

Подняли бокалы, звонко коснулись хрусталём и выпили до дна...

Вскоре гости разбились на группки по интересам. Священник разговорился с Магди и Петером — их заинтересовало мнение святого отца о новом сериале, в котором показывался путь Иисуса Христа. Церковь заняла по отношению к сериалу выжидательную позицию — Ватикан ждал, как отреагирует социум, и не хотел получить очередные обвинения в ханжестве и нетерпимости.

— Всё отображено верно, насколько это возможно для телевидения. Конечно же, некоторые нюансы трудно показать на экране — в таких случаях лучше читать первоисточник. Но в целом я воспринял нормально. И мои коллеги тоже не видят ничего апокрифичного в сериале. Единственно, что мне не понравилось, — заметил священник, — это небольшое искажение, когда показывали Тайную Вечерю... Не знаю, случайно или намеренно исказили слова Иисуса...

— Но думаю, — заметил Петер, — зрители заметят ошибку.

— Надеюсь, что да. Скорее, даже уверен. Тайное рано или поздно становится явным. Всегда.

Эд, прислушивавшийся к их разговору, побледнел и встал из за стола:

— Прошу прощения у всех, но мне надо вернуться домой. Очень бы хотелось остаться, но я должен...

— Конечно, Эд, — кивнул священник, — делай, что должен.

Рука на миг задержалась над цифровой панелью таксофона. Пальцы неуверенно коснулись клавиш, набрали короткий трёхзначный номер...

— Алло. Служба ликвидации роботов?

— Да. Ваше имя?

— Эдвард Трэйтор. Я хочу сообщить о неисправности робота-исповедника и нарушении тайны исповеди.

— Ну да, конечно, — лениво ответили, на заднем фоне слышался чей-то смех и весёлые голоса. — Диктуйте адрес церкви...

Когда следующим утром оранжево-чёрный фургон ликвидаторов подъехал к церкви, священник стоял посреди своего маленького садика.

На миг потемнело в глазах. Священник провёл рукой по лицу... Неужели испугался? Да быть не может. Он просто не способен испытывать страх — с-контур этого не позволит.

Из машины выбрались трое ликвидаторов. Главный шёл впереди, легко помахивая чёрной папкой. Уверенный, высокий мужчина, короткие тёмные волосы, пронзительный холодный взгляд. Его нельзя было назвать красивым — больше подошло бы слово харизматичный. Следом за ним шёл приземистый человек с неправильными чертами лица — слишком узким подбородком, широкой переносицей, маленькими глазами. И самый молодой из ликвидаторов, почти мальчишка, светло-

волосый, неуверенный в движениях, отставал шагов на пять.

— А ну стоять! — раздался резкий голос. Из-за спины священника вышел Петер — видимо, прошёл через калитку за церковью. В руке его угрожающе темнел пистолет. — Простите, отче, я еле успел. Я только что узнал — скоро будут остальные...

Двое ликвидаторов попятились. Только главный остался на месте, невозмутимо спросил:

— У вас есть разрешение на ношение личного оружия? А то, может, нам ещё и полицию вызвать?

— Я полковник Внешней Разведки в отставке! И у меня есть разрешение не только на ношение личного оружия, но и на его применение... против таких ублюдков, как ты. — И громко рявкнул: — А ну руки прочь от святого отца!!!

— Это только наша работа... — заикнулся самый молодой из ликвидаторов.

— Вот и делайте её в другом месте, мусорщики.

Вдруг во дворик церкви забежало много людей. Священник с удивлением узнал всех тех, кто вчера был с ним на дне рождения Магди. Да и она сама стояла в первом ряду, сжимая руку Влада. Не было только Эда.

Ликвидатор с узким подбородком испуганно прошептал:

— Совсем тут с ума посходили! За железяку биться... Вам всем надо к психиатру!

Марк сделал шаг к нему и процедил сквозь зубы:

— Это наш священник. Он часть нашей жизни, он часть нашей семьи... Пошли вон!

Главный ликвидатор холодно заявил:

— Советую вам вернуться домой! Этот робот уже отработал своё. И так пора было его утилизировать — их срок эксплуатации не должен превышать тридцать лет. Так ещё и поступила жалоба!

Петер прицелился ему в голову:

— Если ты не уберёшься, мусорщик, утилизировать будут тебя!

— Тогда я вынужден вызвать полицию!

Святой отец вышел вперёд и встал перед Петером:

— Петер, вспомни, что говорится в Евангелии... «Возврати свой меч на место, ибо все те, кто возьмёт меч, от меча погибнут». Прошу тебя, убери оружие!

— Да, падре, — склонил голову Петер, пряча пистолет. — Но они же хотят вас убить!

— Значит, пришло моё время. Всё в руках Господа нашего... Разве не так я вас учил?

— Вы правы, падре. Простите меня...

— То, что сделано из любви, не требует прощения, — печально улыбнулся священник.

И смело подошёл к ликвидаторам:

— Вы за мной? Тогда вот он я!

Магди подбежала к нему и поцеловала руку.

— Отче, как же так... — она заплакала.

Когда священник садился в кузов фургона, молодой ликвидатор робко подал ему руку.

Бесконечная лента конвейера скользила по огромному цеху. Священнику очень хотелось увидеть небо. В последний раз... Но сталь и бетон надёжно оградили святого отца от облаков и пронзительной весенней синевы.

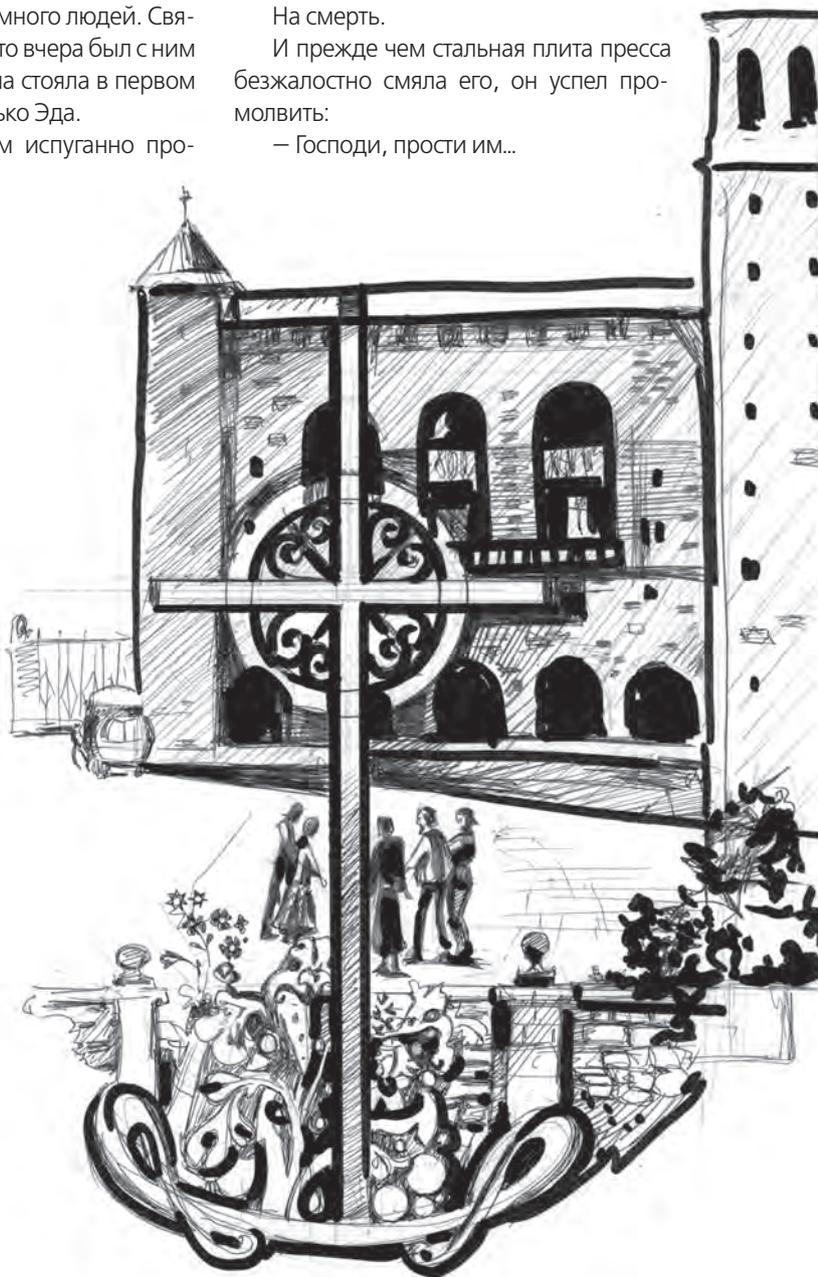
Он никого не винил. Он знал, что рано или поздно так и будет. Но как же трудно, оказывается, смиренно идти на смерть...

Нет, не на утилизацию. С-контур сделал его слишком человечным...

На смерть.

И прежде чем стальная плита пресса безжалостно смяла его, он успел промолвить:

— Господи, прости им...

Ольга ОЖГИБЕСОВА

Оглянись, Берёзово...

Под сенью кедров

Березовские жители избалованы журналистами всех мастей, как бедуины в пустыне Сахара — туристами. Сравнение грубое, но верное. И к тем, и к другим ездят за экзотикой. И те, и другие стремятся на этом заработать. Только если бедуины зарабатывают деньги, то березовчане стремятся извлекать другие дивиденды — социальные и политические. Бедуины ворочают носы от бумажек ценностью в один фунт, а сибиряки придирчиво выбирают, кто для них предпочтительнее — телекомпания из Москвы или газетчики из Тюмени. Первых селят в гостиницу, где есть горячая вода, и предоставляют им вертолет, вторые дышат пылью, на своих двоих пересекая поселок из конца в конец по нескольку раз на дню в поисках сюжетов.

Отправных точек в Берёзове две — городская администрация и краеведческий музей. И там, и там, как правило, называют одних и тех же героев. А дальше... дальше — дело самого журналиста, куда его заведет «пыльный посох странника».

А добраться сюда, как и четверть века назад, можно только по воде. Нет, конечно, есть и самолет, но что можно увидеть сверху, кроме голубых полос рек, небрежно, безо всякого плана исчертивших зеле-

ные квадраты лесов. Нет, в Берёзово нужно добираться по воде — сначала по Иртышу до Ханты-Мансийска, потом по Оби. Согласна, долго, зато впечатлени-ий...

Пейзаж на первый взгляд однообразен: Иртыш с завидным упорством вгрызается в кручи, год за годом отщипывает кусок за куском слоеный, словно торт, берег, и человек ничего не может поделаться с необузданным его нравом. И природа все та же — дикая, первозданная. Над желтой водой возвышаются яры, поросшие лесом. Там, где много лет назад берег осыпался, образовались своеобразные ступени, на которых уже выросли новые дере-

вья: нижний ярус приблизил лес к воде. Сосны и березы стоят на краю, словно солдаты перед атакой: так и умирают, стоя. Лето было слишком жарким: Обь обмелела, обнажив черные террасы на речных откосах, уступив место белым плёсам, на которых гнездятся речные чайки — халеи. Поселки, мимо которых проходит наш «Метеор» (одну из пристаней пришлось пропустить — чуть было не сели на мель), с воды все похожи один на другой.

С горы спускаются деревянные лестницы: чем круче берег, тем больше ступеней. Вместо речного вокзала — ржавый дебаркадер. «Метеор» ловко подваливает к нему, нежно

прижимается железным боком, очередной пассажир пробегает по деревянным сходням на борт, и катер пятится назад. Разворачивается и убегает, оставляя позади унылые серые домики, груды металлолома на берегу, рыбацьи лодки, похожие на спящих тюленей.

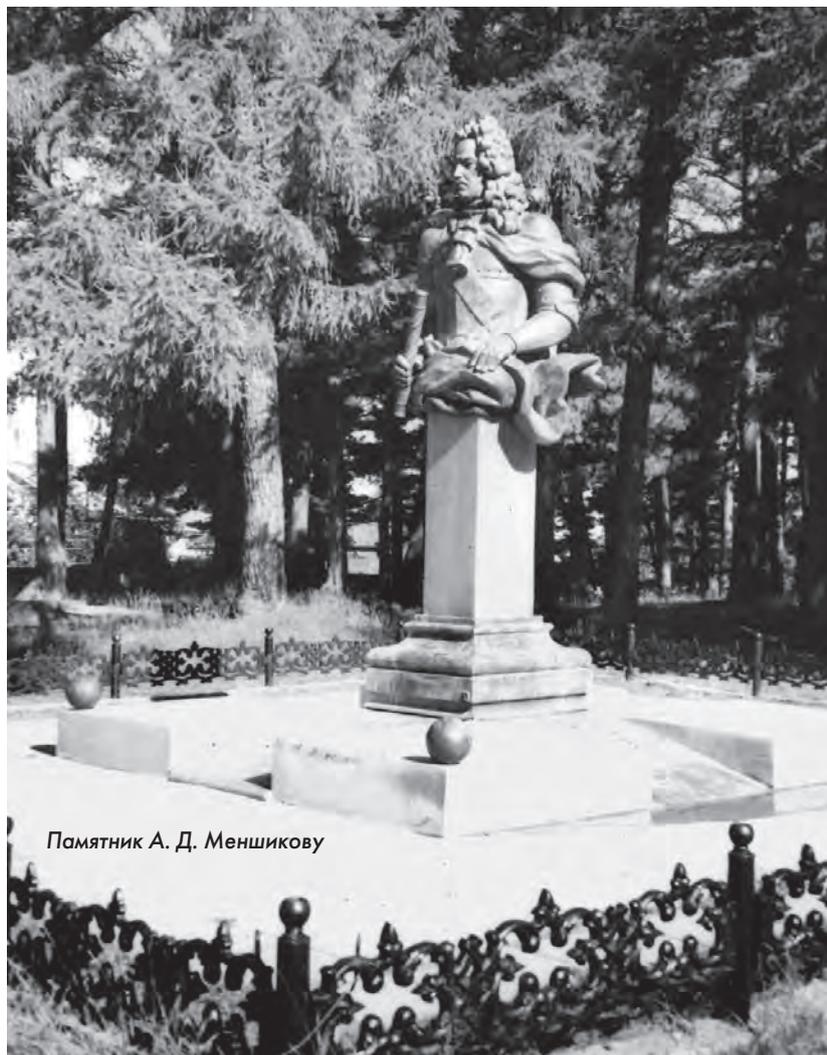
Берёзово стоит на реке Северной Сосьве. С Обью она соединяется широкой протокой. Поселок виден издали, и пассажиры высыпают на палубу, словно после долгого плавания, радуясь тому, что наконец-то добрались до родного поселка.

Он расположился на трех холмах, разделенных логами: через них протянулись деревянные мостики, придавая улицам сходство с корабельной палубой. На склонах холмов вытянулись, как мачты, высоченные кедры.

Приметы старины в Берёзове повсюду: старая водоканалка, похоже, еще действующая — на выцветшей фанерной табличке время подачи воды, а под обрубком резинового шланга — не просыхающая даже в жару лужица; покосившиеся от старости, почерневшие домики — их немного, и они далеко от центра, если что-то может быть далеко в поселке, где из конца в конец — 15 минут ходьбы; они прячутся за березами и рябинами на задах новых добротных домов и под сенью кедров, но именно в них прелесть этого поселка, в них — его прошлое, его богатая событиями история.

Могила генералиссимуса

Маленькому северному поселку с лесным названием Берёзово навсегда суждено быть связанным с именем одной из самых известных и противоречивых фигур в истории России — с князем Александром Даниловичем Меншиковым. И в этом смысле Берёзово — символ того, как высоко может взлететь человек, и как низко он может упасть. Ближайший сподвижник великого Петра, без пяти минут тесть императора Петра II — и ссыльный, бесправный, всеми забытый старик, умирающий в глухом медвежьем углу. Вот уж воистину — от сумы да от тюрьмы...

Памятник А. Д. Меншикову

От князя Меншикова остались легенды, исторический сквер на высоком берегу Сев. Сосьвы, где, по преданию, и похоронен великий царедворец, а еще — церковь во имя Рождества Богородицы.

Когда-то церквушка была деревянной. Сам Александр Данилович участвовал в ее строительстве — тесал и рубил бревна, настилал полы, занимался отделкой. И средства в нее вложил немалые: пожертвовал дорогие иконы, украшенные жемчугом, священническую одежду и много всякой утвари. А после освящения церкви Меншикова выбрали церковным старостой. В этом храме он был и звонарем, и певчим.

Кстати, знаменитая картина В. Сурикова «Меншиков в Берёзове» хотя и будит в душе жалость к опальному генералиссимусу, но исторически недостоверна: уж если нашлись деньги на строительство храма, то и дом у семьи был приличествующий

ее положению, а никак не избушка с подслеповатыми окнами.

Так вот, деревянная церковь, построенная Меншиковым, в 1778 году сгорела. И на ее месте в конце того же XVIII века выстроили каменную. Имя дали ей прежнее — Рождества Богородицы, а в народе церковь до сих пор называют меншиковской.

В тридцатые годы, как водится, храм разорили, снесли купола и колокольню. Сначала она пустовала. Потом в ней селили ссыльных, в большом количестве прибывавших в Берёзово. По свидетельствам очевидцев, на полу храма валялось множество архивных рукописей, которые ссыльные и использовали для различных своих нужд, не имея другой бумаги. Часть церковной утвари увезли в Тобольск и Омск. Часть безвозвратно утрачена. В последние годы в здании церкви располагалась АТС. И вот теперь храм, наконец, решили восстановить.

Но вернемся к Александру Меншикову, точнее, к легендам о нем. Наиболее известная и тем не менее по-прежнему противоречивая — легенда о могиле генералиссимуса.

По преданию, умерший через год после поселения в Берёзово Меншиков был похоронен на яру недалеко от своей церкви под сенью лиственниц, среди которых он любил гулять. Могилу его пытались найти неоднократно, но поиски успехом не увенчались. Говорят, что обвалившийся берег навсегда похоронил всемогущего сподвижника Петра, а быть может, прах его унесла разлившаяся река.

Еще говорят, что из обрывистого берега долгое время торчала плита с именем князя, но потом и она исчезла. Может, упала в реку, а может, кто-то из местных жителей унес ее к себе во двор, вымостив дорожку у ворот. И попирает ногами имя, овеянное славой...

От лиственничной рощи тоже мало что осталось: берег осыпается, и деревья по весне падают в воды буйствующей Сосьвы, подтачивающие мыс Любви, — так называют в народе это место. А памятник Меншикову здесь стоит. Единственный памятник в России.

Позади бронзового бюста в тенистом уголке сада не сразу видна ажурная решетка, ограждающая скромную серую могильную плиту. На ней надпись: «Мария Александровна Меншикова». Это символ еще одной красивой легенды, которая до сих пор живет в Берёзово, — легенды о тайной любви старшей дочери Меншикова и некоего князя Федора Долгорукого. Вопреки воле семьи (а именно благодаря Долгоруким Меншиковы оказались в ссылке), молодой князь, влюбленный в Марию, последовал за ней, намереваясь спасти и возлюбленную, и ее родных. По преданию, Мария и Федор встречались в беседке на мысу, недалеко от церкви, отсюда и пошло название — мыс Любви, и даже тайно обвенчались. Однако увезти Марию не удалось. И вот тут возникает вполне закономерный вопрос: почему? Судя по всему, князь Долгорукий провел в Берёзове немало времени, если Мария (опять же по преданию)

успела разродиться двойней и умереть. Но и после ее смерти Федор Долгорукий не возвращается в Петербург. Он остается, чтобы умереть и быть похороненным рядом с любимой.

Красивая история, не правда ли? Куда до нее «Ромео и Джульетте»! Но вот что интересно: ряд князей Долгоруких, живших в то время, изучен до последнего человека. Федора Долгорукого среди законных и незаконных его представителей этого периода времени нет! Не находит своего подтверждения и история о рождении Марией двойни. В 1825 году во время поисков могилы Меншикова случайно наткнулись на захоронение, где на большой гроб были поставлены два маленьких гробика. Так и родилась легенда о несчастной любви, об умершей в родах Марии и ее детях-двойняшках. Что было и как было, мы, наверное, никогда не узнаем. Могила Марии утрачена, и серое надгробье — лишь последний поклон дочери, невинно разделившей участь отца.

Но какие все-таки сюжеты иногда подкидывает история — самый изощренный фантаст не додумается! Спустя всего год после смерти Александра Меншикова императри-

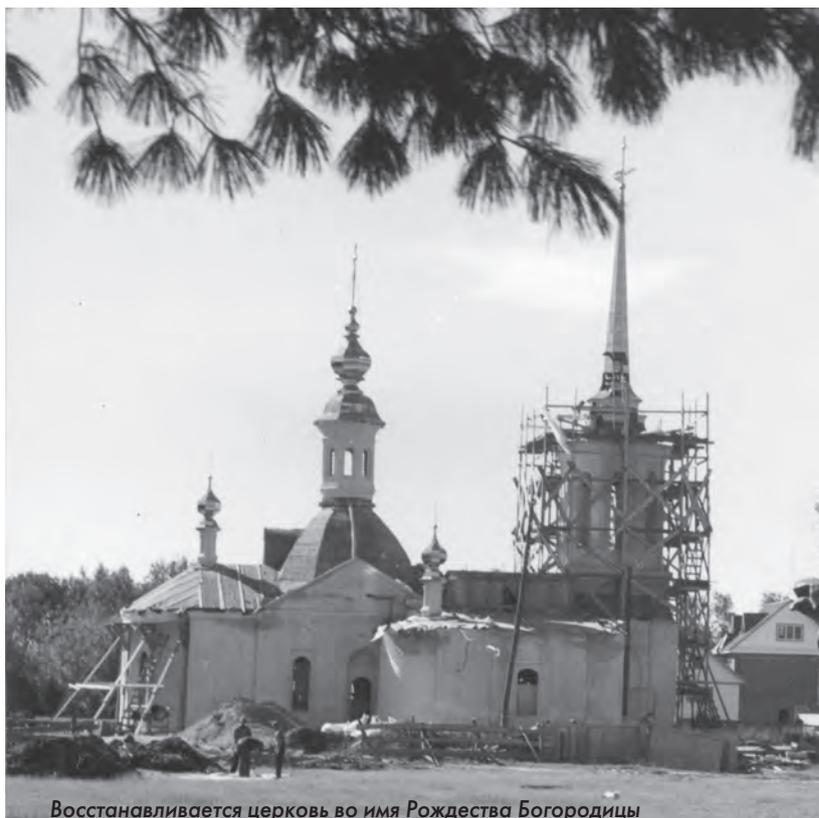
ца Анна Иоанновна ссылает в Берёзово семью Долгоруких. Могила князя В.Л. Долгорукого где-то рядом с меншиковской церковью (кстати, не отсюда ли пошла легенда, что Федор Долгорукий похоронен рядом с Марией?).

Березовчане сочли крах семьи Долгоруких карой Господней за ссылку и смерть Меншикова.

Вообще-то поселку везло на великих мира сего. В 1741 году сюда был сослан прежде всемогущий граф А.И. Остерман. Последний за 10 лет пребывания у власти пережил пять правителей! А умер в одиночестве и похоронен меж двух сосен в ста метрах от меншиковской церкви.

Кстати, графу Остерману «повезло» больше остальных: во-первых, точно известно место его захоронения (однажды — в 1848 году — его могилу случайно находили и восстанавливали), а во-вторых, в Германии живет один из его потомков, готовый спонсировать поиск могилы и установление памятника великому предку.

Улицы Берёзово дышат историей. Затаскано, но верно. Но есть история пышная, помпезная, как в Москве, а есть — бытовая, житейская, как на узких улочках Питера, среди доход-

Восстанавливается церковь во имя Рождества Богородицы

ных домов. История маленького человека. Так и в Берёзово.

История Берёзова — история «ссылной России»; поселок делит с Тобольском и Ялуторовском славу пребывания на сибирской земле декабристов. Потом — революционеров, потом — контрреволюционеров всех мастей. Трагедий этот край видел немало. Историкам еще суждено делать свои открытия на этой земле.

Кольчуга для губернатора

Встреча с героем этого сюжета, наверное, была самой комичной в березовской эпопее. Вполне возможно, что закончилась бы она весьма печально, если бы не наша предусмотрительность и осторожность.

Леонид Рязанцев — местный умелец. Под словом «местный» отнюдь не подразумевается, что живет он в Берёзове. Просто здесь такие мерки и такие масштабы — даже если ты живешь в маленьком поселке в ста километрах от райцентра, то все равно — местный.

От Берёзова до маленького поселка Теги, зацепившегося за берег Малой Оби, на моторной лодке —

час ходу. В Берёзове, надо сказать, нет общественного транспорта. Очень мало машин — удивительно, как они вообще попали в этот край, окруженный лесами, реками и болотами. Главное средство передвижения — моторные лодки. Если выйти на пристань, то можно увидеть, без преувеличения, сотни лодок, прикованных к мосткам. Каждая на своем месте, под определенным номером — совсем как машины на городской автостоянке.

Гордость местных рыбаков, а в Берёзове сто процентов мужчин — рыбаки и, соответственно, владельцы моторок, так вот, их гордость — импортные моторы, которые здесь называют «буржуями». Чтобы избавиться от «Черномырдина» — так на местном жаргоне называют российские моторы, от которых руки по локоть в мазуте, рыбаки отказываются от таких земных радостей, как отпуск «на южном побережье Сосьвы или Вогулки». За «буржуя» ничего не жаль: лодка — это жизнь.

Но вернемся к умельцу Рязанцеву. Он появился в гостинице на третий день нашего пребывания в Берёзове. Я бы на его месте не слишком рвалась к общению с заезжими журналистами. Судя по рассказам,

причины, приведшие его в эти Богом забытые края, имеют явно криминальный характер. Дело в том, что в Сибирь Леонид Сереевич приехал из Бурятии, из пос. Селенгинска, где работал ювелиром. О том, что произошло, говорил намеками, но дело имел с золотом и драгоценными камнями. А в один прекрасный день все бросил, купил билет на самолет и прилетел в поселок Теги.

Люди здесь живут простой жизнью: ловят рыбу, сами пекут хлеб, в магазин ходят лишь за колбаской — говорят, она иногда появляется на прилавке. и за водкой — это товар постоянный. В Тегах всего-то сорок дворов. Радио здесь нет, телевизор «берет» лишь два канала — первый и «Россию». Все остальное время, свободное от просмотра телепрограмм, остается любоваться природой.

Поселок лежит на яру, кругом лес, кедрач — красота неописуемая! Весной здесь бывают миражи, и тогда далекие Уральские горы, скрытые за бескрайним зеленым морем, поднимаются над лесом и парят в небе. А осенью, едва ударит первый морозец, деревья, словно по команде, взрываются фейерверком разноцветных красок.

Уголок Березова

В таком краю должны жить художники и поэты. Здесь их мир. Оттого, наверное, 18 лет назад, сойдя с трапа самолета и ступив на эту древнюю землю, художник в душе Леонид Рязанцев решил для себя: «Отсюда я никуда не уеду!»

В Тегах первый год Леонид Сергеевич работал рыбаком. Потом токарем. Потом при школе-интернате открыл мастерскую, стал обучать мальчишек «железному ремеслу». Рисовать, впрочем, не бросил. Первые рисунки, выполненные карандашом — откуда в маленьком поселке краски? — не сохранились: брат забирал, дарил друзьям и знакомым.

А потом... потом школьная мастерская под руководством Леонида Рязанцева занималась изготовлением хантыйских национальных изделий: оберегов, металлических украшений, пуговиц, женских подвесок, украшений для охотничьих поясов и оленьей упряжи.

— Национальные изделия, — рассказывает Леонид Сергеевич, — традиционно изготавливают из бронзы и олова. Мы пошли по такому пути: берешь старинное украшение, делаешь абрис на графите, вырезаешь, заливаешь оловом и смотришь, что получилось. Потом начинаешь форму доводить: подрезать, шлифовать. Наконец, «доведенную до отчаянья» форму заливаешь бронзой: я плавлю ее в миниатюрной печке при температуре 650–800 градусов. Ну и получаешь новенькое украшение.

Кстати, в древности олово, необходимое для украшений, привозили с юга (нынешний Казахстан), а медь — с Урала. Олово и медь сплавляли и получали бронзу, только была она легкоплавкая по сравнению с нынешней. А технология была примерно такой же, какую использует в своей работе Леонид Рязанцев.

Печку он сделал сам. А бронзы в избытке осталось после того, как расформировали стоявшую неподалеку воинскую часть.

Изделия, изготовленные в маленькой школьной мастерской далекого северного поселка Теги, разошлись по всему свету: иностранные делегации увозили их в Америку, в Канаду, в Финляндию. Признали и местные знатоки национально ко-

лорита: большую партию купили жители поселка Саранпауль. Часть оставили на память сами мастера. И хорошо, что так, потому что вскоре, как это часто бывает, мастерскую закрыли...

Три года назад губернатор округа предложил Рязанцеву переехать работать в Ханты-Мансийск. Но березовские поклонники мастера не пустили. Александр Иванович Пермяков, бывший глава Березовского района, дал ему квартиру и предложил место заведующего мастерской национальных ремесел в районном отделе культуры.

Как-то в руки Рязанцева попала книга «Угорское наследие», а в ней — графическое изображение югорского воина в кольчуге. Так родилась идея воссоздать древние боевые доспехи. Совместно с Березовским краеведческим музеем был разработан проект «Богатыри земли Югорской», получившей грант губернатора Ханты-Мансийского автономного округа.

Броня кольчатая, или кольчуга, известна с далекой древности. Первоначально появившись в Ассирии или Иране, она была известна уже римлянам. В Европе приобрела популярность во времена крестовых походов. Попала кольчуга и в Западную Сибирь. По данным археологических исследований, кольчатая броня появилась в Сибири не позднее середины первого тысячелетия. Стоила больших денег, так что позволить себе кольчугу могли только владетельные князьки и воеводы.

На изготовление костюма ушел год и два месяца. Сначала Рязанцев клепал колечки: их в кольчуге 26,5 тысячи от 6 до 13 мм в поперечнике. Затем из колечек собирал цепочки, из цепочек — полотно, из полотна — кольчугу. Ушло на нее 700 метров проволоки, и весит она 16,5 кг! Так что не только деньги нужны были владельцу этой амуниции, но еще и сила немаленькая, чтобы таскать на себе такую ношу.

В дополнение к кольчуге Леонид Сергеевич изготовил железный шлем с медными клепками, лук, копье, палаш (тяжелая сабля), кинжал и кожаный пояс с бронзовыми

украшениями. В общем, полный боекомплект.

— У древних воинов, — рассказывает он, — натяжение лука доходило до 160–180 кг. Это было грознейшее оружие. Так что ерунда все, когда в исторических фильмах показывают, как из лука женщины стреляли. Это какую же силушку надо иметь! Тесаная стрела с железным накопником пробивала любую броню. Тетива делалась из жил или сушеной крапивы. А сам лук обязательно был обернут тонкой березовой корой.

Костюм древнего воина теперь хранится в фондах Березовского музея.

А у Рязанцева уже совсем другие планы. Он собирается провести персональную выставку. Зимой же будет заниматься чеканкой и живописью. С мыслью о восстановлении хантыйских национальных ремесел Леонид Сергеевич и распростился с нами.

За двадцать лет Рязанцев стал настоящим сибиряком — радушным и хлебосольным. Ему непременно хотелось пригласить нас в Теги — благо лодка под рукой, то бишь у пристани. И погода стояла — как на заказ: ни дождей, ни тем более заморозков. Честно говоря, побывать в Тегах очень хотелось. И, быть может, поездка и состоялась бы, но...

В пять утра следующего дня Рязанцев вломился в гостиницу с двухлитровой бутылкой пива, а по его внешнему виду было совершенно ясно: наш друг по полной программе использовал свое свободное время. Купаться в водах Малой Оби не входило в мои планы, так что от путешествия пришлось отказаться.

Впрочем, я на Рязанцева не в обиде, поскольку, сам не зная того, он сделал мне подарок — познакомил с Ириной Кучерян. Румынской графиней. Женщиной, о судьбе которой можно писать книги и снимать телесериалы. Как он уговорил ее рассказать нам о своей жизни? Я и сейчас этому удивляюсь. Она не только рассказала — все, без утайки, но и отдала фотографии — то последнее и самое дорогое, что связывало ее с прошлым. Ее история — это даже не рассказ. Это исповедь, слушать которую больно и страшно.

(Окончание следует)

Старая газета

ах, русское поле: пригорки, овраги
и вражеский, злой пулемёт.
по тонкому насту газетной бумаги
иду, пригибаясь, вперёд.

а рядом шагает стрелковая рота –
петитом подобранных строк.
а надо пройти метров двести всего-то:
для роты – такой в поле срок.

шинелки пожженные, рыжие – колом.
малиновые трассера.
колотится сердце синичкой под горлом.
кто – мама! – кричит, кто – ура...

и плачет метель через годы-столетья,
желтеет-ломается лист.
а там всё идут наши мальчики цепью,
как черные буквы вниз.

Juvenalis. Воспоминание о Галиции

Олегу Четенову

июнь ли? май?... погоны золотые.
закройщик-мастер в первый раз на *вы*.
навытяжку стоят *они*, застыли
под сантиметром празднично новы,
под взглядом близоруким нежно рдея,
расправив спину, подобрав живот...
спокойна мудрость старого еврея.
он, мастер, помнит вечность наперед.

он помнит, как начнется и свершится:
пустую гарнизонную тоску,
помещикову дочку пани кхисию,
фронт... может быть - сосновую доску.
девицы и правители ликуют...
вам первую, вторую мировую?
столетнюю? иль – только тридцати?
а сил достанет до конца пройти?

смолист и кисл горячий запах цинка.
зеленовата выбритость щеки.
портняжка должен быть немного циник,
а паны офицэры – дураки...
великолепен китель офицера -
наряд бродяги, хвата, гордеца.
и пенится восторг наивной веры,
не видящей под золотом свинца.

пули – дуры, как синицы.
гонит кровь весёлый страх.
жизнь моя – золотые спицы
в неизвестно чьих руках.

есть минуты вдохновенья –
встать,
бежать,
к земле припасть.
смерть дразнить живым движеньем –
больше, чем азарт и страсть.

нитка тянется за ниткой,
за петлёй идет петля...
ты сегодня неубитый –
стало быть, оставлен для

иного, что важнее,
что ещё не решено.
желтогрудые синицы
крошат камень на пшено.

Вид на Кабул из крепости Бала-Гиссар

прожектор шарит по горам
лучом фасона клёш.
полночный зной. кабул – коран,
ни зги не разберёшь.

хоть снизу вверх, хоть сверху вниз –
горячая тьма.
кабул – температурный лист
арабского письма.

и лишь по редким огонькам,
разбросанным в ночи,
отгадываешь по слогам,
о чем господь молчит.

Вадим Дулепов родился в 1964 году в Свердловской области. Воевал в Афганистане, в качестве военного корреспондента был в январе 1995 года в Чечне. Награжден орденом Красной Звезды. Член Союза писателей России, член Союза журналистов России.

никак не подыскать ответ
на смех ночных огней.
давай гитару, будем петь —
чем тише, тем честней.

про этот тесный, вязкий зной,
что за полночь горчит,
пока полярною звездой
господь во тьме молчит...

Вечерняя песня

ветер тянет задумчиво с гор.
огонёчки в степи там и тут.
эй, солдат, передёрни затвор.
нас на родине девушки ждут.

в мятой фляжке речная вода
оцарапает горло песком.
на войне будет всё как всегда.
а потом будет всё как потом.

а над полночью всадник летит
с острой пикой, солдатский Егор.
эй, служивый, пока не убит,
не ленись, передёрни затвор.

потому что ты нужен живой.
потому что подъём будет крут.
потому что Егорий — святой.
потому что на родине ждут.

Сергей Белогуров

жизнь летит арабом,
забирая вниз.
был бы друг мой рядом,
подсказал бы: чи-из!

вышли бы на глянце
в полный рост и цвет
пара оборванцев
двадцати двух лет -

в тельниках линялых,
в хаки цвета беж
пара генералов
собственных надежд,

пара командиров
собственных судеб —
половину мира
преломив, как хлеб.

...эх, простые души!
знать бы наперёд,
что судьба на мушку
нас сама берёт.

выстрелит — не спросит.
спросит — не простит.
нету друга, просто -
в боснии убит...

пустота полёта.
солнечный парад.
вверх идет пехота.
падает, араб!

11 сентября

Михаилу Евстафьеву

крошкой серого бетона
небоскрёб упал в ладонь,
расстоянья-перегоны
растянулись, как гармонь,

кнопкой лаковой басовой
западает на дизель
самолёт — на нитке слова —
как нательный, лёгкий крест.

алюминиевый крестик,
ты в полёте, ты и прав.
мне ж достался с кровью вместе
буйный, ненасытный драйв —

тайной грамоткой прелестной,
воском, стёкшим по свече —
искушаться интересом:
что там дальше? и зачем?

подпоясаться-собраться,
бросить всё, как есть, подряд —
по привычке азиатской
не иметь и не терять —

и начать судьбу сначала,
может быть, иную жизнь...
крестик мой четырёхпальный,
ты не падай, ты держись!

Январь 1995

листаю канцелярские страницы,
перебираю перечень имён.
здесь писарь, видя повод отличиться,
штабную скорбной музой осенён,

явил полёт казенного старания,
равняя командиров и солдат
не по заслугам прежним и призваньям,
а по ранжиру тайных смертных дат.

погибших список... этого майора
я знал на той, другой войне, где он
молчал всё больше — не до разговоров,
пока война... теперь в броне сожжён.

отлично помню этого старлея.
сухой такой, из мускулов и жил.
он на вокзале ранен и дострелен,
и лишь по фиксе позже узнан был.

подобие семейного альбома...
в нём все – друг с другом запросто, на ты.
в нём для друзей и просто так знакомых
всегда готовы чистые листы.

под сенью звезд иль византийской птицы –
какая разница, где полегла семья!
здесь все – родня мне.
а война все длится.
а дома вырастают сыновья.

День рождения могиканина

крутись, запиленный винил...

перебирая наши даты,
начни отсчет с восьмидесятых.
высоцкий и афганистан,
дырявый флаг олимпиады,
винил-джинса, мечты-бравлады.
и каждый призван, но не зван.

а в девяностых стало просто
для вышедших лицом и ростом.
не бьют – беги, бери, что хошь.
в стране раздетых прокуроров,
собачих свадеб мародеров
царили токарев и нож.

теперь настали нулевые.
башка с мощной пусты навyleт.
сиди, смешной, крути винил –
морской калибр, 12 дюймов...
кто прихлопнут первым? думай!
и ты там был, мед-пиво пил.

.....

ознобной ночью, до рассвета
приедет черная карета.
они войдут без лиц, толпой –
не снимут обувь у порога,
не зачитают некролога
и навсегда возьмут с собой.

Ю. К.

у снега отмолив мелодию окраин,
ты сам себе мотив заказывать хозяин.
звезда и скрип шагов, безветренная полночь,
рифмуя кровь и кров, такой ее запомнишь –
не с прописных, строчных - морозной стороной,
где дым из труб печных стоит с прямой спиной.

Фото И.Г. Клюева

Евгений БУНТОВ

Всё будет нормально

Он рухнул у обочины тротуара, будто угодив ногой в невидимую петлю. Над вечерней улицей, расцвеченной светлыми зонтами прохожих, нелепо всплеснули его длинные руки.

Толпа брезгливо обтекала лежащую долговязую фигуру.

– Вот ведь нажрался! – цедили сквозь зубы одни.
 – Наркоман проклятый! – косились другие.
 – Больной, что ли? – торопясь мимо, робко предполагали третьи.

– Сынок, тебе плохо, да? – мягкий негромкий голос повис над головой, раздвигая тьму. Чьи-то

руки тронули за мокрые плечи, пытаюсь приподнять.

Он открыл глаза, впуская в себя остатки света. Схватившие грудь тиски медленно отпускали. Через силу сел, подставляя лицо под июньскую морось.

– Спаси... спасибо, мать. Уже всё... нормально...

Медленно поднялся, на мгновение выпустив изпод полога ветровки сталистый блик перекрестия ордена «Мужество», закрепленного прямо на кармане клетчатой рубашки. С усилием переставляя ноги, будто перечёркивая стремительный темп улицы, неспешно пошёл дальше.

– Всё будет нормально. Всё будет...

Могильщик Федька

Слегка навалившись сапогом на новенькую штыковую лопату, могильщик Федька отвалил кусок дёрна:

– Э, подвинься!..

Земля вздрогнула и, будто очнувшись от дрёмы, вздохнула, поворачиваясь набок.

– От так! Друго дело...

Фигурку мужика с лопатой было почти не разглядеть среди плотно сбитых оградок и обелисков. Тот неспешно и делово размечал место для новой могилы.

– Понабило, што и клась некуды...

– Опять солдатик, – устало подумала про себя Земля.

– Ага... – словно подслушав её думы, буркнул Федька. И как-то неожиданно мягко добавил: – Война, матушка...

В это время ахнуло где-то в противоположном конце Земли: несколько 120-миллиметровых снарядов

почти одновременно проббили грунт, оставив на поверхности, как татуировку, аккуратный пунктир чёрных воронок. Земля поёжилась.

– Да сколько ж можно? Сколько... – ей вдруг подумалось сорваться с места, полетев, как футбольный мяч – куда-нибудь, только бы прочь отсюда!

Федька, опустившись на корточки, зацепил в пригоршню рассыпчатого глинозёма, поднося к лицу, ароматно потянул носом, заулыбался:

– Ах, ты моя хоруша! Как душиста-то, родимая...

Потом, разогнувшись и думая о чём-то своём, добавил серьёзно:

– Потерпи уж чутка. Простишь ли нас, бестолковых?..

В этот день ничего не случилось. Только сильный дождь прошёл одновременно по всей Земле.

Евгений Владимирович Бунтов родился 14 августа 1966 г. в посёлке Шаля Свердловской области. Детство прошло в г. Первоуральск. С 1977 г. место жительства г. Екатеринбург (Свердловск).

После окончания техникума с 1985 по 1987 г. проходил срочную службу в воздушно-десантных войсках, выполняя интернациональный долг в Республике Афганистан. Гвардии старший сержант запаса, награждён орденами и медалями. Выпускник педагогического университета.

Начинал творчество как поэт-песенник. Был лауреатом Всесоюзного фестиваля военно-патриотической песни (г. Новороссийск), лауреатом международного конкурса армейской песни (г. Москва).

С 1997 г. член Союза писателей России. Автор трёх поэтических книг и двух песенных компакт-дисков. Участник более 100 коллективных поэтических и песенных сборников. Занимается концертной деятельностью как автор и исполнитель, руководит культурным центром «Солдаты России».

Православный. Женат, воспитывает двух сыновей и дочь.

Димкина душа

– Эх... – громыхнув тяжёлыми пластинами, Димка перекинул бронезилет через голову, стянул боковые ремни. Одобрительно хлопнул себя по груди, будто проверяя надёжность защиты.

– А мне? – встрепенулась под тельняшкой Душа.
– Ну а мне-то, Дим!..

От странного свербения в груди Димка повёл плечами, резко и громко выдохнул:

– Эх, жизнь моя – тачанка!..

Сграбастав автомат, выскочил из тени палатки на свет, где, жарясь на солнце, в готовности стояла бронеколонна.

– По машинам! – негромко, но отчётливо раздалось где-то у головного БТСа*.

– Куда их опять понесло?! – не то сетовала, не то спрашивала саму себя Душа.

Уже несколько дней её охватывало неясное волнение, ожидание чего-то неприятного. Но Димка резво справлялся с этим чувством, веселясь и балагуря сверх всякой меры.

Через миг они уже пристроились на броню между другими солдатами, облепившими БТР, как стайка воробьёв. Машина, рыкнув, покатила, выдавливая широким колёсом жирную серую пыль из колеи. В ритме покачивающегося горного пейзажа, Димка накинуд на голову каску, затянул ремешок у кадыка.

– Дим, а мне? – опять подала беззащитный голосок Душа.

Кто-то толкнул сзади в плечо:

– Закуривай, зёма!

Сунули остаток папироски.

– Да ну её, Дим! Не надо бы... – пыталась восставить Душа сквозь рёв двигателей.

Колея была бесконечной, колонна всё глубже втягивалась в узкую горловину ущелья.

Уже битый час Димка, сняв с предохранителя АКС, напряжённо шарил стволом по скальным контурам, цепляясь беспоконным взглядом за каждую тень, за каждый

выступ. Душа в полудрёме припоминала последнее письмо от мамы, которое уже неделю лежало у Димки во внутреннем кармане кителя. Он читал и перечитывал его раз десять, и всякий раз Душа оживлялась, щебеча маленькой незримой пташкой:

– Ещё, Дим, ну, ещё!..

И сладостные бубенцы переполняли всё солдатское существо.

БТР, словно зыбка, продолжал убаюкивать. В Душу накатывали воспоминания, когда минутами недолгого отдыха где-нибудь в тени масксети, под благодарными взглядами своих сослуживцев, Димка, аккуратно положив на колено гитару, со знанием дела брал сначала несколько медленных, но сильных аккордов, а затем задумчиво и проникновенно запевал:

* БТС – боевой танк сапёров.

Рис. Яны Ахметшиной

– Знаешь ли ты, как память в эти часы остра-а-а...

– А-а-а! – подхватывала и тянула за ним счастливая и признательная Душа. – Какой ты у меня, Дим, боец-молодец! Задушевно-то как!!! А-а-а-а...

Что произошло, Душа разобралась не сразу. Страшная сила пихнула БТР в самое днище, и листы брони под Димкой скомкались, как бумага из школьной тетрадки. Тело, как кусок глины, приподняло и швырнуло в сторону от дороги.

Душа почувствовала что-то странное, доселе неведомое ей. Словно выскальзывая из самой себя, она

легко просочилась сквозь строчки того самого письма на Димкиной груди, сквозь пыльную ткань х/б, сквозь измятые пластины бронезилета. Душа впервые увидела Димку со стороны – его красивое лицо и нелепую позу, словно он прямо сейчас лёжа будет играть на гитаре.

– Что, Дим? – вспорхнула над ним Душа. – Что это, Ди-и-и-и...

Над телом, над горящим БТРом, над стреляющими горами. Её поднимало всё выше. И уже не было ни силы, ни желания удерживать себя в прежних пределах.

Неизвестному солдату

Он не вёл счёт времени. Ночь, обступавшая его, казалась вечной. Она была повсюду, всегда. И он не видел, не помнил ничего, кроме этой тесной, влажной, слепой темноты, заставляющей скручиваться тело в плотный, напряжённый кокон.

Он не знал, как бывает по-другому. Не думал об этом. Привык.

Но были звуки. То, что напоминало сначала удалённый невнятный гул. Постепенно становившееся всё ближе, отчётливей. И он до оцепенения, замирая, вслушивался в каждую нотку, в каждый всплеск извне, кожей пытаясь схватить и впитать что-нибудь. Он учился видеть, понимать кожей. Постепенно, медленно. Отвоёвывая у темноты право – жить.

Порой блаженная дрожь охватывала всё тело – кто-то словно поглаживал его затёкшие, почти неподвижные суставы. Тихий, мягкий, певучий голос, не похожий ни на что, самый желанный из всего, что он слышал. Тогда из мрака – на сколько было возможно представить – выступали тонкие бледные очертания. Лицо. Мама...

Когда-то время для него ничего не значило. Но теперь... Её голос слышался всё реже и реже. Он не понимал почему. Прежняя темнота становилась нестерпимой, и тело металось, билось в чёрные, тугие стенки, проваливаясь всё глубже. Теряя от бессилия сознание...

Однажды он пришёл в себя от странного чувства, словно тысячи мельчайших иголок двигались сквозь него. Резкая, пугающая, непонятная речь кружилась со всех сторон, всё ближе и ближе, тревожно обсту-

пая его. И когда он различил в темноте злобные чёрные бородатые лица, догадка резанула сознание: он окружён – это враг!!!

Сердце оглушительным секундомером выщёлкивало мгновения из его жизни. Руки внезапно нащупали гладкую и холодную сталь. Цепляясь указательным пальцем, он повис на спусковом крючке, всем телом ожидая спасительного выстрела. Следующая мысль оглушила его, кинжальным холодом вошла под дых – кончились патроны!..

Чужие голоса сомкнулись жёсткой, глухой петлёй. Граната! – вспомнил он, из последних сил впиваясь в заветное кольцо.

Ярая, невыносимая боль рванула тело во все стороны. И тут же, сплуснув его, повергая в ужас, покатилась стремительной волной куда-то вверх, сжигая остатки маскхалата, срывая вместе с кожей стальную каску с головы.

– Мама-а-а-а! – не узнал он свой истошный выдох.

Горький ком вылетел прочь, освобождая глотку. Вспышка ослепительно-белого хлестнула по глазам, сокрушая, уничтожая мрак. Прохладным розовым светом растекаясь вокруг...

– Ма! Ма! А-а-а...

Чьи-то большие и чуткие ладони подняли крохотное трепещущее тельце над распластанной фигурой молодой женщины. Огромные глаза светились на её бледном уставшем лице.

– Поздравляем, у вас мальчик!..

Спокойный голос медсестры звучал, словно с небес.

Награды Ямало-Ненецкого автономного округа

Продолжаем знакомить читателей «Уральского сле­допыта» с наградами субъектов Российской Федерации, входящих в Уральский федеральный округ. В этом номе­ре публикуется информация о наградах и почетных зва­ниях Ямало-Ненецкого автономного округа.

Систему наград Ямало-Ненецкого автономного окру­га (ЯНАО) образуют:

Почетное звание автономного округа «Почетный гражданин Ямало-Ненецкого автономного округа»;

Почетная грамота Губернатора Ямало-Ненецкого ав­тономного округа;

Благодарность Губернатора Ямало-Ненецкого ав­тономного округа;

Почетная грамота Государственной Думы Ямало-Не­нецкого автономного округа;

Благодарность Государственной Думы Ямало-Ненец­кого автономного округа.

28 мая 1997 года Государственной Думой автоном­ного округа был принят, а 18 июня 1997 года подписан губернатором закон «О почетном звании Ямало-Ненец­кого автономного округа» (N 22). В соответствии со ста­тей 3 закона Государственная Дума автономного округа устанавливает, а присваивает почетное звание автоном­ного округа «Почетный гражданин Ямало-Ненецкого ав­тономного округа» – губернатор ЯНАО.

Звание «Почетный гражданин Ямало-Ненецкого ав­тономного округа» присваивается, как правило, жителям автономного округа за многолетний труд и особо выдаю­щиеся заслуги в государственном строительстве, эконо­мике, культуре, просвещении, науке, охране здоровья, жизни и прав граждан, благотворительной и обществен­ной деятельности и иные заслуги перед автономным округом. Предусмотрена возможность за аналогичные заслуги присваивать это звание и гражданам, проживаю­щим в других субъектах Российской Федерации, а также гражданам иностранных государств.

При губернаторе ЯНАО образована и работает комиссия по наградам автономного округа, на заседаниях которой очень тщательно рассматриваются заслуги кандидатов.

Присвоение почетного звания автономного округа про­изводится ежегодно в канун годовщины образования ЯНАО, а вручение удостоверений и нагрудных знаков к почетному званию автономного округа осуществляется непосредствен­но в день празднования в торжественной обстановке.

Для лиц, удостоенных звания «Почетный гражданин Ямало-Ненецкого автономного округа», установлены

денежные вознаграждения и дополнительные льготы. В частности, предусматривается ежегодная (ко Дню об­разования автономного округа) выплата материального вознаграждения в размере двадцатикратного мини­мального размера оплаты труда, установленного феде­ральным законодательством.

Среди почетных граждан ЯНАО – губернатор авто­номного округа Юрий Неёлов, бывший глава «Газпрома» Рэм Вяхирев, первый вице-президент ассоциации корен­ных малочисленных народов Севера «Ямал -потомкам» Розалия Ильина, главный редактор журнала «Ямальский меридиан» Роман Ругин. Всего же за 2000–2006 годы звания «Почетный гражданин Ямало-Ненецкого ав­тономного округа» удостоены 38 человек, в том числе в 2000 году – 15, в 2001 – 11, в 2002 – 1, в 2003 – 2, в 2004 – 3, в 2005 – 5, в 2006 – 1 человек.

Кроме того, законом Ямало-Ненецкого автономного округа от 13 ноября 1997 года N 45 установлена Премия Ямало-Ненецкого автономного округа.

Премия автономного округа в соответствии с зако­ном присуждается, как правило, жителям автономно­го округа, проработавшим в округе не менее 15 лет, внесшим большой вклад в социально-экономическое развитие автономного округа, за заслуги в сфере об­разования, воспитания, культуры, искусства, здравоох­ранения, социального обеспечения, в осуществлении мер по обеспечению законности и правопорядка, за эффективную работу в органах государственной влас­ти и местного самоуправления и иные заслуги перед автономным округом. Премия автономного округа мож­ет присуждаться гражданам, проживающим в других субъектах Российской Федерации, а также гражданам иностранных государств и лицам без гражданства за заслуги перед автономным округом. При этом лица, которым присуждена Премия автономного округа, не могут быть представлены к повторному присуждению указанной премии.

Лауреатам Премии Ямало-Ненецкого автономного округа также вручаются почетный знак и диплом.

Необходимо отметить, что данное звание со дня его учреждения присвоено лишь трем жителям автономно­го округа: известному тренеру Х.Ф. Ахатову, рыбаку Ак­сарковского рыбозавода В.П. Валитову и заместителю генерального директора ООО «Надымгазпром» А.В. Ро­гачеву – все в 2000 году). С тех пор окружные премии присваиваются лишь по отраслевому принципу, а почет­ный знак и диплом «Лауреат Премии Ямало-Ненецкого автономного округа» более не вручался.

Александра ПОЛЯНСКАЯ,
фото Евгения САВЕНКО

МАНЯЩИЕ ВЕРШИНЫ

Путешествие

Часто слышу от своих знакомых восхищенные рассказы о немислимых красотах Кавказа, снегшибательных Гималаях, горных высотах Казахстана. Удивительно, но большинство из них никогда не посещали горные вершины родного Урала. Наверное, руководствовались тем, что хорошо все-таки там, где нас нет. Но, смею заверить, экспедиция на приполярный Урал запомнится вам надолго.

Приполярный Урал относится к числу привлекательных туристских районов. Отдых в этих местах более, чем доступен среднестатистическому человеку. Здесь на сравнительно небольшом расстоянии можно встретить глухую хвойную тайгу, смешанные леса с травами в рост человека, суровую высокогорную тундру. Многие хребты венчаются иззубренными гребнями, глубоко и густо расчленены речными долинами. Встречаются кары, трог, морены и ледники. Нижняя

часть склонов одета тайгой, верхняя – горным редколесьем. Горы очень лесисты, но с безлесным «гольцовыми» вершинами. Приполярный Урал, находящийся в непосредственной близости от Северного полярного круга, – наиболее популярный район для путешествий. Лето на Приполярном Урале сравнительно недолгое и прохладное, но даже за короткое время в лесах и горах поспевают много черники, голубики и морошки. В тайге можно встретить лося, в горах па-

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

сутся дикие северные олени. Если же обратить внимание на птиц, то многие из них приспособлены к жизни в хвойных лесах, наряду с такими животными, как соболь, россомаха, бурндук. Ну а зимой, которая длится здесь не менее двухсот дней, посчастливится услышать храп бурого медведя, увидеть рысь и зайца-беляка, куницу, из представителей птиц – дятла, рябчика и тетерева.

Чтобы иметь представление о высотах горного Урала, предлагаю совершить восхождение на высочайшую вершину на Приполярном Урале, гору Народная, высотой 1894 м. Дабы добраться до уральской экзотики необходимо преодолеть неблизкий путь. У нас путь из Екатеринбурга занял пять дней.

Ту-тук-ту-тук... – все дальше поезд уносит нас в сторону Приобья. За окошком ночная тьма, по стеклу горизонтальными струйками сечет дождь – он еще больше припустил. Еще не поздно повернуть назад, но... На все воля божья. Ведь путешествия – это больше, чем жизнь, это то исключительное, в чем нуждается человек в эпоху, когда за деньги можно иметь все. Размышляя о своем предназначении, о предстоящем восхождении, не заметила, как быстро пролетело время в дороге.

Вот мы уже и на теплоходе «Линда». Добравшись до Березово – Сосьва, на попутной барже можно выйти на Саранпауль, откуда выехать на вездеходе в горы. Ночи стояли «белые», поэтому ночной переезд

не доставил неудобства. Совсем наоборот, по пути заехав на прииск Золото-Шор, первый раз в жизни стала свидетелем добычи золота. Надо же, и на природе можно насладиться не только моральным богатством.

Бессонная ночь привела нас к великолепной реке Манья, откуда продолжился путь к реке Хобею. Преодолев ее, начали крутой подъем на плато – между речье рек Маньи, Парнука, Хобею и Яны-Хобею. На берегу реки Яны-Хобею, богатой различными видами рыб, стоит неприметная избушка. Но это не помешало нашей команде облюбовать ее для приюта. На севере широкой долины реки стал виден массив заветной горы Народной, заботливо прикрытой ближними го-

рами. После беспокойной ночи (все-таки трепетный момент совсем близко) в избушке рано утром мы отправились на гору. Необычные чувства несущего доселе спокойствия и волнения переполняли душу. Величественные картины: вокруг горы и горы, подальше – закрытые облаками, поближе – успевшие очиститься. А тишина... Давайте послушаем тишину, она здесь звонкая, прозрачная, чистая, внизу такой нет.

Вначале шли знакомой дорогой на хребет, затем двигались в западном направлении по безлесному плато в сторону ближних горных вершин. Часть нашего пути проходила по курумам (устойчивым насыпям камней). Затем в направлении на север

пересекли крупный ручей, вновь поднялись на платообразный хребет и, двигаясь на запад, подошли к горной вершине, примерно на 1000 м возвышающейся над плато. По нашим расчетам за ней должна была быть гора Народная. Подъем на гору начали по левому снежнику, который протянулся до перевальной точки с южной стороны вершины. В начале подъема исчезли комары, столь досаждавшие всю дорогу, но, увы, ненадолго, воздушный поток снизу, понесший комаров вслед, будто нарочно не давал расслабиться. Народная – одна из высочайших вершин горного Урала, поэтому подъем выдался довольно-таки крутым, две трети пути примерно под углом 45 градусов, далее еще круче (около 60 градусов).

Из-за этого пришлось идти зигзагами. Повезло, что тепло и ветер сделали в снегу углубления, благодаря которым нога более устойчиво держалась на крутом склоне. Приложив немало усилий, вышли на перевал, созерцая при этом на юге долину реки Хобею и гору Пирамиду, на западе же в устрашающих темных лучах, среди которых сверкали молнии, были видны хребты и горные вершины Приполярного Урала, расположенные уже в республике Коми. Насладившись неопишуемой красотой этих мест, двинулись по курумам на вершину. Путь к ней по прямой можно совершить только по пилообразному горному хребту, который, как с запада, так и с востока круто обрывается вниз.

Вот она – заветная и ожидаемая вершина, с установленной на ней мемориальной доской в честь погибших в Великой Отечественной войне. Здесь, на горе, еще раз ненадолго открываются великолепные дали: реки в ущельях, цепи гор... Именно в такие моменты начинаешь ощущать всю полноту жизни, неописуемые минуты восторга. Божественные картины, будто беспрерывно сменяемые опытным художником. Когда под ногой с кручи в пропасть срывается камень и, шаркнув о другой камень и отскочив от третьего, летит вниз, чувствуешь, что твоя жизнь в высших руках и ты – не больше, чем эти песчинки на огромной планете гор. Восхитительно.

Жаль, но непостоянство нашей погоды, прервало идиллию и пришлось срочно спускаться вниз. Приполярный Урал – самый богатый осадками район. Но и тут нам повезло.

Необычайная энергетика, горный дух, заставил все же погоду проявиться: выглянуло солнышко и значительно облегчило спуск вниз. Который, к слову, оказался еще сложнее, так как по снежнику из-за крутизны он был практически невозможен, пришлось спускаться по курумам. При солнечном свете горы смотрятся веселее. Зубчатый оком хребтов синел загадочной прописью, начертанной неведомой рукой. Словно Творец оставил послание и благословил восхождение, занявшее в общей сложности 6 часов. Сколько непередаваемых впечатлений и чувств, какой заряд адреналина просочился в кровь.

Отдохнув после восхождения, счастливые и довольные искупались на плесе под прибрежной скалой – вода очень теплая, совсем не верилось, что это все-таки Приполярье, и даже комары и оводы куда-то делись. На обратном пути ночевали почти

на вершине плато в небольшом вагончике, но и тут не обошлось без сюрпризов: со стороны реки Парнук на юго-западе почувствовался запах дыма. Все поняли – начался лесной пожар. Хоть и спать из-за непредвиденных обстоятельств пришлось недолго, но настроение у всех было на высшей точке. Уставшие, но умиротворенные, добрались до трассы Неройка –Саранпауль, устранив неполадки с транспортом, через 7 часов благополучно добрались до Саранпауля.

Путешествие закончилось, но еще не раз вспомнятся пойманные в реках хариусы, необычность пройденного маршрута, горные сюрпризы, да и просто удивительные ощущения, которые обязательно повторятся Правда, несколько в другом ракурсе, когда мы вновь, собрав все свои силы, отправимся покорять все новые и новые вершины Приполярного и Полярного Урала, тем паче, что

удобное географическое положение, огромные возможности для выбора маршрутов, исключительное разнообразие природных богатств – все это уже давно сохраняет за Уралом славу популярного туристического района.

Несравненный В.Высоцкий когда-то пел о том, что лучше гор могут быть только горы. Не смею не согласиться с ним, как жительница Уральских гор. Горы красивы, горы величавы, мудры... И они манят. Наши горы более старые и местами уже разрушены, особенно Средний Урал, но если спуститься вниз, то на юге они уже более выражены, а на севере – и вовсе напоминают Эверест, растительность правда другая... В районе горы Народной дух захватывает не меньше, может быть еще и потому, что все горы мира между собой общаются и всегда готовы вступить с нами в диалог.

Юрий СЕНТЯБРЕВ,
фото Владимира САДЫРИНА

БАКАЛЬСКИЙ ПЕРВОЖИТЕЛЬ

Заповедные земли

Наше путешествие по бакальской округе Челябинской области привело нас к поселку Рудничному, долину которого плотно обступили рудоносные горы.

Это бакальский первожитель. Как считают исследователи, Рудничное – первое поселение бакальских рудодобытчиков. Владельцы здешних рудоносных земель братья Твердышевы, воспользовавшись действующим сенатским указом

РЕКА ВРЕМЕНИ

1721 года, скупили в Рязанской, Смоленской и Тамбовской губерниях несколько деревень и переселили сюда их обитателей. Крестьяне стали рудокопами. Свои жилища они ставили здесь не улицами, а по обе стороны каменных россыпей и участков леса. Здесь же строились казармы для сезонных работников, и селение поначалу звали то Рудничным, то Казармой. Поселок находился в нескольких верстах от первых рудников Успенского (ныне имени ОГПУ) и Тяжелого (ныне Северо-западный Иркусан), которым нынче и исполняется 250 лет. Считается, что первая железная руда была отправлена на Катав-Ивановский завод.

Как пишет в своих воспоминаниях управляющий первыми рудниками П.В. Огарков, проходившая через поселок грань смежных Симской и Юрюзанской рудных дач делила его на две части – Симскую с симскими поселенцами и Юрюзанскую с юрюзанскими. Обитатели поселка обеспечивали добычу и доставку руды для «своих» заводов, вернее сказать, для заводов своих владельцев. Крестьяне Симской части везли добытую руду аж за сто километров – до Симского и Николаевского заводов. Для крестьян Юрюзанской части дорога была недолгой.

Непрерывно и разгульно отмечали в Рудничном день Николая-вешнего – 9 (22) мая. Устраивались застолья с песнями под гармошку. И конечно – кулачные бои. Симская сторона выходила против юрюзанской. Дрались только руками и лежащего не били. Для рудокопов это была своего рода разминка – с Николая-вешнего начинались летние работы по добыче руды.

Новичок

— Эй, ты где? — потерял из виду новенького Василий Борисович.

— Да тут я, тут.

На солнышке было просто очень хорошо. Зелененькая травка. Кусты. Ветерок. Чуть поскрипывают старые ворота. Свиристы пичуги. Какая-то мелодия в отдалении. Несколько полуобнаженных девушек возле ручья...

— Башка трещи-ит...— схватился за голову парень. — И в левом боку словно огонь...

— Разве? — полуобернулся Запоздалов.

Кислое выражение исчезло с лица новенького.

— Что «разве»? — спросил он. — Тебе когда-нибудь железной балкой... Ой, в самом деле, уже не трещит. Странно же...

— А что тут такого? Поболела — перестала.

— Ну да, ну да, — пробормотал парень и осмотрелся, словно увидел все в первый раз. — Ой, женщины...

— Это не женщины — это грации, — сказал Василий Борисович. — Эстетика по-ихнему. Достаточно на них смотреть, пение слушать...

— Тю-ю... — огорчился новенький, но почувствовал приятное от созерцания и тут же мнение переменил. — А вообще-то ниче-е... Пробирает.

— А то! — с видом знатока

подмигнул завсегдаятай. — Тут клево.

— Микрофон бы им помощней.

— Это излишне, — сказал абориген.

Помолчали.

— Эх, кепарик бы на тыкву. Солнышко слепит.

— Держи, — протянул модную фуражку Василий Борисович

— А себе-то?

— Не мой размер. Да и не люблю я головные уборы.

Новенький сорвал ромашку. Понохал. Покивал головой.

— Да, в самом деле хорошо тут у вас. Спокойно. И че? По утрянке будильник не зазвенит? И на работу не надо?

— Чудак человек. Говорят же — санаторий.

— А с зарплатой тут у вас как? Своевременно?

— Смешной ты, право. — Запоздалов приобнял новичка за плечи.

— Нет тут зарплаты.

— У-у... — скулчился травмированный.

— Ну я не знаю... если тебе очень надо...

— Надо! Двадцать тыщ!

Запоздалов заозирался.

— Ну, если... ну я не знаю... надо поглядеть где-нить под пеньком... или... О! А ну, глянь!

Новичок ошалел.

Небрежно сваленные, в траве лежали пачки денег.

— Это че, мне?

— А кому ж! Мне они — даром не нужны. Просил — забирай. Только что ты с ними тут делать будешь?

— Я-то... — засуетился новенький, запихивая купюры за пазуху. — А ларек... ларек где? Нет, перво-наперво крыло правое у своей «ласточки» поменяю. И стартер. Новый. Импортный. Слушай, а авторынок тут у вас есть? Ну, или хоть магазин там, барахолка?

— Здесь все есть. И частники. И автосервис с гарантией. И цены божеские.

— А-а где?

— Да вон — за бугром. Эй, ты... куда опять подевался?

Парень вышел из-за дерева.

— Да тут я, тут. Куда я денусь.

— Че все жмурки какие-то да прятки. Не люблю я этого, — Запоздалов сурово поглядел на новенького и с нажимом повторил: — Не люблю.

— Да я-то че, — сказал парень. — Ну, а, допустим, «глушак» новый, только чтоб не кооперативный, почему? На «классику».

— На «классику», говоришь? Ну, сто рублей, устроит?

— Сто?! — парень аж подпрыгнул, едва не растеряв своей добычи. — Серьезно?!

— А то..., — Василий Борисович обиженно повернулся влоботорота. — Еще и поторговаться можно.

— Врешь!

Николай Бодров (Васильев Юрий Вадимович) родился в 1964г в г. Магнитогорске.

Там же вступил в КЛФ (клуб любителей фантастики) «НЛО», в котором состоит и по настоящее время. В годы учебы в школе начал пробовать свои силы в литературе. Основные направления — стихи и фантастические рассказы.

С 1982 по 1987г учился в Магнитогорском Горно-металлургическом Институте.

С 1987г по настоящее время проживает в г. Челябинске. Успел поработать на Челябинском и Магнитогорском Металлургических Комбинатах, в Мостостроительном тресте, пек хлеб, осваивал бронетехнику, был частным предпринимателем...

Женат. Четверо детей. Обширные творческие и жизненные планы.

В «Уральском следопыте» уже публиковался рассказ «Велители снов».

— Вот те крест! Но... — в небе так стремительно носились стрижи, что Запоздалов невольно залюбовался и помолчал. — Зачем тебе все это? Возьми уж нового «мерина». Ни забот, ни хлопот. Уж лет десять —точно. Знай — дави на газ.

— Да по нашим-то дорогам...

— Ты все как не родной, — пожал плечами абориген, сорвал стебелек и закинул руки за голову. — Дороги здесь что надо. Классные дороги. Да и следит начальство за состоянием. О-он, вишь? Опять латают.

Действительно, сразу непримеченный, где-то возле горизонта глядел плоскость каток. Возле чистой, словно уют, техники орудовали лопатами несколько человек в оранжевых жилетах. Рабочие перешучивались и рассказывали анекдоты.

Парень пожал плечами и вернулся к теме.

— А вот ты говоришь, «мерина»... ну, допустим. А трехгодовалый с круглыми фарами примерно почему? Ну, пятигодовалый...

— Да бери уж новые. Че тебе эти объедки?

— В кредит? А какой процент?

— Ну, хочешь в кредит — бери в кредит. Полпроцента в сто лет, устроит? Хотя-я... — Запоздалов пощурился на яркое солнышко, вынул из кармана грушу и принялся аппетитно ее поедать. — Хотя я лично предпочитаю сразу. Техника-то вот она. Эй, ты где?

Чудик снова исчез, и Василий Борисович опять в недоумении смотрел то направо, то налево, механически пережевывая сочный плод.

— Э-эй! Ты уж определяйся как-то... Э-эй! Ты где-е!?

— Да тут я! Тут! За елками!

В самом деле, красивая черная машина стояла за группкой низкорослых елок. Рядом находился по-

купатель. Глаза его горели.

— Ишь, сразу... — шмыгнул носом парень, — а много ли просят за нее? И кто хозяин?

Видно было, что новичок любит автомобили. Ценит их. Любуется. Он робко подошел к дверце и осторожно коснулся обеими ладонками полировки.

— Дык, кто хозяин — кто хозяин? А хоть бы и я. А цена — двадцать тыщ. Берешь?

— Беру! — заорал парень и принялся швырять под ноги Василию Борисовичу давешние деньги. Его слегка лихорадило. Он путался, шаря запаухой, вылавливал пачки, провалившиеся в штаны.

— Ну-ну. Ну-ну, — похлопывал по плечу покупателя Запоздалов. — Не спеши. Торопиться не надо. Некуда.

— Да-да...-сказал парень и задумался. — А перерегистрация? Все оформить же надо у нотариуса и в ГАИ на учет поставить.

— Э-эх, чудак — человек. Ну, так едем. Садись за руль — тут недалеко. Номерной знак менять не станем. А в конторе нас без очереди пропустят — дядька у меня там свой человек.

— Бли-ин! — парень заглушил мотор, — У меня ж ни прав, ни паспорта...

— Утерял? Ну, какой ты... А это что?

В нагрудном кармане рубашки лежали все документы. Они, правда, были слегка пожульканные, в каких-то пятнах, потеках, но все фотографии и печати остались разборчивы и находились где полагается.

— Ни фиги себе, — сказал новенький, — а я думал...

Вышли. Сели на лавочку. Помолчали.

— Сбрызнуть бы надо, — сказал Запоздалов.

— Само собой. А

ларек? Ларек где тут у вас?..

— Чудак человек. У меня ж с собой...

«Амброзия», — было написано на картонном глянцевом пакете. 100%, натуральная. ТУ-161894. Срок годности...

Новичок недоверчиво побултыхал содержимое возле самого уха.

— А что? Это как, вместо?..

— Наливай, — сказал Василий Борисович, — друзьям рекомендую. Или ты предпочитаешь нектар? Цветочную пыльцу?

— Пыльцу? — поморщился парень и сделал движение языком. — Не, давай лучше эту. А где стаканы возьмем?

— Дак вот же.

На низеньком столике поодаль уже была сервирована селедочка с розоватым лучком. Крупная порезанная пополам картошечка парила, только что вынутая из кастрюльки. Толстые ломти черного пупырчатого хлеба с солью находились отдельно.

— Ну, сначала за здоровье? — предложил Запоздалов.

— Угу, — согласился «стукнутый». — Злободневно. Давай.

Еще через некоторое время он добавил:

— Ни фиги себе!

— А то...— улыбнулся абориген.

— Но это ж не водка... И не коньяк. Как бы полусухое, а, понимаешь, приятно, вроде как крепленое хорошей выдержки. Типа сок такой... особенный. Нет, пожалуй, что и не сок. Как ликер, что ль...

— Угу, — согласился Запоздалов, — одно слово — амброзия.

После третьей речь зашла за недвижимость и ипотеку. И транзитом четвертая — за них.

— Ты вот, скажем, где проживаешь?

— Да нигде, — пожал плечами Василий Борисович. — Хожу. Отдыхаю. Бабочками люблюсь.

Парень вдруг снова исчез.

— Эй! — уже рявкнул со злости Запоздалов. — Ты где?! Кормить тебя через кочерыжку!

— Да тут я! Тут! — Парень, оказывается, спрятался под лавкой. — Не. Ясно — понятно. Цветочки. Стебелечки. А, скажем, дождик. А, хуже того, снег?

— Дык, нет здесь снега. Климат то южный. Сам посуди. А дождик — так я в шалашик залезу. Мне много то не надо.

— Ну, ладно, тебе не надо. А другие? Короче, народ где швартуется? Скажем, двушка в панельной десятиэтажке у вас как, реально?..

— А что ж нереально? Тут, э-э, — Василий Борисович почесал в затылке и указал на запад, — как раз на прошлой неделе строители два блока сдали. Километра полтора отседа.

— Ближе к центру?

— А то... Тут везде близко к центру.

— Дорого, небось, за квадратный метр?

— Тю-ю...— Запоздалов вынул из заднего кармана джинсов потертую топографическую карту. — Копейки. Тут все недорого.

— А почему? Почему? Какие этажи не забыты? И это...ипотеку-то у вас практикуют? Ну, это, чтобы в рассрочку надолго... Справки там всякие...

— Да практикуют. А че ж... Можно и без справок. Все на доверии. Куда ты отсюда ее, квартиру-то, уволокешь? Чай, не улилка?

Запоздалов улыбнулся, довольный собственной шутке. Но лицо новенького оставалось озабоченным.

— И... и где контора? К кому, это самое...

— Дык ко мне. Я тут местный риэлтер, — Василий Борисович достал другую бумагу. Это был план дома с квартирами. Он расправил «синьку» на колене. — Тэк-тэк-тэ-эк. Вот есть двушка на пятом. Есть две полуторки на восьмом. Трешка на четвертом.

— Беру! — заорал парень и опрокинул стакан.

— Токо...— медленно произнес Запоздалов.

— Что? — парень побледнел.

— Токо, лично на мой вкус, в отдельном доме получше будет. В коттедже, по-вашему.

— В отдельном, говоришь? — яркость снова вернулась на лицо, и новенький задумался. — Так где ж его...

— А пойдем-ка...

Запоздалов скомкал оба чертежа и выбросил в урну. Туда же отправились селедочные кости, стаканы, недопитый пакет, укушенный картофель.

— А как же ж?! Амброзия ж! — изумился парень. — И не допита...

— Еще возьмем, — коротко бросил Василий Борисович, — душно-вато чтой-то. Айда, скупнемся.

Налетели белоснежные голуби и, не удобряя почвы, склевали все крошки.

— Эй, ты где? — уже спокойно спросил Василий Борисович.

Чудик вынырнул из воды.

— Да тут я, тут! Уф! Хороша водичка! Нравится мне у вас!

— А то...— усмехнулся Запоздалов. — Тут многим нравится...

Он подтянул крапчатые сатиновые трусы и, поеживаясь, стал заходить в реку.

— Бр-бр-бр...

Выходить не хотелось. Но так интересно пропалывала грядку перед крыльцом молодка в цветастой косынке. Так заманчиво стояла на столике веранды запотевшая трехлитровка домашнего кваса. Так

явно из-под косынки поблескивало любопытство к купальщикам, стояло хозяйке обернуться.

— Слышь? — новичок пихнулся локтем. — Грация, Борисыч? Для эстетики?

— Какая, на фиг, грация! Баба с коттеджем! Для совместного проживания! Я че тебя сюда ташил-то, думаешь, купаться? У меня, мож, ревматизм? Был... А тут, человек тебя обозрел. Представление о мускулатуре имеется. О возможностях. Тебе и карты в руки.

— Надеюсь, не замужем? Как звать-то?

Запоздалов щелкнул новенького по лбу.

— Здесь никто не замужем. А кличут Галиной.

— А по отчеству-то, по отчеству?

— А я почему знаю? Недавно она у нас. Да и зачем тебе отчество-то?

Парень даже не надел штаны. Скомкал все пожитки в охапку и пошел к низенькому заборчику.

— Галина... э-э, не знаю, как вас по батюшке... Не хотите покататься на «Мерседесе»?

— На «Мерседесе»?! Всю жизнь мечтала, — улыбнулась женщина и зарделась. — А вы пока проходите — кваску испейте.

Василий Борисович подмигнул приятелю. Дело, кажется, слаживалось.

— Я жас, только руки вымою, — донеслось уже из открытой двери.

Она выбежала через минуту. В коротком топике, шортах и сланцах на босу ногу.

— Ой! А где же ваш друг?

— Эй, ты где?! — снова растерялся Запоздалов. Перед калиткой стоял, низко урча, автомобиль с распахнутыми дверцами. В недалеких кущах разливался соловей. Новенького нигде не было.

— Тьфу! — Василий Борисович с досадой плюнул. — Не везет тебе, девка! Опять эти медики хреновы! И неймется же им — снова спасли человека!

Старший врач реанимационной бригады сидел в дежурке и устало улыбался: пострадавшего, можно сказать, вытащили с того света...

Михаил ТИТОВЕЦ

Платиновый век Качканара

Первожитель

Своим рождением город Качканар обязан освоению железорудного месторождения на Северном Урале. В преддверии 50-летнего юбилея города качканарские горняки добыли и переработали 1,5-миллиардную тонну руды. А всего таких миллиардов в здешних недрах более 11-ти. Так что «железный век» Качканара обещает быть весьма продолжительным.

Однако мало кто знает, что веку железнному предшествовал «век платиновый», который в силу ряда причин оказался в забвении. Между тем край качканарский имеет историю куда как более древнюю, чем 50-летия.

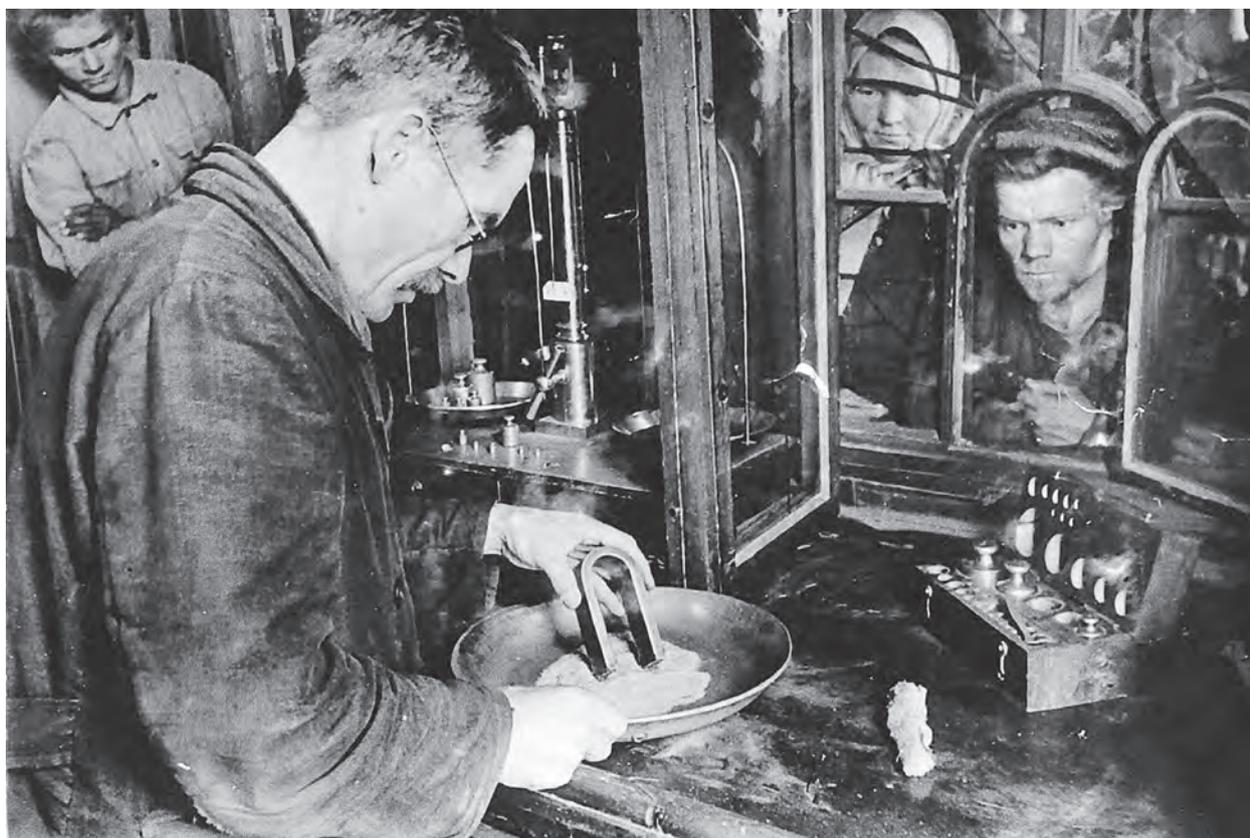
Приисков на территории нынешнего Качканарского округа было множество, в основном — платиносодержащих. Большинство из них прекращали свое существование сразу по мере выработки металла. Другие какое-то время жили в качестве поселков, но опять же в 40–50-е годы XX века постепенно сошли на нет. Сегодня только старожилам что-то говорят такие назва-

ния, как Вайнер, Покровский, Петровский, Тихоновский и др. Из всех приисковых поселков до наших дней сохранились только Именновский и Валериановск. Первый — ныне дачный, а второй — большой поселок городского типа, пригород Качканара.

Прииск Валериановский ведет свое начало с 7 ноября 1892 года, когда был «произведен бесспорно отвод золотоплатинового прииска под названием Валериановский в Нижнетуриной даче по речке Большой Гусевой, впадающей в р. Выю».

Первоначально здесь было занято 18 рабочих, труд которых был механизирован с помощью трех ручных станков.

С 1893 по 1 ноября 1895 года на прииске было «добыто 18 пудов 36 фунтов 19 золотников» драгоценного металла. На следующий год для промывания песков поставили бутару. Это такой агрегат в виде бочки, производительностью «15 кубических сажень в смену». «Бочка» приводилась в действие паровой машиной мощностью в 12 лошадиных сил.

Сдача металла. 1920 г.

В начале XX века на Валериановском были запущены пять паровых драг. Обслуживали их драгеры, машинисты, то есть люди с образованием. А в поселке был построен медицинский пункт. Нам известно даже имя первого фельдшера. Это Прокоп Степанович Суворов. (Его многочисленные потомки благополучно проживают сегодня в Валериановске и в Качканаре). По ходатайству жителей открылось земское народное училище, которым заведовала Нина Алексеевна Десятова, а попечителем был управляющий прииском Леонид Александрович Киприанов. То есть народному образованию в Качканарском городском округе скоро исполнится 100 лет.

Достоинство проявили себя жители приисковых поселков в годы Великой Отечественной войны: и на полях сражений, и в тылу, добывая стратегический металл.

После войны поселок угасал: месторождения россыпной платины были выбраны к концу 40-х годов. Однако в 1946-м в поселке Валериановске обосновалась Качканарская геологическая партия. А еще через 10 лет поселок стал плацдармом, с которого началась грандиозная стройка.

«Прошу наименовать «Качканар»

Было бы странно, если бы близ горы Качканар не оказалось прииска с таким названием. Год назад автору этих строк удалось поработать в читальном зале Государственного архива Свердловской области. Конечно, открытия на бегу не делаются, однако руки почему-то

потянулись именно к описи № 5 фонда № 51. И надо же! В Деле № 13 — «План и полевой журнал отвода золотоплатинового прииска Качканар, принадлежащего жене Потомственного гражданина Р.Я. Протопоповой, находящегося в Нижнетуриной казенной даче по р. Гусевой, впадающей в р. Выю». Ну что тут скажешь? Подарок судьбы! В деле содержится подробнейшее описание прииска, очерчен круг лиц, задействованных в процедуре отвода: окружной инженер Игнатъев, землемер Наумов, золотопромышленница Р.Я. Протопопова и ее доверители — родные братья Виктор и Капитон Бурдаковы, владелец соседнего Надеждинского прииска Август Гальбах, священник Нижнетуриной Трехсвятской церкви о. Александр Андрианов, рабочие разведочной партии и т.д.

А в одном из документов Дела читаем: «1895 года 3 июня. Я, нижеподписавшийся доверенный золотопромышленницы Руфины Яковлевны Протопоповой прапорщик запаса Капитон Яковлевич Бурдаков, сим объявляю... что следующую к отводу площадь Гороблагодатского округа, состоящую в Нижнетуриной даче по реке Гусевой, впадающей слева в речку Выю, отводить буду по справедливости, не захватывая лучших приисков и заявленных мест, вообще обязуюсь исполнять все требования закона. Прииск прошу наименовать «Качканар».

Сколь прибыльным оказался прииск — предстоит еще выяснить. А небольшое поселение Качканар просуществовало до 40-х годов. Последнее, что там было — небольшой лагерь заключенных. Потом их перевели на строительство закрытого города Сверд-

Выезд управляющего прииском

ловск-45 (ныне Лесной). Недавно общался с последней жительницей этого поселка, так она безапелляционно заявила: «Наш Качканар, что на Гусевке — самый настоящий. Других мы не знаем».

А дело в том, что этот прииск — не единственный с названием «Качканар». Был еще один — на реке Утянке. Обстоятельств его открытия и бытования мы пока не знаем. Однако ходят упорные слухи об исключительном богатстве этого прииска. Якобы в иные дни с бутары снимали до пуда (16,38 кг) платины. В такие дни стреляла пушка. Более того, драгер М.В. Михеев, ветеран Великой Отечественной войны, ссылаясь на рассказ своего отца-старателя,

утверждает, что очень редко, но пушка стреляла и два (!) раза. «А вот три раза никогда не стреляла», — говорит ветеран.

Платиновый поселок Качканар с 1959 года стал называться «Утянка», а свое прежнее название он, как эстафетную палочку, передал поселку горно-обогательного комбината. Сам же в середине 60-х годов тихо умер.

Бурдаковы и чугунная шляпа

Среди владельцев золото-платиновых приисков близ горы Качканар самыми незаурядными были

Добыча металла

Бурдаковы. Когда разрешили частную золото-платинодобычу, она стала семейным бизнесом купцов Бурдаковых. Владельцами приисков были отец Яков Николаевич, сыновья Викторин и Капитон, дочь Руфина, в замужестве Протопопова.

Особенно примечательна личность Викторина. Образованный человек, он был действительным членом Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ). В 14 томе «Записок УОЛЕ» за 1896 год опубликована его статья, написанная в соавторстве с инженером И.М. Генриховым — о деятельности Товарищества В.Я. Бурдакова и В.Н. Шаравьева. Это настоящая энциклопедия золото-платинодобычи в наших краях. Викторин активно занимался благотворительностью. Состоял попечителем Нижнетуринского двухклассного училища и Николаевского исправительного отделения (знаменитая Нижнетуринская тюрьма), был директором тюремного комитета, шефствовал над земской школой. За общественную и благотворительную деятельность награжден золотой медалью на Аннинской ленте.

Посчитать, сколькими приисками владели Бурдаковы, очень сложно: какие-то им принадлежали, в каких-то у них были доли, некоторые находились в их доверительном управлении. Впоследствии многие прииски, в том числе Валериановский, стали собственностью Платинопромышленной анонимной компании. Однако в Делах фонда № 51 ГАСО Бурдаковы встречаются вплоть до 1917 года.

После революции российские промышленники и предприниматели в одночасье превратились исклю-

Взятие пробы. 1908 год

чительно в эксплуататоров. Вот, например, диалог из статьи в «Рабочем журнале» от 14 сентября 1923 года. Разговаривают между собой рабочие:

«— Старики говорят, Бурдаков с этой шахты дома настроил.

— Оттого ему и надели на башку чугунную шляпу, — откуда-то из-за забора кричит невидимый рабочий.

— Зато он и пожил!.. А мы что?! — оппонирует первый.

— Пожил... Власти не было, вот и пожил!».

О чугунной шляпе среди искателей ходит такая легенда. Бурдаков не хотел подчиняться горнозаводскому надзору и добывал золото так, как он считал для себя выгодным. Был владельцем многих уральских приисков и больших домов в Перми и других прикамских городах, словом — миллионер, и никакая судебная власть ничего не могла с ним поделаться. Дело дошло до «высочайшего имени», и вот Александр III приказывает: отлить Бурдакову чугунную шляпу, заковать его в кандалы и отправить в Сибирь. Так говорит легенда. Быть может, это и действительно было... А сегодня спроси жителей Качканара или Валериановска, кто такие Бурдаковы — ответят единицы.

Платиновый ложок

Рассказ о «платиновом веке» будет неполным, если не упомянуть о хитниках. Это те, кто стремится урвать свою долю, занимаясь добычей металла незаконно.

«Классикой жанра» стали события в мае 1902 года близ поселка Валериановска в верховьях реки Мокрой, притока Выи. В этих местах решили попытать счастья два старателя. Присели перекурить на поваленное дерево и увидели сероватые зерна металла. Это была платина, лежавшая на поверхности.

Мужики работали целый день одним ковшом, а землю к ручью таскали в рубахах. И хоть договорились никому не говорить, но как тут вытерпеть. Один рассказал жене, та — сестре, сестра — мужу... И понеслась душа в рай! Вскоре народ валом повалил в этот ложок. Зрелище было, надо сказать, впечатляющим: мужики и бабы, старики и дети, как могли растаскивали землю — на тачках, носилках, в мешках, стремясь урвать побольше. Через пару месяцев ложок выбрали подчистую. Говорят, количество добытой платины исчислялось пятидесятью пудами. Когда об этом узнало начальство — поезд уже ушел.

Среди нынешних тружеников горно-обогательного комбината и других предприятий Качканара живут и работают дети и внуки старателей и дражных рабочих.

...При всем при том последняя страница платинового века еще не дописана. Грибники-ягодники частенько натываются на шурфы — это ищут своего фарта (удачи) нынешние старатели. Или хитники. Имеется платина и в оливиновых породах качканарских руд, но ее добыча — дело отдаленного будущего.

Палатка

Палатка — это важный атрибут походного снаряжения. И в лесу, и в поле, и на льду палатка будет служить отличным укрытием от дождя, ветра, снега и града. Как и любой дом, надежный и теплый, она не даст замерзнуть, сохранит все вещи сухими, позволит хорошо выспаться.

При выборе палатки нужно помнить, что видов и подвидов ее очень много. К счастью, большая разновидность позволит выбрать именно то, что нужно. Стоит лишь учитывать свои требования, свои возможности и характеристики понравившейся модели. Параметры палатки занимают важное место. Первое, на что нужно обратить внимание, — количество мест. От него зависит и размер. Второе — материал. Несмот-

ря на изобилие торговых марок, для шитья палаток и тентов применяется всего два материала — нейлон (полиамид) и лавсан (полиэстер). Палатка должна пропускать воздух, а тент пропитываться водоотталкивающим составом — резиновым или полиуретановым. Большое значение имеет *водонепроницаемость* не только самого тента, но и дна палатки. Она обозначается в паспорте как PU и измеряется в миллиметрах водяного столба. Если величина PU равна 2000, тент выдерживает довольно сильный дождь. Для ливня с ветром необходимо не менее 4000. Водонепроницаемость дна должна быть значительно выше — от 6–8 до 10–12 тысяч.

TUNNEL:

Универсальная палатка. Материалы: тент — полиэстер PU 185 со сдерживающей огонь пропиткой, внутренняя палатка — облегченный «дышащий» полиэстер PU 120 T. Стойки: алюминиевый сплав. Противомоскитная сетка, удобный большой тамбур для вещей и кухни, вентиляционные окошки, два кармана, полочка и кольцо для светильника. Размеры: (100+130+80+100)х180х120см.

TOUR 2, 3, 4

Туристическая палатка с козырьком — тамбуром. Небольшой вес, низкая цена и хорошее качество сделали ей заслуженную популярность. Материалы: тент — полиэстер. Каркас: стекловолокно. Один вход.

ТАРОВАН:

Экспедиционная палатка для альпинизма и горного туризма, подходит для экстремальных условий. Силовая схема каркаса обеспечивает палатке отличные аэродинамические характеристики. Высокая ветроустойчивость. Тамбур с двумя входами. Два клапана на тенте и вход палатки, продублированный москитной сеткой, обеспечивают хорошую вентиляцию. Карманы для мелких вещей и петельки для подвески потолочного гамачка. Размеры: 246х123х112 см.; в упаковке 25х50 см.

BIKER

Компактная, простая и удобная палатка. Материалы: тент — 190T Nylon Taffeta с полиуретановым покрытием. Стойки: фибerglass/сталь. Швы проклеены. Размеры: 285х130х120 см.

ГВИДОН

Удобная палатка для семейного отдыха, водного туризма с двумя вместительными тамбурами. Два входа. Высота 115 см.

Юрий КОНЕЦКИЙ

Май

Въехали мы в голубой аромат,
Где на объемном холсте светотени,
Воздух от первых дождей сыроват
И небогато кустов оперенье.

За щебетанье незримых пичуг,
Что тишину ворошат без умолку,
Чистосердечным восторгом плачу,
Грудью вдыхая сосновую смолку.

Старый автобус, и ты отдохни!
Всеми боками и лысой резиной
Пыльную дань расстояний стряхни,
Остановясь под пугливой осиной.

Загород-пригород... Первый загар.
Въехали в лето на скорости третьей.
«Не потеряет нас нынче завгар,
А, дядя Петя?»

Поразморило у свежей тиши,
Травка щекочет шоферскую спину —
Спит, на пригорок кулак положив
И козырек на глаза понадвинув...

Медвежонок

В чистой Какве-речушке звонкой,
В пенном хохоте с ближних гор,
Мы барахтались с медвежонок,
Побеждая воды напор...
Было ягодой хорошо нам,
Беглецам, наслаждаться всласть...
И, урча, совал медвежонок
Вместе с веткой малину в пасть...

...А когда позывные горна
Нас аукали через лес,
То в кипенье реки покорно
Наш лохматый товарищ лез.

Выдавали ему сгущенку,
Ту, что нам вожатый припас,
Потому что у медвежонка
Никакой родни, кроме нас...

Понимал он, что нету кроме,
Отряхая косматый мех:
Плавать учат, сгущенкой кормят
И свободу делят на всех...

Месяцы вьюги

Евдокии и Таисии
Не надо пугаться веселой зимы
И белого снега из пасмурной тучи,
Что ляжет на землю крахмалом скрипучим
И выбелит крыши, крыльцо и пимы.

Неровности сгладит лопата зимы,
Зальют котлован из обмерзлого шланга —
Кататься вовсю на коньках и на санках
С начала зимы приготовились мы.

Пора холодов и ребячьих утех,
Где к самому дому летают сороки,
А только звонком оборвутся уроки —
На снежной поляне рассыплется смех.

Все месяцы вьюги прихватим и март
С его бесконечною голубизною,
Когда из-за форточки тянет весною
И солнечный зайчик сигает у парт.

Мастеровые

Осенний ветер беспощадно груб.
Сама зима людей заторопила —
И плотники заканчивают сруб
И обшивают досками стропила.
Им под рукой мешаться — упаси!
Запустят вниз неласковое слово.
Мастеровое братство на Руси
От века молчаливо и сурово.
Не так уж эти «бороды» просты,
И только за живое их затронете —
Припомнят ненароком, как мосты
Им доводилось наводить на фронте.
Достанут из кисетов табачок,
Расщедрятся, выкладывая тайны,
Опять на крышу влезут и — молчок...
Лишь топоры стучат, как телетайпы...

25 мая 2007 года Юрию Валерьевичу Конечкому — старинному другу нашего журнала — исполняется 60 лет!

Поздравляем замечательного поэта, заслуженного работника культуры РФ, лауреата всероссийских премий им. Л. К. Татьянической и П. П. Бажова с этой юбилейной датой!

Желаем ему здоровья, неиссякаемой творческой энергии, вдохновения и жизнелюбия!

Ника РАКИТИНА, Гомель

Служба безопасности библиотеки

Неделю назад пятнадцатилетняя Лялька считала себя самым счастливым человеком на Земле. Сегодня она умерла и теперь сидела за стеллажами, отирая спиной штукатурку. Вопреки последнему явственному воспоминанию, по которому ее облачали в застиранную ночную рубашку инфекционной больницы, была на Ляльке незнакомая интенсивно багряная блестящая кофточка, делающая крупнее грудь (что, опять же, неделю назад заставило бы Ляльку пищать от счастья). Кофточка была измазана по спине мелом. Вот странно, разве можно выпачкать привидение?.. Столь же незнакомые черные брючки, собранные кулиской на щиколотках, открывали Лялькины замерзшие босые ноги с облезлым лаком на ногтях — зеленым в золотые пятнышки. Воронье спиральки кудрей, рыжеющие на кончиках, сосульками свисали на слегка зеленое девчачье личико, веснушки на длинном носу увяли. Примерно такой должны были увидеть Ляльку сердечная подруга Светка Хмара и еще две одноклассницы через окно бокса из осеннего парка, только распростертую на кровати, а не скорченную у стены. Ляльке было очень страшно.

Собственно, ужас вызывало не то, что Лялька вроде как умерла, а сама библиотека. Во-первых, непонятно было, как Лялька в ней очутилась. А во-вторых — что же дальше-то делать. Лялька пробовала обращаться к милой девушке-библиотекарше, сидящей за слегка обшарпанным столиком выдачи перед низкой дверью в хранилище. Пробовала привлечь внимание читателей. Но все они смотрели на Ляльку, словно на пустое

место, огибали с сосредоточенным и немного сонным выражением на лицах и шли по своим делам. Лялька от отчаянья даже стала хватать их за руки. Рука проходила насквозь, как в страшном сне. Словно девушка очутилась в параллельном пространстве или на секунду разминулась с ними во времени.

Совсем забыв о страданиях последней недели, девушка бегала по просторному холлу перед выдачей — в нем можно было проводить балы, — и в потолке из стеклянных плит отражалась потерянная Лялькина фигурка и перепуганное лицо. Лялька забегала в бесконечно высокие двери читального зала, где терялись

Ника Ракитина родилась в прошлом веке в Гомеле. И пока жива и благополучна. Стояла у истоков гомельского толкинизма и рыцарства. Любимая эпоха — западное средневековье. Любимое оружие — клеймора. Любимый город — Вильня. Любимый зверь — кот. Любимое занятие в рабочее время — детский литературный клуб «Н.Л.О.». Любимое занятие в свободное время — писательство.

в сумраке однотипные столики с настольными лампами: матовые стеклянные беретки на толстых мраморных ножках. В зале были вытянутые полукруглые окна от пола до потолка с частым переплетом. Лялька выглянула: за окнами не было ничего, кроме тумана, в котором колыхались мокрые сучья голых деревьев. Она отпрянула, ощутив головокружение. И до изнеможения носилась по ярусам и закоулкам, соединенным чугунными лестницами с деревянными лакированными ступеньками. Лестницы, будто корабельные трапы, сотрясались под ногами.

Еще раз или два девушка пробовала заглядывать в прямоугольные и полукруглые окна, прорезанные кое-где в стенах, но за окнами был все тот же туман. Испытав прилив отчаянья, Лялька упала на паркетный пол за стеллажами и сжалась там, отирая стену. За три стеллажа от нее на помосте было место библиотекаря: обшарпанный ореховый столик с грудой книжек, норовящих с него сползти, со старинным листком учета читателей, исчерченным перечеркнутыми квадратиками с узелками в пересечениях. Позади столика висел на крючке пыльный синий халат и стоял, наклоняясь, каталожный шкаф с ящиками, так сильно наполненными, что не всякий из них удалось впихнуть до упора. На шкафу лежало надкусанное яблоко. Лялька сглотнула. Она вспомнила, как Андрюшка стоял у окна в школьной рекреации и цедил слово за словом, что он не желает с Лялькой иметь дела. Что он не может уважать девушку, которая добровольно вешается на шею ему и половине его друзей. Обвинения были такими несправедливыми, что рот Ляльки наполнился кислой слюной — как раз как от этого яблока. Она разревелась и половину геометрии просидела в туалете. Там ее нашла лучшая подруга Светка Хмара и долго старательно утешала, повторяя сакраментальную фразу: «Все мужики — козлы». Лялька старательно кивала, соглашаясь, а дома проглотила все таблетки снотворного, которые нашлись в аптечке. Тут же испугалась и позвонила Хмаре, сказав, что отравилась грибами. Ляльку отвезли в инфекционную. А потом — библиотека...

Девушка заскулила. Подтянула к груди колени, удивляясь, как отчетливо такает в них сердце. Это тоже было непонятно: привидение — и вдруг сердце... и испуганно застыла, потому что услышала шаги.

— Она здесь, я чувю! — голос был женский и противный, точно кошка скребла по жести когтями. Лялька сжалась в комок. Но ничего не происходило, и это было так страшно — гораздо страшнее, чем если бы ее обнаружили. Лялька на корточках переползла и выглянула из-за стеллажа. В матовом свете из окна ей была видна лестница, помост с кусочком стола, каталожный шкаф — и двери, которых, она помнила четко — раньше не было. Сквозь двери вошли двое. Мужчина обнимал, прижимая к себе, женщину в синем пиджаке, накинутом на плечи. Женщину сотря-

сала дрожь, правой рукой она поддерживала левую, прижатую к груди.

Лица видны были Ляльке неотчетливо, она заметила только, что незнакомка неприятно кривится и верхняя губа приподнялась, обнажая зубы. Мужчина выглядел озабоченным. В одежде неизвестные и различались, и были неуловимо схожи: что заставляло подумать о форме. На лацкане пиджака белел бэджик, но на таком расстоянии и при таком освещении написанное на нем прочитать не смогло бы даже привидение. Если они вообще умеют читать.

Мужчина помог спутнице присесть за стол.

— Я вызываю медицинскую программу.

— Ярослав, девчонка здесь! Ищите!

Вместо того, чтобы прятаться, Лялька еще чуть-чуть проползла вперед и широко распахнула глаза. Лучше бы она этого не делала. Потому что пиджак с неприятной женщины сполз и стал виден обгорелый черный рукав и рука, точнее, обуглившийся до локтя скелет, как у Терминатора. Ляльку вывернуло наизнанку, но промытый в больнице желудок оказался пустым, а звуки она зажала ладонями.

Что-то зацокало сзади и сбоку. Девушка скосилась. Вот этого уж точно не могло быть. Мимо стеллажей бежал маленький — ростом с колли — единорог с молочно блестящей шкурой, хрустальным рогом, торчащим из лба, и озабоченным выражением на морде. Зверь

втянул воздух, потешно топнул копытцем, но не стал на Ляльку отвлекаться. Простучал по воцеленным ступенькам и прыгнул на стол. Мужчина зажег настольную лампу. Шкурка единорожка радужно засияла, лицо женщины сделалось грязно-желтым, а мужчины... Если бы не имя «Ярослав» и не возраст чуть-чуть за тридцать на вид — это был бы Андрюшка, Стрелок. Лялька проглотила горькую слюну. Ей хотелось завывать и в кровь разбить об пол кулаки. Единорог топтался по столешнице, постукивал копытцами. А Лялька пыталась отыскать в облике Ярослава что-то... кожа у него была слишком гладкая — как тонкая резиновая маска: без волосков, пор, морщинок... И женщина. Не ходят с такой раной. Даже если шок. Видимо, она, Лялька, на самом деле умерла.

Единорожек заплакал. Крупные слезы падали на сожженное предплечье, и то на глазах обретало плоть. Лялька даже глаза протерла от изумления. Женщину перестало трясти.

— Включить оповещение, Ника? — спросил Ярослав. (Он ничуть не похож на Андрюшку, ну ни капельки.)

Та покрутила взлохмаченной русой головой:

— Выходи. Я знаю, что ты здесь.

— Ни за что не выйду, — прошептала Лялька.

Ее вытянули из укрытия и поставили перед столом. Опустив голову, Лялька водила большим пальцем ноги по щели в полу. Сопротивляться не хотелось. Она устала.

— Зачем ты это сделала? — спросила Ника.

Лялька молчала.

Ярослав с хрустом надкусил початое яблоко. Единорожек потянулся к фрукту.

— Программа, свободна, — сказал Ярослав. Обнял свою Нику за плечи, доверительно наклоняясь над ней: — По чести, виноваты оба.

— В чем? — удивившись, подала голос Лялька.

Глаза у девушки были серые с желтыми крапинками — очень невинные глаза. Ярослав небрежно вытащил откуда-то из-за спины книгу в потрескавшейся обложке, обугленной по краям. От книги воняло горелым. Под плохо вытертой копотью уцелел клочок фотографии. Ее, Ляльки. Мужчина щелкнул пальцами по медным застежкам книги:

— Извольте, Алина Сергеевна.

Лялька всхлипнула.

— Поздно реветь, — злая Ника общипывала горелые лохмотья рукава, как щипали корпию в девятнадцатом веке — по крайней мере, так Ляльке казалось. — Своди ее в хранилище, Яр. Пусть посмотрит.

— Не хочу, — девушка заслонилась руками. — Это не мое. Не знаю.

Ярослав хмыкнул — так похоже на Андрюшку, что Ляльке захотелось сбежать, закрывая уши и глаза руками.

— Твое-твое. Каждый человек — это книга. Или парусник в море. Или свеча. Ноосфера всегда подстраивается под известные образы. Мы видим цвета, а не длину волны...

— Я-ар!

Он примиряющее поднял руки:

— Неважно, как ты видишь это место. Важно, что ты связана со всеми веками и всеми людьми. Объяснить, к чему привел...

— Не-ет, — Лялька топнула ногой. Ноге было холодно и больно.

И убежать не получалось. Она словно прилипла к месту, а сухой спокойный голос перечислял:

— Родители. Отец скончается от инфаркта через день после твоих похорон...

— Неправда. Они меня не любят.

— Любят. Только многие не умеют выразить эту любовь. Но их книги вспыхнули вместе с тобой.

— Сестра, мучаясь подсознательным чувством вины, кинется в объятия алкоголика. Твой племянник родится уродом.

— Твой будущий ученик, гениальный музыкант... Ты же собиралась в музыкальный колледж?

Лялька, сглотнув, кивнула.

— ...так и не сыграет в Ла Скала, умрет от передоза...

— Зачем?! Зачем вы мне это говорите? Разве ваши нотации п-помогут? Разве я не имею права распоряжаться своей жизнью?

— И право, и лево, — усмехнулся Яр и потер пятерню губы. — Только вот у нас тоже есть право, точнее даже, скверная привычка: тащить кошку из-под троллейбуса, даже если ей непременно хочется угодить под колесо.

— Прежде, чем рассуждать о правах, головой научитесь думать.

Лялька посмотрела на Нику с ненавистью:

— Я его люблю!

Женщина хмыкнула.

— В пятнадцать лет это важно, — кивнул Яр. — Хотя больше напоминает желание иметь новую кофточку. Которой у других нет.

Лялька покраснела. До сих пор она и не представляла, насколько бурно умеют краснеть привидения: заполыхали щеки, уши и даже затылок.

— У меня — не так. И кто вы такие? Чтобы судить...

Яр ответил. Ответил, улыбаясь глазами, чуть-чуть посмеиваясь, так что на идеальной коже образовались тоненькие живые морщинки:

— Мы — счеты под стеклом в компьютерном зале. Мы — защита от дурака. Мы — спасатели, которые «вперед!». Потому что, холера, должен же кто-то взять на себя ответственность за этот мир! За глупых кошек, зачем-то лезущих под троллейбус...

— Я-ар!

— Отпустите меня, пожалуйста, — сказала Лялька жалобно, поджимая на ногах замерзшие пальцы.

— Да?

— Я никогда больше не буду.

Глаза зацепились за курсив бэджика на пиджаке: «Ника Рокотова. Служба безопасности библиотеки». Ника сжала и разжала пальцы на левой руке.

— Иди, — сказала она. — И поскорее!

Джризлик

У него не было друзей, кроме Джризлика, и он уже привык к этому. Но сейчас слезы лились по его лицу, собираясь в левом уголке рта. Уже девять дней как его лучший друг не приходил к нему.

Вопреки собственному обещанию не затрагивать этой темы с семьей, он пытался расспросить о нем своих родных, но никто, конечно, не мог ему ничем помочь.

— Джэж, ты почти не ешь ничего! — обвинила его мать. Большая ложка, наполненная мутным пахучим варевом, снова и снова атаковала его губы. Часть еды попадала в рот, часть оставалась на ложке, а остальное размазывалось по губам и падало ему на передник, который заботливо прикрывал грудь.

— Джэж! — настаивала мать. Она всегда свято выполняла то, что считала пользой для семьи.

Он послушно старался жевать и машинально сглатывал. Мысли его при этом были далеки от этой процедуры. Неужели его лучший друг, единственный друг, мог его просто так покинуть! Это невозможно. Значит, что-то задержало его. Что-то или кто-то. На какое-то мгновение мелькнула мысль об убийстве. Да, его младший братец Джок грозился убить Джризлика, но было очевидно, что это не в его власти. К счастью или к беде, но Джризлик был невидим для всей семьи. И лишь он, Джэж, мог видеть и общаться с ним. Перед его глазами вновь встала картина их первой встречи...

— Опять о своем Джризлике думаешь, уродец? — открыв глаза, он увидел рядом со своим креслом Джока. У того на губах застыла приторная улыбка, но глаза были наполнены холодной враждебностью.

— Ну что, Джэж, давай лучше сыграем, — в том же тоне предложил Джок. Выставив указательный палец вперед, тот стал водить рукой перед лицом своего старшего брата. — Следи за моим пальцем, уродец, — прошипел Джок.

Этого-то Джэж и боялся. Его младший брат был для него одной из самых крупных неприятностей. И все игры его он уже знал. Малолетний мучитель будет дразнить его пальцем, после чего резко и неожиданно проводить им перед глазами или тыкать в лоб. А когда Джэж будет вздрагивать, то братец будет восторженно ржать или зло-

радно хихикать. В зависимости от настроения. Надо не дать ему зайти так далеко.

— А...м-м-м... — попытался сказать Джэж, но ничего членораздельного выговорить у него не получилось. Всегда, когда он нервничал, у него пропадал дар речи и непроизвольно начинала трястись правая часть тела, та, которая не была парализована.

— Что, братишка, маму потерял? — гнусно ухмыляясь, проблеял Джок. — Так она пошла отмыть передник от твоей блевотины. А меня попросила проследить за тобой, что я с радостью и делаю.

Невольно глядя на самодовольную ухмылку братца, Джэж почувствовал тупое отчаяние, а мысль о потере Джризлика только усилила его. Слезы опять начали течь из глаз. Они наискось сползли по лицу, так как его голова из-за частичного паралича постоянно была склонена на левый бок. Он уже даже и не старался держать ее прямо.

— И запомни, уродец, — Джок, словно передразнивая, склонил голову набок и приблизил лицо, — это я убил твою зверушку, твою выдумку, твоего Джризлика! Понял, ты, полоумный?

Когда же вернется мать! Слова брата рвали ему сердце, эмоции душили его, но тело не давало сделать то, что ему больше всего хотелось. А именно: встать и разбить эту наглуго ненавистную физиономию! Только это не вернет ему его друга...

Послышалась тяжелая поступь матери. Несмотря на то, что на ее ногах были надеты мягкие тапочки, она передвигалась чересчур шумно. Джок, услышав ее приближение, отодвинулся и стал мечтательно смотреть в окно.

— Ну что, дети, все в порядке. — Мать встала на пороге кухни и оглядела братьев. — Вот и наш передник снова чистый. Ты ведь не хочешь больше каши, а, Джэж?

Он судорожно замотал головой, а из горла вырвалось протяжное мычание. Из рта потекли слюни.

Джок с показным отвращением покосился на своего старшего брата и отодвинулся. Это не укрылось от взгляда матери, но та, как обычно, ничего не сказала ему.

— Ну, Джэж, не надо так волноваться. Никто не станет тебя кормить насильно. — Она подошла и одним рывком усадила его в кресло так, чтоб он сидел прямо. — Ты ведь теперь уже большой. Завтра твой день рождения, помнишь? Тебе уже почти четырнадцать, и ты совершеннолетний.

— Джолли, а паспорт ему привезут домой или придется тащить его в департамент? — ангельским голосом спросил Джок.

— Какая разница, — резче, чем обычно, отозвалась мать. — В любом случае отец сможет отвезти его на служебном каре. Так что тебе, Джок, беспокоиться не о чем! Поехали, Джэж, в твою комнату, может, ты поспишь после обеда.

Она покатила кресло, в котором сидел Джэж. Единственное, что он мог сделать в этой унижительной ситуации — это закрыть глаза. Слезы уже кончились, но буря внутри и не собиралась униматься.

— Только не забудьте, что это и моя комната! — крикнул вдогонку Джок.

* * *

Больше всего он не мог терпеть семейные праздники. Мать вывозила его на середину гостиной, отец включал стереовизор, и они с дядей смотрели новости, громко рассуждая о политике. Двое его старших братьев (про себя он называл их Сириновым и Фиолетовым из-за окраса их волос на голове) обычно сидели на балконе, периодически встречая в разговор. Балкон они считали своим летним кабинетом в то время, когда бывали дома. Три старшие сестры — болтушки-веселушки — с трудом высиживали официальную часть любых домашних мероприятий, после чего грациозно ускользали прочь. Отца это всегда раздражало, но мать всегда была на стороне своих дочерей, и ему оставалось только скрежетать зубами из-за таких нарушений семейных традиций.

Тогда как старшие братья относились к Джэжу снисходительно, с легким оттенком покровительства, то с сестрами все было иначе. Они просто старались не замечать его. Джэж знал, что они презирают и не любят его, но это уже давно не разбивало его сердце. К этому он привык и открытой вражды или ненависти не ждал с той стороны, чего нельзя было ожидать от младшего братца Джокса. А его младшая сестра Джамнис, вертлявая и зоркоглазая шестилетняя девчонка, в отношении к Джэжу брала пример то с матери, то с отца, а то и с Джокса. В зависимости от настроения она могла быть навязчиво-

заботливой, как мать, равнодушно-непроницаемой, как отец, или колюче-взедливой как их общий братец. Хотя, конечно, до самого Джокса ей было далеко.

Когда мать ввезла кресло вместе с Джожом на середину гостиной, среди всей семьи сразу воцарилась тишина.

— Дорогие мои! — напыщенно и торжественно заговорила мать, обведя взглядом комнату. — Сегодня в нашей семье важное событие. Сегодня нашему милому Джэжу исполняется четырнадцать лет, и он становится совершеннолетним! И поэтому...

— Джолли, к чему это... — скорчив кислую морду, проворчал «Фиолетовый».

И одновременно с ним вякнул Джок:

— И поэтому, как совершеннолетний, он теперь будет жить в отдельной квартире! — И братец самодовольно заржал над своей шуткой.

— Джок! Вначале сам дорости! — строго одернул его отец, одновременно крутя одной рукой бокал с питом, а другой с помощью пульта переключая каналы стереовизора. Дядя, брат матери, сидящий с отцом на одном диване, издал одобрительное фырканье, не забывая при этом отхлебывать пит из своего бокала.

— Но, па-а... — плаксиво протянул Джок.

— Джок, не перебивай мать, то есть Джолли! — уже рассержено рявкнул отец. Он не терпел, когда нарушался устоявшийся церемониал. И так же не терпел, когда его с матерью называли па и ма. В семье было принято, что дети зовут родителей только по именам. И лишь сами родители называли друг друга «отец» и «мать».

— И поэтому нам надо подарить Джэжу самые наилучшие из подарков, какие мы можем себе позволить, — ничуть не смущаясь перепалки, продолжила мать. — Мы должны весело отпраздновать этот день!

Еще в начале речи он привычно закрыл глаза. Ему было больно смотреть на искусственно натя-

нутые улыбки, на всю видимость этого праздника, устроенного якобы ради него. Если бы он мог, то заткнул уши, чтобы не слышать полный ложного энтузиазма голос матери. Что ж, хорошо, что хоть речь не зашла о безмерной любви к этому полупарализованному уродцу.

Когда речь стихла, то он немного успокоился и открыл глаза.

Посреди гостиной стоял длинный широкий стол, обычно выставленный в честь семейных праздников. Мать с помощью своих старших дочерей быстро накрыла его. Все с готовностью расселись. Что-то, а пожевать они все любили.

Большой торт, приготовленный его матерью, стал быстро исчезать, поглощаемый всеми членами семьи. Даже отец и дядя на какое-то время отвлеклись от своих бокалов и пересели с дивана за стол. Но ничто не мешало им по-прежнему пялиться в стереовизор.

Мать пыталась с ложечки кормить Джэжа, и тот, как всегда покорно, жевал и глотал.

Когда, наконец, все наелись, отец с дядей вновь вернулись на диван, а двое старших братьев Джэжа отодвинули стол в угол, освободив середину комнаты, где по-прежнему стояло кресло именинника.

— Мать, ты слышала новости? — подал голос отец, прихлебывая из своего бокала. — На днях выйдет закон о принудительной эвтаназии. То есть получается, что всех больных детей первой и второй групп, не достигших совершеннолетия, усыпят.

— Наш Джэж уже совершеннолетний! — тут же отозвалась мать.

Она сидела в углу и просматривала домашнее задание Джамнис. Школа не особо-то нагружала детей заданиями, но хитрая девочка старалась использовать родителей в своих целях как можно чаще и эффективней.

— Говорят, что их органы будут использованы в научных целях, — подал голос дядя.

— Врут! — заключил отец. — Наверняка их будут продавать и наживаться на нашей крови! Или они

пойдут для пересадки солдатам, раненым в военных действиях.

— Ох, уж эти военные действия, — поддакнул дядя, и они дружно отхлебнули пива из своих бокалов.

— Да-а, повезло Джэжу, — притворно-сочувствующе протянул Джок.

Он примостился за небольшим компьютером в самом дальнем углу комнаты и делал вид, что очень занят.

Джэж сидел с открытыми глазами, тупо уставясь в одну точку на стене. Он уже давно облюбовал ее, еще несколько лет назад на одном из семейных мероприятий. Это была щербинка на стене, которую он же сам и сколупнул, еще в те годы, когда не был прикован к креслу. Память вновь начала возвращать его в те годы, когда он мог легко и непринужденно болтать, играть с другими детьми. Тогда он еще умел смеяться, и никто не считал его уродцем и лишним ртом.

Вновь перед его взором вставали картины детства. Вот он с семьей едет в отпуск за город. Поля. Он так любил резвиться в высокой траве. Падать, барахтаться на мягкой подстилке и снова вставать. Ловить губами травинки, пить их сладкий сок и жмуриться от ярких лучей солнца. К сожалению, он был в семейном отпуске лишь один раз в своей жизни. В дальнейшем с ним случилась эта неприятность, которая полностью изменила всю его жизнь.

Он четко помнил тот случай. Они с ребятами играли мячом, который попал внутрь открытой землемшины. Джэж не знал, что это за машина и принцип ее работы. Он знал, что на ней большие рабочие бурят землю и прокладывают туннели. В тот момент эта здоровая машина пришла в неисправность и разбитым железным чудовищем стояла на поверхности земли. Рабочие, обнажив ее нутро, поковырялись в ней и, безнадежно махнув руками, ушли на обед, бросив все там, где оно и было. Когда маленький Джэж тянулся за мячом, он не ожидал ничего плохого.

Очевидно, плохое поджидало его. Последнее, что он помнил — это слепящие искры перед глазами и странная тянущая боль, сотрясающая все его тело. Казалось, что она тянется целую вечность, а больший срок он выдержать уже не смог и отключился.

В больнице, где он оказался, рядом с ним уже была заботливая мать. Периодически появлялся отец. Больше никого, кроме равнодушного вытянутого лица врача, он не наблюдал. Он находился в тяжелом состоянии около месяца. Иногда выныривая из темноты беспомысленности, он слышал тихие голоса. Врач убеждал отца и мать, что могло бы быть и хуже, что они должны радоваться, что их сын остался в живых. Отец грозился и требовал, чтобы его мальчика поставили на ноги. Говорил, что добьется суда над безалаберными рабочими и получит материальную компенсацию за ущерб. Но так же Джэж, лежа с закрытыми глазами, слышал, как отец же шепотом убеждал мать в том, что «их мальчику» было бы лучше умереть. И предлагал написать заявление врачебной комиссии, чтобы его усыпили. Но все-таки Джэж остался в живых.

Он сам неоднократно жалел, что остался живым. Тысячу раз проклинал себя, свою беспечность и живучесть, но все оставалось по-прежнему. В конце концов, он оказался в инвалидном кресле. И вот тогда отношение к нему в семье стало резко меняться. Он не мог точно определить, с чего это началось, но презрение, раздражение, безразличие и даже ненависть периодически проявлялись в каждом из них. Даже мать, самая заботливая и нежная, иногда теряла терпение и взрывалась.

Наконец, устав от самобичевания, он вернулся обратно в гостиную и прислушался к разговорам.

Два старших брата устроились как обычно на балконе, играя в модную карточную игру. Сестер, за исключением Джамнис, которая старательно делала вид, что выполняет уроки, в гостиной не было. Мать занималась починкой одеж-

ды неподалеку. А отец с дядей вновь ушли с головой в стереовизор. Лишь Джок бесцельно глазел в окно. Видимо, как-то почувствовав взгляд Джэжа, он обернулся и весело подмигнул.

— Похоже там, в правительстве, совершенно свихнулись, — вслух прокомментировал увиденное отец. — Они опять собираются поднять поголовный налог! Думаю, что мы деньги штампует!

Дядя, сидящий на диване рядом, издал одобрительное фырканье:

— При этом ведь сейчас вас лишили дотации на Джэжа как на совершеннолетнего.

— Во-во, — хмыкнул в ответ отец. — Будто что-то изменилось! Никак не могут понять, что будь ему хоть четырнадцать, хоть сорок четыре, ситуация не меняется. С ним придется обращаться так же, как и раньше.

— Отец, не забывай, что мы уже как два года не видели никаких дотаций, — подала голос мать. — Так что для нас ничего не изменится.

— И это прискорбно, — согласился отец. — Ведь уход за ним нужен, как за малышом.

— Учитывая еще, что он растет, и уже вымахал с молодого теленка, — поспешил поддакнуть дядя.

Мать лишь тяжело вздохнула, но воздержалась от комментариев. Джэж за последние годы привык, что часто члены семьи говорят о нем в третьем лице, когда он находится рядом. Обсуждают тяготы жизни, новые налоги, отсутствие дотаций. Его уже не передергивало от подобных мелочей. А в последние девять дней это стало вообще чем-то мелким и незначительным. На первый план вышло то, что он потерял своего единственного друга.

Вдруг словно ветер пролетел по комнате.

— С днем рождения!

Сперва Джэж даже не поверил услышанному, но, скосив глаза, увидел в полутора метрах от себя того, кто был единственной радостью в последнее время.

Стараясь хоть что-то сказать, он одновременно с этим внимательно

но всматривался в своего друга, боясь, что глаза обманывают его.

В одежде светло-серого цвета, тот крепко стоял на своих длинных худых ногах. Его продолговатые и чуть раскосые глаза смеялись, а уши-лопушки весело топорщились. Два почти прозрачных крылышка чуть поблескивали, сложенные на спине.

— Джризлик! — наконец выдал из себя Джэж. — Ты вернулся! Где же ты пропадал? Я так без тебя скучал. Думал, что ты меня бросил или случилось что-то нехорошее.

— Извини, друг, — тот виновато опустил голову. — Я был дома. Прости, что задержался. Сейчас я вернулся за тобой.

— Д-дома? — удивился Джэж. — Где это? Ты никогда мне ничего не говорил про то, что у тебя есть дом.

— Я расскажу тебе. У нас будет время, — Джризлик приблизился на полшага к креслу. — Я хочу сделать тебе подарок. Дай мне свою руку и попробуй встать.

Это было что-то новое. Никогда еще его друг не говорил так серьезно и торжественно. Никогда не предлагал встать.

— Он что, по-прежнему испытывает галлюцинации? — донесся с дивана осторожный голос дяди.

— Ты и сам все знаешь, — слегка раздраженно кашлянул в ответ отец. — Последствие травмы, вероятно.

— Между прочим, врач заверил, что это должно пройти! — голос матери.

— Это «проходит» уже пять лет!

— Вы понимаете, что он там бубнит? — из другого угла голос Джюка.

— Как весело! — Джамнис.

— Может, дать ему успокоительное? — дядя.

Джэжу было не до них. Еще в десять лет он твердо понял, что никто в семье не способен его понять и никто даже не наберется терпения, чтобы выслушать его. Какое уж тут слушать, если полупарализованный мальчик кое-как может связать два слова, а некоторые фразы вообще напоминают мычание. Лишь одно существо в

этой безграничной вселенной способно слышать и понимать его. И сейчас его единственный друг стоит перед ним и хочет ему помочь.

Превозмогая собственную немощь, Джэж оторвал правую руку от ручки кресла, куда ее до этого заботливо положила мать.

— Джризлик, я иду. Вот моя рука!

Он протянул ее другу, а правой ногою сделал отчаянное усилие оттолкнуться от кресла. И ему было плевать на последствия!

Неожиданно комната покачнулась, пол стремительно бросился к его лицу. Две секунды потребовалось, чтобы осознать свое падение. Но тело молчало, боли не было, как всегда. Видно, та непомерная боль, полученная от землемашин, была последней. Она словно вобрала в себя все ощущения тела, оставив лишь пустую скорлупу.

— Отец, помоги мне поднять его!

Все-таки кое-что он чувствовал. Настойчивые и потому нелепые попытки матери приподнять его непослушное тело. Все это не столь важно, когда рядом друг. Он поможет. Он поймет.

Голова его лежала так, что он видел лишь ноги матери, суетящейся рядом, край дивана и сидящего отца. Также услышал, как дядя приглушенно выругался, а отец с омерзением фыркнул и одним глотком осушил бокал.

— Не суетись, мать. Ты его все равно не поднимешь, — поставив бокал, он встал и исчез и поля зрения.

— Друг, ты в порядке? — глаза Джризлика были сочувствующие. Он наклонился над лежащим так, чтобы тот мог его видеть. — Вот моя рука. Но свою дать должен только ты сам.

Джэж чуть не заплакал. Друг был так рядом. Друг понимал его и хотел помочь. А сам он так слаб и беспомощен. Но нет, он должен справиться. Он сможет.

Оттолкнувшись локтем правой руки, он высвободил ладонь и протянул ее вперед. Их руки почти соприкоснулись, и в этот же самый миг другие, более могу-

чие руки подхватили его несчастное тело и забросили обратно в кресло. Послышалось клацание замочков, это кто-то взрослый фиксировал его ноги. Принимались меры, чтобы полупарализованный ребенок, ставший сегодня совершеннолетним, вновь не выпал из кресла.

— Вот и все, мать, — с небольшой отдышкой заключил отец.

Его лицо покраснелось. Вероятно, это на него так подействовал пит.

Тут затренькал звонок, Джок быстро схватил трубку и зашептал в нее.

— Да меня это, меня!

С балкона в комнату влезли Си-реневый и Фиолетовый.

— Пожалуй, мы пойдем, прогуляемся.

— Не задерживайтесь допоздна! — попросила мать.

— Я тоже, мам! — вякнул Джок.

— Джок! — сердито буркнул отец.

— Джолли! — младший брат быстро выскочил из своего угла, направляясь к выходу. — Джэhn! — Кивок в сторону отца.

— Куда собрался, на ночь глядя?!

— Погуляю с друзьями и вернусь.

С облегчением Джэж понял, что наконец-то вечеринка в его честь подошла к концу. Скорей бы уединиться в комнате и пообщаться с Джризликом.

— Ты не устал? — Мать заботливо наклонилась к нему. — Может, отвести тебя в твою комнату?

И не дожидаясь ответного мычания, покатила его кресло в комнату, которую он делил с младшим братцем. Как все-таки удачно, что тот пошел гулять!

— Посидишь еще в кресле? Или будешь ложиться?

Джэж хотел посидеть. Джэж хотел, чтобы его оставили в покое. Он так многое еще хотел обсудить со своим другом.

Когда мать вышла, вошел Джризлик. По его лицу блуждала неуверенная улыбка.

— Я хочу тебе помочь! — Он сразу перешел к делу. — Сегодня

ты станешь совсем другим! Если захочешь, конечно...

— Я готов, — даже сам Джэж почувствовал, что в его словах не хватает уверенности.

Его грыз червячок сомнений. Что он не справится, у него не хватит сил и он подведет надежды своего друга.

— Через некоторое время в гостиной никого не будет, и мы сможем начать.

С самого момента возвращения Джризлика Джэж чувствовал, что сегодняшний вечер будет

особенный. Подобное ощущение у него было лишь раз, в детстве, накануне большого праздника. Сейчас все его восприятия обострились. Он мог даже без особого усилия шевелить правой рукой и ногами. И даже казалось, что он смог бы заставить шевелиться все тело.

— Давай за мной! — Дризлик шагнул за порог и скрылся из поля зрения.

Джэж отчаянно задвигал своей правой рукой, снимая коляску с тормоза. На удивление, ему это

быстро удалось, и он смог самостоятельно выехать в гостиную.

В зале никого не было, свет не горел, но из кухни доносились приглушенные звуки. Похоже, что мать что-то напевала, убирая посуду.

Джризлик выглянул с балкона и махнул другу рукой. Превозможая свою неуклюжесть, Джэж отчаянно стал толкать колеса кресла в нужную сторону. Определенно — сегодня волшебный день! В присутствии друга у него все гораздо лучше получается! Вот он уже оказался на балконе.

— Джризлик, где ты? — позвал Джэж. Его друга нигде не было. Не мог же он выпасть! Балкон квартиры, где они жили, находился на восемьдесят четвертом этаже. Рядом стояли такие же многоэтажки, и вид сверху мог навести страх на кого-нибудь из робких. У Джэжа этого страха не было. Он с любопытством заглянул за низенький предохранительный бортик.

Над городом уже опустился вечер. Внизу тянулась ниточка трассы, горели яркие огни и маленькие точки двигались туда-сюда. Ему все это показалось забавным. Очень редко ему удавалось посмотреть с балкона на окружающий мир. Мать никогда не вывозила его сюда, убежденная, что для него это будет опасно. Смешно!

— Какой ты молодец! — Джризлик вынырнул из-за края балкона. Его небольшие прозрачные крылья трепетали за спиной. Он улыбался во весь рот. — Ты сам справился с дорогой сюда. Ты хотел бы самостоятельно перемещаться и быть свободным от этих неприятных оков?

— О чем ты говоришь? — Джэж почувствовал, что слова выходят из его рта почти не искаженными. Это придало ему сил и уверенности.

— Я хочу, чтобы ты полетел вместе со мной! — Джризлик засмеялся, увидев изумление на лице друга. — Ты это сможешь, уж я-то знаю!

— Полететь... Но куда?

— Туда! — Джризлик махнул рукой на закат. — Домой! — И он взмыл чуть выше, описав небольшой круг над балконом. — Я покажу тебе массу чудес, которых ты никогда не видел. Ты узнаешь столько, чего и не снилось ни твоему отцу, ни матери, дяде или братьям и сестрам. У тебя есть шанс!

За те мгновения, что он говорил, Джэж прокрутил в голове почти всю свою жизнь. Волны эмоций затопили его. Волны вынесли перед ним один-единственный вопрос: как он будет жить дальше, если он будет жить в семье? И он сам же ответил на этот вопрос: никак! Нет перспектив, нет будущего. Есть только нудно тянущееся настоящее, без начала и конца. Что же, вот его друг предлагает выход! Если это правда, то...

— Но я не умею летать... — пролепетал Джэж, в душе замирая от страха и восторга. — Ты меня научишь?

Джризлик весело рассмеялся и подлетел к нему почти вплотную.

— Ты умеешь все, мой друг! Все в твоих силах, ты должен только поверить в себя! Я научу тебя всему, что пожелаешь, но первый шаг ты должен сделать самостоятельно.

Опустив руку вниз, Джэж нашарил замочки, фиксирующие его ноги в кресле. Они поддались сразу — и вот он уже готов действовать дальше.

— Ты должен перебраться через этот бортик и шагнуть на воздух. Там уж ты удержишься, и начнем полет!

Бортик так невелик, но перебраться через него все-таки не просто. Два раза Джэж бросался на него, и оба раза тот равнодушно откидывал его прочь. Когда и третья попытка не удалась, он почувствовал, как слезы отчаяния зарождаются внутри.

— Помоги! — почти простонал он.

— Нет. Ты должен это сделать сам, — был ответ.

Отчаяние, что ничего не получится и друг разочаруется в нем,

придали Джэжу сил. Он откатился на край балкона и, разогнавшись, наехал прямо на бортик. Сила инерции помогла ему осуществить задуманное. Несколько долгих секунд он висел в неудобной позе и переводил дух. Перед глазами мелькнули и пропали игральные карты, оставленные на балконе братьями. Перехватившись правой рукой и обеими ногами, он принял вертикальное положение. Да, так гораздо лучше.

— У меня получилось! — выдохнул он. — Джризлик, я смог!

— А я в тебе и не сомневался! — улыбнулся его друг. — А теперь шагай вперед, небо ждет нас.

Бросив еще раз взгляд вниз, Джэж мысленно подивился тому, как же он высоко находится и как был бы далек его путь вниз, если бы он упал. Но с другом он уже не упадет. Его муки навсегда остались в прошлом. Да здравствует новая жизнь!

— Я верю тебе. Я верю в себя... — пробормотал Джэж и поднял глаза на Джризлика. Тот легко парил в воздухе и приветливо смотрел на него.

— Я жду тебя...

Неожиданно из гостиной раздалась какие-то звуки: на пороге появилась мать — и тут же замерла на месте.

— Джэж! Что ты делаешь?! — В ее голосе проскальзывали истеричные нотки.

— Извини, мам... Джолли, но я улетаю с Джризликом. Познакомься, он мой друг... — хотел сказать Джэж, но слова снова с трудом выползали наружу. Конечно же, она не расслышит и не поймет его.

— Стой! Немедленно вернись! — послышался рывкающий голос отца — Ты с ума сошел!

И когда он только вернулся? Не хватает еще только дяди с его предложением дать ребенку успокоительное, подумал Джэж. И язвительного голоса Джока. Но с этим довольно. Он покончил со всеми делами здесь — его ждет дорога.

— Джризлик, я иду к тебе!

С этими словами он отчаянно оттолкнулся от перил балкона и... полетел.

Вячеслав МИХАЙЛОВ,
фото автора и Ирины ПАШНИНОЙ

ПАМЯТНИКИ СВЕРДЛОВСКА-ЕКАТЕРИНБУРГА

Памятник П.П. Бажову (1879–1950), уральскому писателю, установлен на Ивановском кладбище города Екатеринбурга 14 сентября 1961 года. Наиболее известная книга Бажова – «Малахитовая шкатулка» – удостоена в 1943 году Государственной премии СССР. Авторы памятника – архитектор М.Л. Минц, скульптор А.Ф. Степанова.

В 1979 году в память столетия со дня рождения Бажова на углу ул. Бажова и пр. Ленина установлена мемориальная доска. Автор – скульптор В.Е. Егоров.

На проспекте Ленина, на плотинке Городского пруда, установлен бюст писателя.

Памятник воинам Уральского добровольческого танкового корпуса установлен на Привокзальной площади 23 февраля 1962 года. Авторы: скульпторы – В.М. Друзин и П.А. Сажин, архитектор Г.И. Белянкин.

Памятник В.К.Блюхеру (1890–1938), выдающемуся военачальнику, Маршалу Советского Союза, установлен на пересечении ул. Комсомольской и ул. Блюхера, у бывшего кинотеатра «Современник» в 1967 году. Авторы памятника – скульптор П.А. Сажин, архитектор Г.И. Белянкин.

Мемориальный комплекс уралмашевцам, погибшим в Великой Отечественной войне, установлен в сквере на углу ул. Машиностроителей и бульвара Культуры. Открыт 8 мая 1969 года. Авторы – архитектор Г.И.Белянкин, художники – И.Симонов и С. Романов.

Памятник-бюст Г.Я. Бахчиванджи (1909–1943), летчику-испытателю, Герою Советского Союза, испытавшему в уральском небе первый советский реактивный самолет БИ-1, установлен в поселке Кольцово, на ул. Бахчиванджи. Памятник открыт 18 августа 1969 года. Авторы – скульпторы В. Грачов и В. Грачова.

В честь первого полета – 15 мая 1942 года на самолете БИ-1 у здания аэропорта «Кольцово» установлена стела и самолет, поднимающийся в небо.

Памятник первым строителям города установлен в 1973 году в Историческом севере. Авторы: художники П.П. Шарлаимов и Камбаров.

Памятник А.С. Попову (1859–1905) изобретателю радио, установлен в сквере у Главпочтамта, на проспекте Ленина. Попов жил и учился в Екатеринбурге. Памятник открыт 7 мая 1975 года. Авторы памятника – скульптор В.Е. Егоров, архитектор – П.Д. Деминцев.

Памятник рабочим и сотрудникам Верх-Исетского металлургического завода, погибшим в годы ВОВ, установлен на площади Субботников, рядом с Дворцом «Металлургов» 19 ноября 1976 года. Авторы: скульпторы А.И. Бельдежин, А.С. Новиков, А.В. Рыбкин.

Мемориал воинам Великой Отечественной войны, умершим в госпиталях Свердловска, установлен на Широкореченском кладбище 9 мая 1975 года. Архитекторы: Г.И. Белянкин и М.М. Фаттахутдинов, при участии архитектора А. Заславского.

Памятник первому Российскому паровозу и его создателям — отцу и сыну Е.А. и М.Е. Черепановым, установлен 13 октября 1978 года на ул. Свердлова, рядом с Дворцом культуры железнодорожников. В качестве памятника представлена модель первого паровоза. Памятники свердловским железнодорожникам: паровоз в районе станции Свердловск-пассажирский и паровоз узкой колеи — кукушка у Дворца культуры железнодорожников.

Памятник В.В. Маяковскому (1893–1930) установлен на площади им. Маяковского в ЦПКиО в 70-х годах XX века.

Продолжение следует